

ФИНАЛИСТ
ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ
ПРЕМИИ

МЫ УМЕЛИ ВЕРИТЬ

18+
Содержит
цензурную
брань

«Прекрасная, нежная, страстная
и душераздирающая история»
— *Wall Street Journal*

РЕБЕККА МАККАЙ

Ребекка Маккай
Мы умели верить

Издательство "Livebook/Гаятри"

2018

УДК 82-3
ББК 84

Маккай Р.

Мы умели верить / Р. Маккай — Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2018

ISBN 978-5-907056-95-4

В 1985 году Йель Тишман, директор по развитию художественной галереи в Чикаго, охотится за необыкновенной коллекцией парижских картин 1920-х годов. Он весь в мыслях об искусстве, в то время как город накрывает эпидемия СПИДа. Сохранить присутствие духа ему помогает Фиона, сестра его погибшего друга Нико. Тридцать лет спустя Фиона разыскивает в Париже свою дочь, примкнувшую к секте. Только теперь она наконец осознает, как на ее жизнь и на ее отношения с дочерью повлияли события 1980-х. Эти переплетающиеся истории показывают, как найти добро и надежду посреди катастрофы. Культовый роман о дружбе, потерях и искуплении, переведенный на 11 языков. Финалист Пулитцеровской премии и лауреат National Book Award. Содержит нецензурную брань.

УДК 82-3

ББК 84

ISBN 978-5-907056-95-4

© Маккай Р., 2018
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2018

Содержание

1985	6
2015	16
1985	20
2015	32
1985	37
2015	49
1985	56
2015	71
1985	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Ребекка Маккай

Мы умели верить

«Мы умели верить, как никто другой.»

И никто не волновал меня сильнее, чем эти ребята – они встретили свою первую весну в одно время со мной и увидели перед собой смерть, и были помилованы, а теперь гуляют этим долгим бурным летом»

Ф. Скотт Фицджеральд, «Мое поколение»

«...мир – это чудо, но порции малы»

Ребекка Хейзелтон, «Убойное чтиво»

REBECCA MAKKAÏ
THE GREAT BELIEVERS

Copyright © 2018 by Rebecca Makkaï Freeman

© Дмитрий Шепелев, перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство Лайвбук», оформление, 2021

* * *

*«Не оторваться! Затягивающая и переворачивающая душу книга»
– Майкл Каннингем, писатель,
лауреат Пулитцеровской премии,
автор романов «Часы» и «Дом на краю света»*

*«Маккай пишет о потерях, предательстве, дружбе и выживании. Мощная история о людях, которые изо всех сил пытаются сохранить свою человечность в ужасных обстоятельствах»
– People*

*«Роман дает возможность увидеть первые годы эпидемии СПИДа одновременно ностальгически и откровенно»
– Library Journal*

*«Верить во что-то – значит иметь веру, и Маккай яростно отстаивает это вопреки нигилизму и отчаянию – веру в хорошее в других, в способность времени если не исцелять, то создавать что-то новое»
– National Book Review*

*«Сильное, незабываемое размышление не о смерти, а, скорее, о силе и даре жизни. Этот роман, несомненно, затронет сердца и умы читателей»
– Publishers Weekly*

*«Эмоциональная, захватывающая история о том, каково жить во время кризиса»
– The New York Times Book Review*

1985

За двадцать миль отсюда, двадцать миль на север, начиналась заупокойная месса. Йель взглянул на свои часы, когда они шли по Белдену¹.

– Как думаешь, – спросил он Чарли, – сколько наберется человек в той церкви?

– Давай не будем, – сказал Чарли.

Чем ближе они подходили к дому Ричарда, тем больше встречали друзей, направлявшихся туда же. Кто-то нарядился в парадное, как на настоящие похороны; другие были в джинсах, кожаных куртках.

В церкви, по всей вероятности, собрались только родственники, друзья родителей, священник. Если там выложили сэндвичи, в какой-нибудь общей комнате, большая часть останется нетронутой.

Йель нашел в кармане брошюрку со вчерашней vigилии и сложил ее во что-то наподобие бумажной гадалки, которые в детстве делали его друзья, коротая время в школьных автобусах – ты открывал лепестки и читал свою судьбу: «Слава!» или «Смерть!» Эта получилась без лепестков, но со словами на каждом квадратике, иногда перевернутыми, исчезавшими за краями: «Отец Джордж Х. Уитб»; «любимый сын, брат, покойся»; «Все создания прекрасные и»; «вместо цветов пожерт». И все эти предсказания, как казалось Йелю, относились к судьбе Нико. Нико был ясным и прекрасным. Цветы будут лишними.

Дома на этой улице были высокими, нарядными. На каждом крыльце все еще стояли тыквы, но в основном без рожниц – антураж по большей части создавали бутылочные тыквы и кукуруза. Кованые заборы, распашные ворота. Когда они свернули на дорожку к дому Ричарда (шикарный особняк из бурого песчаника, стеной к стене с шикарными соседями), Чарли сказал шепотом:

– Декором занималась его жена. Когда он был женат. В семьдесят втором.

Йель рассмеялся в самый неподходящий момент, как раз когда они входили в дом, мимо горестно улыбавшегося Ричарда, державшего дверь открытой. Это была идея Ричарда – вести жизнь гетеросексуала в Линкольн-парке с какой-нибудь любительницей декора для отвода глаз. Йель представил фарсовую сцену: Ричард заталкивает в шкаф любовника, когда жена возвращается за клатчем от Шанель.

Йель подобрался и повернулся к Ричарду.

– У тебя прекрасный дом.

За ними вошла группа людей, выталкивая Йеля и Чарли в гостиную.

Внутренний декор громко намекал не столько на 1972-й, как на 1872-й: ситцевые диваны, бархатные кресла с резными подлокотниками, восточные ковры. Йель почувствовал, как Чарли сжал его руку, когда они погрузились в толпу.

Нико ясно дал понять, что хотел вечеринку: «Если я тут зависну призраком, думаете, мне захочется видеть рыдания? Я вам устрою. Будете лить слезы, запущу лампу через комнату, окей? Засуну кочергу вам в жопу, и не по-доброму».

Если бы он умер пару дней назад, они бы не решились выполнить его наказ. Но прошло уже три недели, как Нико не стало, а семья все откладывала vigилию и похороны, ожидая, пока его дед, которого никто не видел двадцать лет, прилетит из Гаваны. Мать Нико была продуктом скоротечного брака между дочерью дипломата и кубинским музыкантом – еще до эпохи Кастро – и вот теперь похороны застопорились без этого древнего кубинца, а между тем любовника Нико, с которым он прожил три года, даже не желали видеть в церкви. Стоило Йелю подумать об этом, и он закипал, а Нико не хотел бы этого.

¹ Район Чикаго, штат Иллинойс (Здесь и далее прим. пер.).

В любом случае, они его оплакивали три недели, а теперь дом Ричарда искрился вымученным весельем. Здесь были, кроме прочих, Джулиан и Тедди, махавшие из-за перил второго этажа, опоясывавших зал. А выше поднимался еще один этаж, и над всем возвышался круглый купол неба в изысканной оправе. Этот дом больше походил на собор, чем сегодняшняя церковь. Кто-то резко рассмеялся над ухом Йеля.

– Полагаю, – сказал Чарли, – от нас требуется хорошо провести время.

Когда Чарли говорил с сарказмом, его британский акцент – Йель был в этом убежден – проявлялся сильнее.

– Жду не дождусь танцоров на разогреве, – сказал Йель.

В доме Ричарда было пианино, и кто-то играл «Fly Me to the Moon»².

Какого черта они все тут делают?

Тощий тип, которого Йель впервые видел, крепко обнял Чарли. Заезжий, подумал он, из тех, кто жил в городе раньше, а потом переехал, еще до того, как нарисовался Йель.

– Как ты, блин, умудряешься молодеть? – сказал Чарли.

Йель ждал, что их познакомят, но этот тип затараторил какую-то историю о ком-то, кого Йель не знал. Чарли был связующим звеном многих компаний.

Голос в ухо Йелю:

– Мы пьем кубу либре.

Это была Фиона, младшая сестра Нико, и Йель повернулся обнять ее, вдохнуть лимонный запах ее волос.

– Правда ведь нелепо?

Нико гордился своими кубинскими корнями, но если бы он знал, какую суматоху вызовет прибытие его деда, он бы наложил запрет на этот коктейль.

Хоть Фиона и сказала всем еще прошлым вечером, что не пойдет на похороны – что она будет здесь – но все равно она вносила какой-то диссонанс, словно в этом было что-то нарочитое. Правда, она порвала со своей семьей так же кардинально, как семья порвала с Нико за годы до его болезни. (Только недавно они заявили на него свои права, настояв, чтобы он умер в убогой пригородной больнице с веселенькими обоями.) Макияж у Фионы был смазан. Она сбросила туфли, но покачивалась, словно еще была на шпильках.

Фиона вручила Йелю свой бокал – полупустой, со следами помады. Она коснулась пальцем ямки на его верхней губе.

– Никак не могу поверить, что ты сбрил их. То есть тебе так идет. Ты выглядишь как бы...

– Мужикастей.

Она рассмеялась, а затем сказала:

– Оу. Оу! Они ведь не принуждают тебя, нет? В Северо-Западном?

Фиона сделала одно из самых сочувственных лиц, какие он видел – брови домиком, губы втянуты в рот – и он удивился, что у нее вообще остались силы на какие-то эмоции.

– Нет, – сказал он. – Это... То есть я же отвечаю за развитие. Я общаюсь со многими старшими выпускниками.

– Чтобы достать денег?

– Денег и картины. Это странный танец, – Йель устроился в Северо-Западный университет, в их новую галерею Бригга, в августе, в ту же неделю, когда заболел Нико, и он все еще не очень четко понимал, где начинались и кончались его рабочие обязанности. – То есть они знают о Чарли. Мои коллеги. Все путем. Это галерея, не банк.

Он отпил кубу либре. Неуместный напиток для третьего ноября, хотя вечер был необычайно теплым, и ему нужно было что-то именно такое. Может, кола его даже растормошит.

---

² *Унеси меня на Луну (англ.)* – классическая джазовая песня, написанная в 1954 году.

– Ты был реальный Том Селлек³. Терпеть не могу, когда блондины отпускают усы; это цыплячий пух. Вот темноволосые ребята – это моя тема. Надо было тебе оставить! Но все окей, потому что теперь ты выглядишь как Люк Дюк⁴. В хорошем смысле. Нет, как Патрик Даффи!⁵

Йель не смог рассмеяться, и Фиона склонила голову набок и взглянула на него серьезно.

Ему хотелось разрыдаться ей в волосы, но он сдержался. Он весь день работал над тем, чтобы заставить свои чувства онеметь, и теперь держался за это умение, как за спасительную соломинку. Если бы эта встреча случилась три недели назад, они могли бы просто поплакать вместе. Но рана уже затянулась, и все теперь помешались на этой *вечеринке*, вознамерившись так или иначе быть окей. Веселыми.

А кем был Нико Йелю? Просто хорошим другом. Не родственником, не любовником. На самом деле, Нико стал первым настоящим другом Йеля, когда он сюда переехал, первым, с кем он сел просто *поговорить*, и не в баре, не перебивая музыку. Йель обожал рисунки Нико, он приглашал его сходить поесть оладий, помогал закончить курсы на школьный аттестат и говорил ему, что у него талант. Чарли не увлекался искусством, как и любовник Нико, Терренс, поэтому Йель водил Нико в галерею на выставки и лекции, знакомил с художниками. И все же, если младшая сестра Нико держалась настолько хорошо, разве Йель не должен был быть в лучшей форме?

– Сейчас всем тяжело, – сказала Фиона.

Их родители порвали с Нико, когда ему было пятнадцать, но Фиона тайком носила ему еду, деньги и лекарства от аллергии в квартиру на Бродвее, которую он снимал с четырьмя ребятами, и сама добиралась туда на метро и надземке от Хайлэнд-парка. В одиннадцать лет. Когда Нико знакомил Фиону с друзьями, он всегда говорил: «Эта леди меня вырастила».

Ничего из того, что Йель мог выразить в словах, не стоило озвучивать.

Фиона предложила ему посмотреть верхний этаж, когда появится возможность.

– Там прямо Версаль.

Йель не мог найти Чарли в толпе. Хотя Чарли казался на редкость высоким, его рост был ненамного выше среднего – и Йель всегда удивлялся в таких ситуациях, когда не видел поверх остальных голов его «ежика», аккуратной бороды, флегматичных глаз.

Но теперь рядом с ним возник Джулиан Эймс, спустившийся сверху.

– Мы пьем с самого ланча! – сказал он. – Я вдрабадан!

Было пять часов, небо уже выцветало. Он привалился к Йелю и захихикал.

– Мы обшарили ванны. У него ничего, или он что-то прячет. Ну, кое-кто нашел немного старых попперсов⁶ в глубине холодильника. Но какой смысл в попперсах, если ты не трахешься?

– Да ну. Боже. Попперсы?

– Я серьезно спрашиваю!

Джулиан подтянулся. Со лба у него свисал темный локон, отчего Чарли утверждал, что он выглядит как Супермен. («Или единорог», – добавлял Йель.) Он смахнул локон с глаз и надул губы. Джулиан был слишком безупречен, это точно. Уехав из Атланты, он подправил себе нос – для своей актерской карьеры – и Йель считал, что зря. Он предпочитал небезупречного Джулиана.

– Я серьезно отвечаю. Нет совершенно никакого смысла принимать попперсы на поминках.

---

³ Томас Уильям Селлек (род. 1945) – американский актер, типичный мачо, наиболее известный главной ролью в телесериале «Частный детектив Магnum».

⁴ Герой американского телесериала «Дюки из Хаззарда» (в русском переводе «Придурки из Хаззарда»), про двух разудалых братьев и лихую сестричку.

⁵ Патрик Даффи (род. 1949) – американский телеактер, наиболее известный ролью в мыльной опере «Даллас».

⁶ Ненаркотические препараты сосудистого действия, применяются для расслабления сфинктера, вызывают головную боль.

– Но это же не похороны, это вечеринка. И это как... – Джулиан снова к нему прильнул, шепча заговорщицки на ухо. – Это как в том рассказе По, про красную смерть. Смерть где-то рядом, но мы намерены чудесно провести время.

– Джулиан, – Йель осушил кубу либре и сплюнул в бокал кусочек льда. – Рассказ не об этом. Там другой конец.

– Никогда не доделывал домашку.

Джулиан положил подбородок на плечо Йелю – он вечно так делал – и Йель всегда опасался, что Чарли их увидит в такой момент. Последние четыре года Йель старался убедить Чарли, что он не сбежит с кем-нибудь вроде Джулиана или Тедди Нэпплса, который сейчас рискованно перевесился через перила, оторвав ноги от пола, и звал друга вниз. (Тедди был таким маленьким, что если бы и свалился, кто-нибудь наверняка поймал бы его, но Йелю стало не по себе, и он отвел взгляд.) У Чарли не было причин для неуверенности, не считая того, что оба парня были красавчиками и любителями пофлиртовать. Не считая того, что Чарли никогда не чувствовал себя уверенно. Даже притом, что это Йель предложил им моногамные отношения, Чарли все время искал какой-то подвох. И он выбрал двух самых красивых мужчин в Чикаго, чтобы подпитывать свою тревожность. Йель стряхнул Джулиана с плеча, и тот отчалил, дурашливо улыбнувшись.

В помещении стало громче, звук рикошетил от верхних этажей, появлялось все больше людей. Двое смазливых, совсем молодых парней лавировали с подносами с кусочками киша и фаршированными грибами и яйцами. Йелю казалось странным, что еда не кубинская, под стать напиткам, но у Ричарда, вероятно, был один расклад на все вечеринки: открыть двери, открыть бар, нанять мальчиков с кишем.

В любом случае, это было бесконечно лучше, чем та странная и бесчестная вигилия прошлым вечером. В церкви приятно пахло ладаном, но в остальном там было мало такого, что одобрил бы Нико.

Чарли тогда сказал, что Нико до смерти не понравилось бы это, и, услышав себя, попытался рассмеяться.

Родители Нико осторожно пригласили любовника Нико на вигилию, сказав, что это «подходящее время для друзей отдать дань уважения». Имея в виду: не показывайся на главную мессу сегодня. Имея в виду: лучше не показывайся и на вигилию, но признай, что мы великодушны. Но Терренс пришел прошлым вечером, а с ним еще восемь друзей. В основном, чтобы быть рядом с Терренсом и поддержать Фиону, которая, как выяснилось, как раз и вынудила родителей написать приглашения; она им сказала, что, если они не пригласят друзей Нико, она встанет во время службы и объявит об этом во всеуслышание. Но все равно немало друзей отклонили приглашения. Эшер Гласс заявил, что он физически не сможет ступить ногой в католическую церковь. («Я стал бы орать про резинки⁷. Богом клянусь»).

Восемь друзей Нико сидели плечом к плечу на задней скамье, когорта пиджаков вокруг Терренса. Было бы лучше, если бы Терренс мог анонимно смешаться с толпой, но они и рассесться еще не успели, когда Йель услышал, как одна пожилая женщина говорит своему мужу: «Вон тот. Черный джентльмен в очках». Словно бы в церкви был другой черный парень, с идеальным зрением. Та женщина была не единственной, кто периодически оглядывался во время службы, движимый антропологическим интересом увидеть, когда же – если вообще – эта черная гомоособь начнет скулить.

Йель держал Чарли за руку, незаметно для других – не в знак нежных чувств, а потому, что Чарли испытывал аллергию в церквях: «Только увижу подколенники и гимтари⁸, – гово-

---

⁷ Католикам запрещается пользоваться презервативами.

⁸ Сборник церковных гимнов.

рил он, – и на мою шею опускаются пять тонн англиканской вины»⁹. Так что Йель украдкой потирал своим широким большим пальцем костлявый палец Чарли.

Родственники, вспоминая Нико, рассказывали истории только из его детства, словно он умер подростком. Одна история от его сдержанного, мертвенно-бледного отца, была хороша: Фиона, когда ей было семь, захотела двадцать центов, чтобы купить горсть конфет «Шведские рыбки» со стойки на кассе мини-маркета. Отец заметил, что она уже истратила карманные деньги. Фиона начала реветь. А Нико, которому было одиннадцать, уселся посреди прохода и пять минут выкручивал и тянул свой едва шатавшийся коренной зуб, пока не вырвал. Потекла кровь – и отец, который был ортодонтом, встревожился при виде обломанного корня выдранныго зуба. Но Нико положил зуб в карман и сказал: «Зубная фея принесет сегодня ночью четвертак, так?» Доктор Маркус не посмел отказать в присутствии Фионы. «В таком случае, можешь мне одолжить до ее прихода?»

Толпа рассмеялась на это, и доктору Маркусу, наверно, можно было бы и не объяснять, что Нико сразу отдал деньги сестре и потом год ходил без зуба, пока не вырос постоянный.

Теперь Йель огляделся в поисках Терренса. Прошла минута, прежде чем он увидел его, сидевшего на середине лестницы, в таком плотном кольце друзей, что Йель решил подождать с общением. Вместо этого он взял с подноса мини-киш и протянул Терренсу через перила.

– Похоже, ты застрял! – сказал Йель.

Теренс проглотил киш и протянул руку, сказав:

– Подкармливай меня!

Фиона хотела провести родителей, подменив прах Нико пеплом из камина, и отдать настоящий Терренсу. Трудно было сказать, серьезно ли она говорила. Но Терренсу не досталось ни праха, ни пепла, только кот Нико, которого он взял себе, когда Нико первый раз лег в больницу. Семья дала ясно понять, что завтра, когда они будут разбирать вещи Нико, Терренса там не будет. Нико не оставил завещания. Его болезнь была такой внезапной и скоротечной – первые несколько дней у него было что-то вроде герпеса, а потом, через месяц, страшная лихорадка и умственное расстройство.

Терренс был учителем математики восьмых классов, но ушел с работы этим летом, чтобы ухаживать за Нико сутки напролет, и вскоре выяснил, что он тоже инфицирован. И как теперь Терренс проживет эту осень и зиму, без Нико, без работы? Дело было не только в финансах. Он любил преподавать, любил своих ребят.

У Терренса были кое-какие начальные симптомы, легкая потеря веса, но пока ничего серьезного, не настолько, чтобы считаться недееспособным. Он прошел тест, когда заболел Нико – из чувства солидарности или просто чтобы знать, Йель не мог сказать наверняка. Было непохоже, чтобы имелась какая-то панацея. Йель и Чарли, просто из принципа, проверились в числе первых той весной. Газета Чарли поддерживала тестирование, просвещение, безопасный секс, и Чарли посчитал, что должен подкрепить свои слова делом. Но главное, Йель хотел сразу решить этот вопрос. Неведение, как он рассудил, не пойдет ему на пользу ни в каком отношении. В клиниках еще не проводили тестирование, но это делал доктор Винсент. Когда Йель с Чарли получили хорошие результаты, они открыли шампанское. Это был печальный тост; они даже не допили бутылку.

Вернулся Джулиан, снова шепча Йелю на ухо:

– Налей себе еще выпить, пока не началось слайд-шоу.

– А будет слайд-шоу?

– Это же Ричард.

У бара Йель увидел Фиону, болтавшую с каким-то незнакомым ему парнем, по виду натуралом, с массивной челюстью. Фиона накручивала свой светлый локон на палец. Она слишком

---

⁹ Здесь ирония: выражение *anglican length* (англиканская длина (*англ.*)) на сленге означает длинный член.

быстро пила, у нее в руке был пустой бокал. Она успела его осушить уже после того, как отдала Йелю недопитый коктейль, а весила она вряд ли больше сотни фунтов¹⁰. Он тронул ее за руку.

– Ты про еду не забываешь? – сказал он.

Фиона рассмеялась, посмотрела на парня, снова рассмеялась.

– Йель, – сказала она и поцеловала его в щеку, с нажимом, оставив отпечаток, а парню сказала: – У меня двести старших братьев, – она еле держалась на ногах. – Но, как ты видишь, он самый стильный. А взгляни на его руки. Взгляни.

Йель осмотрел свою ладонь; с ней было все в порядке.

– Нет, – сказала она, – с тыльной стороны! Разве не похожи на лапы? На них шерсть!

Она провела пальцем по темным волоскам, плотно покрывавшим тыльную сторону его руки. И громко прошептала парню:

– И на ступнях тоже! – а затем спросила Йеля: – Эй, ты говорил с моей тетей?

Йель оглядел помещение. Здесь было всего несколько женщин, и самым старшим из них – ненамного больше тридцати.

– На вигилии? – спросил он.

– Нет, она не водит машину. Но ты наверняка с ней говорил, потому что я ей сказала. Я ей сказала, ну, пару месяцев назад. И она сказала, что говорила с тобой.

– Твоя тетя? – спросил он.

– Нет, моего отца. Она любила Нико. Йель, ты должен это знать. Она его любила.

Йель сказал парню:

– Принеси ей еды.

Парень кивнул. Фиона хлопнула Йеля по груди и отвернулась, словно он был из тех людей, чья логика непостижима.

Он наполнил бокал почти чистым ромом и стал искать Чарли. Не его ли это бородатый подбородок, синий галстук? Но люди снова сомкнулись, а Йель был не так высок, чтобы рассмотреть что-то в толпе. А тут и Ричард притушил свет и развернул экран проектора, но Йель не видел ничего, кроме плеч и спин, окруживших его со всех сторон.

Ричард Кампо если кем и работал, то фотографом. Йель понятия не имел, откуда у Ричарда были деньги, но он мог себе позволить множество хороших камер и свободное передвижение по городу, чтобы делать фотографии из повседневной жизни, помимо нечастых свадебных съемок. Вскоре после переезда в Чикаго Йель загорал на пляже Белмонт-рокс, с Чарли и его друзьями, еще до того, как он замутил с ним. Это был рай, даже несмотря на то, что Йель забыл полотенце, хотя он всегда обгорал. Ребята обжимались среди бела дня! Гейский уголок, скрытый от города, но полностью открытый бескрайнему озеру Мичиган. Один из друзей Чарли, с волнистыми, раньше срока поседевшими волосами, в зелено-лаймовых плавках, сидел и щелкал их всех своим «ником», менял пленку и снова щелкал.

– Кто этот извращенец? – спросил Йель.

И Чарли сказал:

– Возможно, он гений.

Это был Ричард. Чарли, разумеется, видел гения почти в каждом, он прощупывал человека, пока не выяснял его сильную сторону, и потом ее в нем поддерживал, но Ричард действительно был талантлив. Йель с Ричардом никогда не были близки – до этого дня Йель не был в его доме – и все же он к нему привык. Ричард всегда был где-то в задних рядах, наблюдая и снимая. Старше всех в их кругу лет на пятнадцать – он всех опекал, баловал, платил за выпивку. Первое время он спонсировал газету Чарли. И то, что началось как странная причуда, стало, за последние несколько месяцев, чем-то крайне важным. Йель слышал щелчок камеры

---

¹⁰ 45 кг.

и думал: «Хотя бы это он заснял». Имея в виду: что бы ни случилось – через три года, через двадцать – этот миг останется.

Кто-то заморочился с проигрывателем, и при появлении первого слайда (Нико и Терренс поднимают тост на прошлом дне рождения Фионы, когда ей исполнилось двадцать) заиграла музыка: акустическое введение к «Америке» Саймона и Гарфункеля, из концерта в Центральном парке. Любимая песня Нико, которую он считал гимном несогласных, а не просто песенкой о дорожных приключениях. В тот вечер, когда Рейган прошел на второй срок в прошлом году, взбешенный Нико ставил эту песню в автомате у «Малыша Джима» снова и снова, пока весь бар не стал подпевать хмельными голосами, как ты потерялся, и считаешь машины, и ищешь Америку. И теперь все вот так же пели.

Йелю было невыносимо участвовать в происходящем, и хотя если бы он разревелся, то не был бы в этом одинок, он решил, что не должен там оставаться. Выбравшись из толпы, он поднялся по лестнице на несколько ступеней и увидел головы собравшихся. Все смотрели на экран, не отрываясь. Но кое-кто тоже уходил. Тедди Нэпплс стоял у массивной входной двери, натягивал пиджак, медленно поворачивая ручку. Обычно Тедди был точно метеор, семена на цыпочках и помахивая пальцами в такт музыке, звучащей в его голове. Но сейчас он двигался словно призрак. И, возможно, он был прав. Если бы толпа не перекрыла Йелю путь к выходу, он мог бы поступить так же. Не *уйти*, а просто выйти на свежий воздух.

Слайды: Нико в беговых шортах, с номером на груди. Нико и Терренс прислонились к дереву, оба показывают средний палец. Нико в профиль, в оранжевом шарфе и черном пальто, сигарета во рту. Неожиданно Йель увидел себя, с одной стороны его приобнимал Чарли, а с другой был Нико: вечеринка в прошлом декабре, когда газета Чарли «Чикаго во весь голос» отмечала окончание года. Нико работал в газете художником и вел там рубрику с комиксами, а с недавних пор стал еще оформлять театральные декорации. Он был самоучка, от и до. Это должно было стать началом его зрелой жизни. Новый слайд: Нико смеется над Джулианом и Тедди, на Хэллоуин, когда они вырядились как Сонни и Шер¹¹. Нико открывает подарок. Нико держит пиалку с шоколадным мороженым. Нико крупным планом, зубы сияют. Последний раз, когда Йель видел Нико, тот лежал без сознания, и изо рта и ноздрей у него вдруг полезла жуткая белая пена. Терренс закричал и выбежал в коридор, зовя медсестер, налетел на тележку уборщицы и ушиб колено, а паршивых медсестер больше заботило, не запачкал ли Терренс что-нибудь кровью, чем то, что творилось с Нико. А сейчас слайд показывал лицо Нико, крупное, прекрасное, и это было слишком. Йель поднялся по лестнице до самого верха.

Он опасался, что спальни будут забиты ребятами, принимавшими попперсы, но по крайней мере первая оказалась пустой. Он закрыл дверь и сел на кровать. На улице уже стемнело, редкие фонари Белдена едва освещали стены и пол. Ричард, должно быть, переделал хотя бы эту комнату после того, как съехала его загадочная жена. По бокам широкой кровати стояли два черных кожаных кресла. Небольшая полка с книгами по искусству. Йель поставил бокал на пол, лег на кровать, уставившись в потолок, и принялся за фокус с замедлением дыхания, которому научил его Чарли.

Всю осень он заучивал список постоянных спонсоров галереи. Чтобы отгородиться от шума снизу, он стал делать то же, что и дома, когда не мог заснуть – перечислять имена спонсоров на букву «А», затем на «Б». Во многом список совпадал со спонсорами Художественного института, с которыми он работал последние три года, но были и сотни других имен – выпускники Северо-Западного, типичные представители Северного побережья – и он должен был знать их всех.

С некоторых пор такие списки вызывали у него раздражение – он испытывал тупую хмурую тревогу. Он помнил, как в восемь лет спросил отца, кто еще из их соседей евреи («Ротманы

---

¹¹ Музыкальный дуэт Сонни Боно и Шер, существовавший в 1964–1977 годах.

– евреи? А Андерсены?»), и отец сказал, потирая подбородок: «Давай-ка не будем, дружок. Так уж исторически сложилось, что, когда мы составляем списки евреев, случается недоброе».

Только через много лет Йель понял, что у отца был комплекс, своеобразная разновидность ненависти к себе. Должно быть, неприязнь Йеля к спискам имен была следствием его юношеской впечатлительности.

А может, дело было в другом: с недавних пор у него в уме составлялись параллельно два списка – спонсоров и больных. Людей, которые могли пожертвовать картины и деньги, и друзей, которые могли заболеть; крупных спонсоров, чьи имена никогда не забудешь, и друзей, которых уже потерял. Но прежде среди тех, кого он потерял, не было близких друзей. Это были просто знакомые, друзья друзей, как Джонатан, старый сосед Нико по квартире, пара владельцев галерей, один бармен, парень из книжного. Их было сколько – шесть? Шесть человек, которых он знал лично, с которыми он бы поздоровался, встретив в баре, но чьи полные имена, а может, даже и фамилии, он мог и не знать. Он побывал на трех поминках. Но теперь он начал новый список: близких друзей.

В прошлом году Йель с Чарли посетили семинар с ведущим из Сан-Франциско. Он говорил: «Я знаю ребят, не потерявших никого. Компании, которых это не коснулось. Но я также знаю людей, потерявших двадцать друзей. Целые жилые здания вымерли». И Йель подумал – наивно, отчаянно – что, может быть, он попадет в первую категорию. Несмотря на то, что он знал через Чарли почти всех в Бойстауне¹². Несмотря на то, что все его друзья были первыми во всем – и, похоже, обгоняли остальных и в этом новом, ужасном соревновании.

Спасением для Йеля, как и для Чарли, стало то, что они познакомились именно тогда и так быстро друг в друга влюбились. Они были вместе с февраля 1981-го и – почти ко всеобщему изумлению – хранили верность друг другу с осени того же года. В восьмидесятом уже был риск инфицирования, по крайней мере небольшой, но ведь это был не Сан-Франциско и не Нью-Йорк. В Чикаго, слава богу, все приходило медленнее.

Как же Йель забыл, что ненавидит ром? От рома его развозило, в горле пересыхало, бросало в жар. Крутило живот.

Он нашел рядом с комнатой туалет размером со шкаф и, присев на прохладный стульчак, свесил голову между коленей.

Кто входил в его список людей, рисковавших заболеть, пренебрегавших осторожностью и, может быть, уже заболевших: что ж, Джулиан, определенно; Ричард; Эшер Гласс; Тедди – боже правый, Тедди Нэплс, заявлявший, что однажды он смог провести в купальне «Мужского мира» пятьдесят два часа – он просто иногда прилегал поспать (под звуки секса и гремющей музыки) в частных комнатах, которые снимали для утех пожилые мужчины, и питался «сникерсами» из автомата.

Тедди отказывался от тестирования, беспокоясь, что правительство может вычислить имена и использовать в своих целях, как во время холокоста. По крайней мере, так он говорил. Но, может, он просто боялся, как и все. Тедди писал докторскую по философии в университете Лойола и имел склонность оборачивать мудреными философскими концепциями зауряднейшие чувства. Тедди и Джулиан периодически были «в отношениях», но в основном Тедди просто парил между Кьеркегором, барами и клубами. Йель всегда подозревал, что у Тедди не менее семи различных компаний, и эту он ставил невысоко. Судя по тому, как он ушел. Может, его, как и Йеля, доконали слайды; а может, он просто решил проветриться, но Йель в этом сомневался. Тедди ждали другие места и вечеринки получше этой.

И был еще список знакомых, уже заболевших, скрывавших сыпь на руках, но не на лицах, жутко кашлявших, худевших, готовых к худшему – лежавших в больницах или вернувшихся умирать в родительский дом, а потом в местных газетах причиной их смерти укажут пневмо-

---

¹² *Boystown* – город мальчиков (англ.), центр гомосексуальной жизни Чикаго.

нию. Пока таких было немного, но в этом списке имелось свободное место. Слишком много места.

Когда Йель наконец поднялся, он набрал воду в ладони и плеснул на лицо. Он ужасно выглядел в зеркале: круги под глазами, кожа позеленела. Сердце шалило, но это как раз было в порядке вещей.

Слайд-шоу наверняка закончилось, и если он посмотрит сверху на толпу, то сможет найти Чарли. Они смогут устроить побег. Даже поймать такси, и он будет сидеть, прислонясь к окошку. Когда они вернутся домой, Чарли помассирует ему шею, сделает чай. Он будет в порядке.

Он открыл дверь в холл и услышал коллективное молчание, словно все они затаили дыхание, слушая, как кто-то произносит речь. Только вот самой речи он не слышал. Он взглянул вниз, но в гостиной никого не было. Все перешли куда-то.

Он медленно спустился, надеясь, что его не застанет врасплох какой-нибудь сюрприз. Его бы вырвало от внезапного шума.

Но внизу, в гостиной, слышалось только шипение пластинки, крутившейся вхолостую, звукосниматель покоился на фиксаторе. Столики и подлокотники были заставлены пивными бутылками и недопитыми стаканами кубы либре. На обеденном столе остались канапе. Йель подумал об облаве, о каком-нибудь полицейском налете, но ведь это было частное владение, а они все взрослые люди и не делали ничего особо незаконного. Возможно, у кого-то был косяк, но в самом деле...

Сколько он пробыл наверху? Минут двадцать. *Может*, тридцать. Он подумал, что мог заснуть на той кровати, и сейчас уже часа два ночи. Но нет, его часы – если они не остановились – показывали 5:45.

Он просто тупил, а все ребята на заднем дворе. При таком доме обязательно есть задний двор. Он прошел через пустую кухню, через каморку, заставленную книгами. Там была дверь с окном, но она была заперта. Он взгляделся в окно, обхватив лицо ладонями: полосатый навес, ворох сухих листьев, луна. Никого.

Йель обернулся и стал кричать:

– Эй! Ричард! Ребята! Эй!

Он подошел к парадной двери – тоже, как ни странно, запертой – и стал возиться с замком, пока не открыл. На темной улице никого не было.

Нелепая мысль туманом окутала его ум – случился конец света, и этот апокалипсис накрыл всех, только про него забыли. Он рассмеялся на себя, но отметил, что ни в одном соседском окне никто не маячил. В доме напротив горел свет, как, впрочем, и здесь. В конце квартала светофор переключился с зеленого на желтый, а потом на красный. Йель расслышал смутное гудение машин вдалеке, но ведь это мог шуметь ветер. Или даже озеро. Йель надеялся услышать сирену, клаксон, собаку, самолет в небе. Ничего.

Он вернулся в дом и закрыл дверь. И снова прокричал:

– Эй, ребята!

Теперь у него было ощущение, словно его разыгрывают, словно сейчас они откуда-нибудь выскочат и будут смеяться. Но ведь это были поминки, разве нет? А они уже не подростки. У людей есть дела поважнее, чем строить ему козни.

Он увидел свое отражение в телевизоре Ричарда. Он был реален, он видел себя.

На спинке стула висела синяя ветровка, в которой пришел Эшер Гласс. В карманах было пусто.

Ему надо уходить. Но куда ему идти?

Пепельницы были полны окурков. Все докуренные как положено, не раздавлены в спешке. Комиксы Нико, аккуратно разложенные перед вечеринкой на журнальных столиках и на барной стойке, теперь были разбросаны в беспорядке – но это скорее говорило о том, что их

читали – и Йель подобрал один с пола. Трансвестит по имени Мартина Лютер Кинк выдавал дурашливо коронную реплику Лютера Кинга о своей мечте.

Йель прошел по всему первому этажу, открывая каждую дверь – кладовку, гардеробную, хозяйственный шкаф – пока не ощутил стену холодного воздуха и ведущие вниз бетонные ступеньки. Он нашел выключатель и спустился в подвал. Стиральные машины, коробки, два ржавых велика.

Выйдя из подвала, он поднялся на третий этаж – кабинет, небольшая комната с гантелями, кладовки – и снова спустился на второй и стал открывать все двери. Изысканные комоды красного дерева, кровати с балдахинами. Хозяйская спальня, вся в бело-зеленых тонах. Если все это придумала его жена, у нее был вкус. На стене висел принт Дианы Арбус, мальчик с гранатой.

У кровати Ричарда стоял телефон, и Йель с облегчением схватил его. Услышав гудок в трубке – порядок – он медленно набрал свой номер. Нет ответа.

Ему нужно было услышать голос, любой человеческий голос, так что он прервал вызов и переключился на оператора.

– Имя и город, пожалуйста, – сказала женщина.

– Привет? – ему хотелось убедиться, что это не автоответчик.

– Это оператор. Вы знаете имя человека, которому хотите позвонить?

– Да, его зовут... Маркус. Нико Маркус, в Северном Кларке, в Чикаго.

Он произнес имя по буквам.

– Есть Н. Маркус в Северном Кларке. Хотите, чтобы я вас соединила?

– Нет... Нет, спасибо.

– Оставайтесь на линии для набора номера.

Йель положил трубку.

Он еще раз обошел дом и наконец подошел к парадной двери. Он сказал неизвестно кому:

– Я ухожу! Я пошел!

И вышел в темноту.

2015

Когда они подлетели к Атлантическому океану, парень, сидевший у окошка, резко проснулся. Он спал с самого чикагского аэропорта, и Фиона пыталась занять себя, вождедея его. У нее на коленях целый час лежал раскрытым журнал для пассажиров, и все это время она занималась тем, что мусолила уголок страницы с кроссвордом. У этого парня было тело скалолаза, с соответствующей одеждой, волосами и бородой – все порядком запущено, вьющиеся волосы свисали до подбородка, шорты испачканы синими чернилами. Он спал, уткнувшись лбом в спинку переднего кресла, и, когда он выпрямился и огляделся в недоумении, Фиона поняла, что до этого не видела его лица. Она успела придумать ему лицо, так что настоящее – хоть и симпатичное и обветренное – показалось ей неправильным. Она уже поняла по его мускулистым ногам и мясистым рукам, что он для нее слишком молод. Чуть за тридцать.

Он достал из-под ног рюкзак и стал рыться в нем. Он сидел у окошка, Фиона – у прохода. Он ощупал карманы и кресло под собой. Снова стал рыться в рюкзаке, вынимая вещи: скатанные носки, пластиковый пакет с зубной пастой с отбеливателем, маленький журнал. Повернувшись к Фионе, он сказал:

– Виски?

Она не была уверена, что расслышала правильно. Возможно, он предлагал угостить ее выпивкой, но вопрос звучал как экстренный, точно не флирт.

– Простите? – сказала она.

– Я заказывал что-то выпить? На этом рейсе? – его речь звучала обрывисто.

– О. Вы спали.

– Бля, – сказал он и запрокинул голову, задрал кадык в потолок.

– Что такое?

– Я оставил бумажник в баре, – сказал он шепотом, словно боясь признавать этот факт. – В аэропорту.

– Весь бумажник?

– Большой такой, кожаный. Вы его не видели случайно? – его осенила внезапная надежда, и он сунул руку в свой журнальный карман, а затем – в карман в кресле перед Фионой. – Бля. Хотя бы паспорт со мной, но бля.

Она ужасно переживала за него. Она сама попадала в подобные ситуации в свои безумные деньки. Могла оставить сумочку в каком-нибудь клубе, оказаться в не той части города, не зная дороги домой.

– Позвать стюардессу?

– Как будто она что-то может, – он покачал головой с ошарашенным видом – пряди волос цеплялись за бороду – и издал короткий, горький смешок. – Блядский алкоголизм. Сплошное блядство. Блядь.

Она не могла понять, не шутит ли он. Какой алкоголик стал бы говорить об этом так открыто? С другой стороны, кто стал бы говорить такое просто так?

– У вас есть друзья в Париже, которые могут помочь? – сказала она.

– Есть кое-кто, у кого я собираюсь остаться на выходные. Не думаю, что она будет терпеть меня дольше.

И Фиона вдруг прозрела: это же мошенник. Со своей слезливой историей. Ей полагалось взглянуть на него с материнской заботой, предложить ему сотню долларов и сказать: «Надеюсь, это поможет».

Будь она его ровесницей, он бы, кроме прочего, попытался соблазнить ее.

– Просто кошмар, – сказала она.

Она сделала сочувственную мину, а затем перевернула страницу своего журнала. Она могла бы сказать: *«У меня проблемы побольше твоих, дружок»*. Она могла бы сказать: *«Можно потерять кое-что поважнее бумажника»*.

Когда свет в салоне погас, Фиона повернулась в кресле в сторону прохода, пристроив голову на тонкой подушке.

Она ни за что не заснет, но было приятно создавать видимость сна в полете. В Париже ей предстояло принять миллион решений, а прошлую неделю она как угорелая составляла планы, но восемь часов полета освобождали ее от любых дел. Пассажир самолета, пусть даже летящий эконом-классом, переживает состояние, максимально приближенное к восхитительной беспомощности младенчества. Фиона всегда испытывала иррациональную зависть, когда Клэр заболела. Она приносила ей книги, бумажные салфетки и теплый кисель, и рассказывала сказки, и при этом хотела поменяться с ней местами. Отчасти чтобы избавить дочь от болезни, но еще ей хотелось почувствовать, что о ней заботятся. Только в таком состоянии Клэр принимала заботу Фионы, только в таком состоянии она могла заснуть у нее на коленях – ее тело пылало, мягкие волосы вились по лбу и шее, липкие от пота. Фиона поглаживала ее горячее ушко, пылавшие икры. Когда Клэр подросла, их отношения стали другими – она предпочитала болеть наедине с книгой или ноутбуком – и все же она разрешала Фионе принести ей суп и присесть на край матраса на минутку. А это уже что-то.

Должно быть, она все-таки поспала, но из-за смены часовых поясов, искусственного освещения и того, что они летели против солнца, она не могла сказать, сколько – полчаса или пять часов. Ее сосед храпел, свесив голову набок.

Самолет нырнул, и появилась бортпроводница, чтобы коснуться двумя пальцами всех верхних багажных камер. Все под контролем. Фиона хотела бы вечно жить в самолете.

Ее сосед не просыпался, пока не подали завтрак. Он заказал кофе, с несчастным видом.
– Чего я реально хочу, – сказал он Фионе, – так это виски.

Она не предложила угостить его. Он поднял оконную шторку. По-прежнему темно.

– Мне не нравятся эти самолеты, – сказал он. – Семьсот шестьдесят седьмые.

Она не удержалась и спросила:

– Почему?

– Да, в прежней жизни я на таких летал. В одной из многих прежних жизней. Мне не нравится угол шасси.

Следующая мошенническая схема? Начало его непутевой истории, как он потерял работу, а, может, заодно и жену? Он выглядел слишком молодо, чтобы у него могли быть прежние жизни, или хотя бы одна прежняя жизнь, достаточно долгая, чтобы ему доверили настолько большой самолет. Разве для этого не требовались годы практики?

– Это небезопасно? – сказала она.

– Ну, знаете, это все совершенно безопасно и совершенно небезопасно. Вы же несетесь по воздуху, так? Чего вы ожидаете?

Он казался достаточно трезвым, чтобы она могла не опасаться, что его на нее вырвет или он положит руку ей на колени. Просто говорил немного громче обычного. Она против желания продолжала говорить с ним. Хоть какое-то занятие. И ей было любопытно, что еще скажет этот мошенник, как его план будет разворачиваться дальше.

Он сказал ей, что давал имена каждому самолету, который пилотировал, а она сказала, что ее дочь давала имена вообще всему – зубным щеткам, человечкам из Лего, сосулькам за окном ее спальни.

– Охренеть как круто, – сказал он, и эта оценка казалась явно завышенной.

Когда самолет стал садиться, он спросил, была ли она раньше в Париже.

– Только раз, – сказала она. – Школьницей.

Он рассмеялся.

– Значит, сейчас все будет по-другому, да?

Она мало что помнила о той поездке, кроме остальных участников Французского клуба и мальчика, которого она надеялась поцеловать, но в итоге застуканного в постели с Сюзанной Маркс. Она помнила, что курила травку и не ела ничего, кроме круассанов. Посылала открытки Нико, которые дошли позже, чем она вернулась домой. Очереди в Лувр и на Эйфелеву башню и то ощущение, что ей полагалось как-то их более глубоко прочувствовать. Она стала учить французский наперекор матери, считавшей, что она должна знать испанский.

Фиона спросила, был ли он сам в Париже, и добавила:

– А, ну конечно, если вы были пилотом...

Она забыла об этом, потому что не поверила его словам.

– Второй лучший город в мире, – сказал он.

– А какой первый?

– Чикаго, – сказал он так, словно это само собой разумеется. – В Париже нет «Кабс»¹³.

Вы будете жить на левом берегу или на правом?

– О... Между, полагаю. Мой друг живет на *Иль-Сен-Луи*¹⁴.

Ей понравилось, как этот штрих придал ее путешествию налет гламура, а не отчаяния.

Ее собеседник присвистнул.

– Хороший друг.

Возможно, ей не стоило этого говорить, чтобы не казаться обеспеченной и заманчивой добычей. Но ей до того нравилось видеть себя в таком свете, что она продолжила.

– Он вообще-то... вы слышали о фотографe Ричарде Кампо?

– Ну да, конечно, – он смотрел на нее, ожидая, что она скажет дальше. – Что, это и есть ваш друг?

Она кивнула.

– Мы давно знакомы.

– Боже, – сказал он. – Вы серьезно? Я прямо балдею от искусства. Я его путаю с Ричардом Аведоном. Но ведь это Кампо снимал умирающих?

– Он самый. Это покруче Аведона.

– Я не знал, что он еще жив. Вау. Вау.

– Я ему не скажу, что вы это сказали.

На самом деле она понятия не имела, в какой сейчас форме Ричард. В свои семьдесят он продолжал работать, и на своей выставке в чикагском Музее современного искусства несколько лет назад он хоть и сутулился, но был полон энергии, ухлестывая за двадцатидевятилетним французским пиарщиком, очевидно, любовью всей своей жизни.

Самолет долго не выпускал пассажиров. Сосед Фионы спросил, собирается ли она пройти по музеям с Ричардом Кампо, и Фиона сказала, что вообще-то приехала повидаться с дочерью. Это было правдой, в самом оптимистичном варианте.

– И с ее дочерью тоже, – сказала она. – Моей внучкой.

Он рассмеялся, но потом понял, что она не шутит.

– По вам и не скажешь...

– Спасибо, – сказала она.

К ее облегчению, индикатор показал, что можно отстегнуть ремни безопасности. Этот тип не успеет задать вопросы, на которые у нее не будет ответов. (Какой округ? Сколько внучке? Как ее зовут?)

Она ждала, когда освободится место в проходе.

---

¹³ «Chicago Cubs» (чикагские юнцы (*англ.*)) – профессиональный бейсбольный клуб, базируется в Чикаго.

¹⁴ *Île Saint-Louis* – остров Сен-Луи, или Св. Людовика (*франц.*).

– Ваш бумажник не может быть в вашем чемодане, нет? – она указала на верхние багажные камеры.

– Проверил сумку еще в Чикаго.

Она уже была готова поверить ему, но не настолько, чтобы предложить денег.

– Могу предложить вам доехать со мной в такси, если хотите, – сказала она.

Он улыбнулся, показав красивые зубы. Точеные и белые.

– Трансфер – единственное, что у меня есть.

Наконец в проходе появилось место, и она встала, хрустнув коленями.

– Удачи, – сказала она.

И хотя он и близко не догадывался, насколько ей самой нужна была удача, он сказал: – И вам тоже

Она опустила на пол свой багаж. За овальными окошками вставало розовое солнце.

1985

Йель с облегчением проводил взглядом машину, пророкотавшую по Белдену. Кто-то открыл дверь дома через улицу.

Если бы он поспешил, то был бы дома через полчаса, но он пошел так медленно, как только мог. Ему не хотелось возвращаться в пустую квартиру, но еще меньше хотелось, чтобы его там ждал Чарли, готовый поведать, что за напасть заставила всех покинуть дом. Внезапный звонок, очередная смерть. Или они могли включить телевизор и увидеть новости из России, что-то настолько серьезное, что все бросились по домам готовиться к худшему.

Он повернул на Халстед: долгую прямую дорогу к своей кровати. Он заглядывал в витрины магазинов, стоял на светофоре, пусть даже не было машин. Пропускал других людей. Может, он ожидал, что ребята возникнут у него за спиной и скажут, что отправились по барам и удивлялись, куда он пропал.

Он прошел намного дальше, чем нужно, миновал свой перекресток. Он заглядывал в окна каждого бара на своем пути, если окна были зеркальными или закрашены черным, то открывал двери – и высматривал Чарли, Фиону, хоть кого-то из них.

В одном затхлом предбаннике какой-то упоротый тип привалился к сигаретному автомату, держа руку на ширинке джинсов.

– Эй, – сказал он, причмокивая. – Эй, красавчик. У меня для тебя работа.

В следующем баре, почти пустом, телек на стене показывал почему-то «60 минут»¹⁵, а не порно или музыкальные клипы. Гигантский секундомер отсчитывал время. Спасибо, что не началась ядерная война. Никаких экстренных новостей.

У Йеля гудели ноги, и было поздно. Он остановился у полицейского участка и пошел назад по другой стороне улицы, до самой Брайар-стрит. Завернув за угол, он взглянул на верхний этаж трехэтажного дома. Окна были темными.

Он не стал входить. Медленно прошел полтора квартала на восток, до маленького синего дома с черными ставнями и блестящей черной дверью. Большинство домов на этой улице были большими, как и несуразный особняк, в котором снимали квартиру Йель с Чарли, и который прежде целиком занимала одна семья, но Йелю давно нравился этот домик, зажатый между каменными гигантами. Компактный и аккуратный, не слишком гламурный, и поэтому, как только Йель заметил перед ним табличку «Продается», он стал развлекать себя шальной идеей: каковы шансы у них с Чарли стать его владельцами. Разве хоть кто-то вроде них когда-нибудь мог купить дом? А вдруг они смогли бы? Получить кусочек города в собственность, чтобы у них было свое место, откуда их никто не сможет вытурить, ни под каким предлогом – это было бы нечто. Они могли бы запустить такой тренд! Если бы Чарли купил дом, за ним бы последовали другие ребята, которым это по карману.

Йель оглянулся на их дом. Ни Чарли, ни толпы хмельных гуляк. Здесь он подождет их ничуть не хуже, чем в пустой квартире. Он подошел ближе к табличке, чтобы не выглядеть подозрительно.

Они могли бы устраивать вечеринки – люди собирались бы на крыльце, курили и общались, брали пиво с кухни и выходили на воздух, и сидели бы там, на больших деревянных качелях.

Ему вдруг захотелось громко позвать Чарли, заорать во весь голос, чтобы весь город услышал. Он с чувством пнул бордюр и выдохнул через нос. Он смотрел на прекрасный дом.

---

¹⁵ «60 минут» – передача на канале CBS, сочетающая новости, аналитику, репортажи и интервью, один из самых успешных проектов в истории телевидения.

Йель мог бы запомнить номер агента по недвижимости – последние три цифры были двойками – и позвонить на этой неделе. И тогда это будет не просто вечер, когда они не пошли на похороны Нико, когда Йель почувствовал себя таким ужасно одиноким; это будет вечер, когда он нашел им дом.

Он замерзал. Он прошелся обратно по Брайар-стрит и вошел в квартиру. Все было темно и неподвижно, но он проверил кровать. Никого, и синее одеяло по-прежнему лежало скомканным на стороне Чарли. Йель записал номер агента, пока не забыл.

Было семь часов, так что его желудок урчал с полным правом. Надо было подкрепиться перед выходом оставшимися hors d'œuvres¹⁶.

И внезапно у него возникла новая теория: отравленная еда. Его ведь немного мутило, разве нет? Возможно, все остальные пострадали сильнее, и их всех увезли в больницу. Это была первая связная версия произошедшего. Он порадовался тому, что отказался от фаршированного яйца, когда ему предлагали.

Он сделал двойной сэндвич с сыром – три ломтика проволоне и три чеддера, китайская горчица, лист салата, лук, томат, ржаной хлеб – и, усевшись на диван, откусил. Это была улучшенная версия того, чем он питался в Мичигане, в студенческом буфете, где ингредиенты для бургеров – включая сыр – были бесплатными. Утром он клал в рюкзак два куска хлеба, а в полдень добавлял к ним начинку.

Он набрал номер мамы Чарли. Тереза была из Лондона – легкий акцент Чарли расцветал в ее речи во всем великолепии – но теперь жила в Сан-Диего, попивая шардоне и встречаясь со стареющими серферами.

– Как дела? – сказала она.

И он понял по легкости в ее голосе, по ее удивлению, что Чарли не звонил ей из больницы или тюрьмы.

– Порядок, порядок. Новая работа идеальна.

Это было нормально для Йеля, звонить Терезе вне связи с Чарли. Она была ему единственной настоящей матерью во всех смыслах этого слова, и она это знала. Родная мать Йеля с детства снималась в кино, потом пыталась осесть в одном мичиганском городке, но, когда Йелю исполнилось три, удрала, чтобы продолжить актерскую карьеру. Он привык видеть ее в мыльных операх, сперва в «Путеводной звезде», а потом в «Молодых и дерзких», где она до сих пор изредка появлялась в кадре. Ее героиня, похоже, была уже слишком стара для основного сюжета, но ее экранный сын, чем-то похожий на Йеля, был в основном составе; так что она появлялась, чтобы лить слезы всякий раз, как он становился жертвой похитителей или рака.

Йель видел свою мать ровно пять раз после того дня, когда она его бросила, и каждый раз она возникала с запоздалыми подарками на праздники, которые пропустила. Она была весьма похожа на свою мыльную героиню: отчужденная, манерная. Последний раз Йель видел ее на свой четырнадцатый день рождения. Она взяла его на ланч и настояла, чтобы он выпил молочный коктейль на десерт. Йель уже наелся под завязку, но она так давила, что он уступил, а потом несколько недель не мог понять, то ли она считала его слишком тощим, то ли это значило для нее что-то особенное – накормить сына сладким, чтобы его осчастливить. Это его не осчастливило, и Йелю до сих пор при виде молочного коктейля сразу вспоминались красные ногти матери, нервозно стучащие по столу – единственная часть ее тела, которая ее не слушалась.

«Будет так *интересно* увидеть, – сказала она ему в тот день, – кем ты станешь».

Когда ему исполнилось двадцать, он получил от нее чек на три тысячи долларов. Когда ему исполнилось тридцать, он не получил от нее ничего. С другой стороны, Тереза прилетала в городок и водила его в «Le Francais», что было ей не по средствам. Тереза посылала ему

---

¹⁶ Закуска (франц.).

вырезки из журналов, статьи об искусстве и плавании, об астме и бейсболе, о чем угодно, что наводило ее на мысли о нем.

– Расскажи мне все о своей работе, – сказала Тереза. – Ты обхаживаешь богатеньких, да?

– Отчасти. Мы пытаемся создать собрание.

– Ты знаешь, у тебя дар очаровывать людей. Заметь, я не говорю «соблазнять». Ты очарователен, точно щенок.

– Хах, – сказал он и рассмеялся.

– О Йель, учись принимать комплименты.

Он не отпускал ее минут двадцать, рассказывал о галерее, спонсорах, университете. Она пожаловалась, что ее латук приглянулся кроликам или еще *кому-то* травоядному, но ведь это так похоже на кроликов? Йель взял тряпку и вытер пыль с телевизора, с картинных рам, со старинного бритвенного зеркала, которое он держал на полке с книгами, с деревянной шка-тулки, где хранилась детская коллекция мраморных шариков Чарли.

– Наверно, она стоит целое состояние, – сказала она. – Чарли там?

– Его нет дома, – сказал Йель так легко, как только мог.

– Что ж. Скажи ему, что, насколько помнит его старая мама, у нее два сына, и уже несколько недель она ничего не слышала от того, которого выносила.

– Мы любим тебя, Тереза, – сказал он.

Была глубокая ночь, Йель понял это, даже не глядя на часы, когда он услышал, как открывается дверь, а затем холодильник, и увидел сквозь слипшиеся веки свет в прихожей.

– Чарли? – сказал он.

Ответа не последовало, так что он сел, свесив ноги с кровати. И в дверном проеме возник силуэт Чарли. Пьяный.

Будь Йель не такой заспанный, он бы накричал на него, но он едва ворочал языком.

– Что, блин, случилось?

– Я мог бы спросить то же.

– Нет уж. Ты не мог бы. Я иду... иду вверх на пять минут, и... Какой сейчас, блин, час?

Он схватил будильник, повернул к себе табло с красными цифрами: 3:52.

– Что с тобой случилось?

– Мы загудели после набега.

– После чего?

– Набега.

– Нагрянули копы?

Это было первое, что пришло ему на ум, но он сразу отбросил эту мысль.

– Что? Нет. После того, как мы были у Нико.

Йель оглядел комнату, пытаясь понять, не спит ли он.

– Слушай, – сказал Чарли, – я не знаю, куда ты исчез, но, когда мы пошли к Нико, тебя не было. Надеюсь, ты прекрасно провел время. Надеюсь, все было великолепно.

– Вы пошли к Нико, – сказал Йель как в бреду.

– Устроили набег на его квартиру.

– О...

– Мы пошли... Ты же знаешь, его родители решили не пускать Терренса. Но у Терренса был ключ, и он... ты ведь к тому времени уже ушел?

Чарли продолжал стоять в дверном проеме. Казалось, ему стоило немалых усилий складывать слова в предложения, даже образовывать слоги. – У него был ключ, и он показал его Ричарду, и Ричард сказал, что мы все должны пойти туда немедленно. И мы пошли. Фиона нас прикроет. И забрали его вещи. Смотри.

Он стал разматывать что-то со своей шеи. Йель видел Чарли одним силуэтом и не мог рассмотреть, что это, понятно было только – что-то очень длинное.

– Это шарф Нико?

Он пытался сложить историю. Как все разом оставили выпивку и пошли на Кларк-стрит, завладеть личными вещами Нико. Как они фактически грабили квартиру, из самых благородных побуждений. А его там не было.

Нико повсюду носил этот полосатый оранжевый шарф. Зимой именно по этому шарфу его можно было узнать на улице даже издалека.

– А как же официанты? Мальчики с подносами?

– Полагаю, они отчалили. Мы просто переместили вечеринку. Но ты был занят бог знает чем.

– Чарли, я лежал плашмя. Минут пять, наверху.

Может, прошло полчаса, но разве это имело значение?

– Я знаю, где ты был. Это была главная тема разговоров.

– И никто не зашел за мной?

– Мы не хотели мешать тебе.

Чарли, похоже, злился – прямо кипел, того гляди взорвется.

– Мешать лежать с расстройством желудка?

– Все видели, как ты пошел наверх с Тедди.

– Тедди? – ему хотелось рассмеяться, но он сдержался, а то получилось бы, что он оправдывается. – Тедди ушел. Он вышел на улицу, когда началось слайд-шоу.

Чарли стоял молча. Возможно, он что-то обдумывал, а может, сдерживал рвоту.

– Даже если бы он не ушел, – сказал Йель, – на кой он мне? Слушай. Я пошел наверх потому, что хотел побыть один.

– Я его видел, – сказал Чарли медленно, неуверенно, – во время слайд-шоу.

– Ты имеешь в виду *на фото*? Тедди в образе Шер? Чарли, сядь, – Чарли продолжал стоять. – Слушай: меня мутило, и я спустился минут через пять, может, десять. Максимум, пятнадцать. И я подумал... даже не знаю, что я подумал. Все ушли, и я остался совсем один. Это был самый, блядь, странный момент в моей жизни. И я все еще не понимаю, почему ты пришел домой через десять часов.

– Я... Мы потом загуляли.

Судя по голосу, Чарли был, как ни странно, разочарован – похоже, он копил столько злобы на Йеля за то, что тот изменил ему с Тедди, что теперь не знал, куда ее девать.

– Фиона сказала, ты был с Тедди.

– Значит, все, кто это видел – это Фиона?

– В основном.

– Фиона напилась. И, боже мой, она на ногах не стояла.

– Вас обоих не было. Вы оба исчезли в одно время.

– И она видела, как мы занимались этим? Как он нес меня наверх, словно невесту?

– Нет, она просто... Я спросил, где ты, а она сказала, наверху. И я сказал: «Что он там делает?» А она сказала: «Думаю, он там с Тедди».

Он замолчал, словно только что понял, как нелепо это звучит.

– Ну, хорошо.

– Но она и потом это говорила.

– Ну, она напилась.

– Ложись спать, – сказал Чарли. – Я приду через минуту.

Йель не ожидал, что уснет, но когда снова открыл глаза, было шесть утра, а рядом свернулся клубком Чарли. На его тумбочке стояли два полных стакана воды и пузырек аспирина,

помимо привычного флакона с витамином В и женьшенем; он подготовился к похмелью. И в обычный день Йель предпочел бы не видеть эту картину, но сегодня – особенно. Ладно хоть свою газету Чарли сдал на этой неделе в типографию пораньше, чтобы они все могли пойти на вечеринку. Утром водители развезут тираж, пока сотрудники будут отсыпаться или обниматься с унитазом.

Он смотрел, как ребра Чарли поднимаются и опадают под бледной кожей. Его плечи, лицо и руки усеивали светлые веснушки, но грудь была чистой, как слоновая кость. Его кожа была такой нежной, словно не знала ни солнца, ни ветра, и когда под ней показывалась кость – локоть, колено, ребро – казалось, что-то чужеродное проступает под шелком.

Йель принял душ и оделся, стараясь не шуметь. Завтракать не хотелось.

На полу лежал оранжевый шарф Нико, вместе с одеждой Чарли. А на кухонной стойке, в магазинной сумке, обнаружили полупустая бутылка водки, голубые топсайдеры¹⁷ Нико, пустая почтовая открытка из Ванкувера, оловянные запонки в бархатном футляре, «Листья травы». Йель хотел бы быть там. Не чтобы завладеть какой-нибудь памятной вещью, но чтобы просто коснуться всего, подумать о Нико, узнать о нем то, чего раньше не знал. Если узнаешь новое о том, кого больше нет, он не исчезает бесследно. Он становится больше, реальнее. Топсайдеры никогда бы не налезли на огромные ступни Чарли; они были в пору Йелю. Как это похоже на Чарли: даже когда он был вне себя, подозревая, что Йель развлекается с кем-то другим, он позаботился о подарке.

Йель скинул тапочки и натянул туфли. Они оказались в самый раз, его большие пальцы вжимались в прошитую и морщинистую кожу, но ему это нравилось, словно Нико пожимал его ступни. Туфли не очень сочетались с его штанами хаки, но смотрелись вполне сносно.

Он доехал надземкой от Белмонт-стрит до Эванстона, прислонясь головой к окну. Не так давно у него на макушке наметилась лысинка – нечестно, ему же всего тридцать один! – к счастью, ее скрывали темные вьющиеся волосы. Прильнув к окну под определенным углом, он чувствовал, как прохлада стекла просачивалась в его череп, остужая все тело. Вчера было слишком тепло для пальто; а сегодня без пальто лучше на улицу не высовываться. Но все равно прохладный воздух был ему приятен, как и прогулка по холоду от станции до галереи. Было начало восьмого, на улицах никого, кроме бегунов.

Галерея занимала первый этаж небольшого здания, бывшего учебного корпуса, а собственно выставочный зал расположился в переделанном холле. Обогрев работал с перебоями, и стены пропускали голоса, но здесь была своя атмосфера. На данный момент у них имелось пространство только для маленьких выставок, и они надеялись перерасти это место в течение нескольких лет и (здесь на сцене появился Йель) разыскать для этого необходимые средства. Отчасти привлекая спонсоров, отчасти подмазываясь к ректору и совету университета.

Кабинет Йеля казался меньше из-за темных книжных полок по всем четырем стенам, и ему это нравилось. Он приносил книги из дома, по коробке за раз, но все равно большинство полок пока пустовали. Или, скорее, были заполнены пылью и старыми кофейными кружками. Йель намеревался нанять стажера в следующем квартале и уже представлял, как поручит этому энергичному юнцу уставить полки аукционными каталогами и прочесать букинистические магазины в поисках приличных книг по искусству.

Его второстепенной задачей на эту неделю было собрать свою картотеку, чем он и попытался сейчас заняться: розовые карточки для коллег, голубые для бывших спонсоров, зеленые для потенциальных спонсоров, желтые для коллекционеров, белые для прочих контактов. Аккуратно заправляя одну карточку за другой в пишущую машинку, он перепечатывал адреса. Но то, что представлялось ему поначалу бездумным занятием, оказалось ужасно муторным

---

¹⁷ Низкие мягкие туфли на резиновой подошве, изначально придуманные для передвижения по палубе, но сейчас – популярная летняя обувь.

делом. Архивы, доставшиеся ему, были в основном без дат, так что иногда он не мог понять, какой из двух адресов действителен. Напечатав четыре разных телефонных номера на одной карточке, он остановился и понял, что надо бы просто прозвонить эти номера и представиться. Но было еще раннее утро, и он отложил карточку в сторону.

В девять до него стали доноситься шаги и запах кофе. В 9:30 в открытую дверь Йеля отрывисто постучал Билл Линдси. У Билла, директора галереи, были длинные уши и влажные, беспокойные глаза. Типичный представитель старой академической школы, с непременным галстуком-бабочкой и заплатами на локтях. Йель не сомневался, что он скрытый гей, который никогда не отважится на каминг-аут.

– Ранняя пташка! – сказал Билл.

– Прости?

– С утра на ногах.

– А. Не мог дожидаться, когда кончатся выходные.

– Ты знаком... – Билл вошел и продолжил тихим голосом. – Ты встречался с Сесилией Пирс?

– Несколько раз.

Вопрос был нелепый. Сесилия работала начальницей отдела отложенных пожертвований¹⁸ при университете – ее работа была с одной стороны подобна работе Йеля, с другой – бесконечно масштабнее.

– Она звонила в пятницу, когда ты уже ушел. Думаю, она собирается заглянуть. Так вот, мой тебе совет: если ты с Сесилией не согласен, не говори ей об этом. Лучше задай вопрос. Типа: «Вас беспокоит, что это может повлечь за собой то-то и то-то?» Я это говорю потому, что не в курсе, что ей у нас понадобилось. У нее же эти, великие идеи.

– Спасибо, что предупредил.

Билл обвел глазами комнату.

– Я бы, пожалуй... хм-м. У тебя же нет личных фотографий, нет?

– Что, с Чарли? Нет, конечно.

Что воображал себе Билл – портрет из фотостудии? Йель попытался нейтрально улыбнуться.

– Хорошо. Просто... Она нормальная, ничего не хочу сказать. Но я с ней ни в чем не уверен. Не поймешь, что у нее в голове.

В полдень, как раз когда Йель собрался выйти на обед, в дверном проеме возникла Сесилия Пирс с Биллом. Сесилия укладывала волосы, как принцесса Диана, так же мягко и объемно. И хотя она была заметно старше Дианы – явно за сорок, будь на ней жемчуга и тиара, она могла бы сойти за ее двойника. Однако эта женщина вызывала оторопь. Возможно, дело было в том, как она бегло оглядывала собеседника, словно завуч, норовящая сделать тебе замечание за неподобающий внешний вид.

– Мистер Тишман, – сказала она, подходя к его столу и протягивая сухопарую руку. – Я надеюсь, вы завтра свободны.

Речь ее была на редкость быстрой.

– Вполне. В какое время?

– На весь день. А может, и ночь.

Ни следа смущения. Либо она не придавала значения невольному подтексту, либо уже все поняла про Йеля. Позади нее Билл в дверном проеме склонил голову набок в замешательстве.

– Я предоставлю машину, – сказала она, – если у вас нет своей. У вас есть машина?

---

¹⁸ Отложенные пожертвования – распространенная практика сбора средств, когда пожертвования в виде денег, имущества, машин передаются по завещанию после смерти дарителя.

– Нет, я...

– Но вы водите?

– У меня есть права.

– Выезжаем, наверно, часов в девять.

Йель почувствовал, что лучше ему не спрашивать, куда они поедут.

– Как мне одеться? – спросил он.

– Тепло, я полагаю. Она в округе Дор.

Йель знал об округе Дор, кусочке Висконсина, вдававшемся в озеро Мичиган. В его представлении это было место, куда отправлялись в отпуск семьями, чтобы пособирать ягоды.

– Мы едем к спонсору? – спросил он.

– Дело не терпит, иначе я бы не свалила это на вас, – она передала ему папку, которую держала под мышкой. – Не имею ни малейшего понятия, насколько ценно это произведение. По крайней мере, она точно при деньгах. Но она хочет говорить именно с вами. Можем завтра разработать стратегию. Ехать туда четыре с половиной часа.

Когда она ушла – Билл Линдси сочувственно взглянул на него и пошел провожать Сесилию – Йель открыл папку. Сверху лежала ксерокопия рукописного письма, написанного в сентябре, наклонным вычурным почерком. Письмо начиналось словами: «Уважаемый мистер Тишман». Значит, Сесилия два месяца держала у себя письмо, адресованное ему лично. Оно пришло, когда его уже приняли в галерею, но еще до того, как он начал непосредственно работать. Это Билл передал ей письмо? А теперь она вручает ему ксерокопию за день до поездки. Йель расскажет об этом Чарли, когда придет домой. Праведный гнев – это надежный способ растопить лед отчуждения. Он начал читать письмо:

Я была замужем за доктором Дэвидом Лернером, выпускником Северо-Западного 1912 года. Он умер в 1963 году, имея за плечами военную службу, медицинскую степень от Джона Хопкинса и карьеру в онкологии. Он с теплотой вспоминал о том времени, когда играл за «Wildcats»¹⁹, и хотел сделать что-то для школы, и я держала это в уме, составляя свое завещание. Моя внучатая племянница, Фиона Маркус, подсказала мне обратиться к вам, и я надеюсь, это письмо найдет вас в добром здравии. Как я понимаю, галерея Бригга собирает постоянную коллекцию.

Стало быть, это та тетка, о которой Фиона говорила прошлым вечером. Такое совпадение лишило его покоя. Она упомянула о ней через пару месяцев после того, как та отправила это письмо, и вот оно, на его столе. Может, сейчас ему на стол свалится и Тедди Нэппис, другой герой пьяных разговоров Фионы?

Я владею некоторым числом произведений современного искусства, большинство датируются началом 1920-х. Картины, эскизы и карандашные рисунки, включая работы Модильяни, Сутина, Паскина и Фудзиты. Они никогда не выставлялись и не были ни в одной коллекции, кроме моей; все они получены непосредственно от самих художников. Боюсь, у меня нет письменных удостоверений, но я могу лично ручаться за их подлинность. В общей сложности у меня около двадцати произведений, которые могут представлять для вас интерес, а также некоторые сопутствующие артефакты.

Слабое здоровье не позволяет мне путешествовать, но я бы хотела увидеться с кем-то, кто бы рассказал мне, как бы с ними обращались в

---

¹⁹ «Wildcats» – команда Северо-Западного университета по американскому футболу. Входит в конференцию студенческих команд «Большая десятка». Выступать за футбольную команду – крайне почетно в американском университете.

*галерею. Моя цель – чтобы они нашли дом, где их будут выставлять, ценить и беречь. Приглашаю вас навестить меня здесь, в Висконсине, и надеюсь, мы сможем выбрать в переписке дату встречи.
С самыми теплыми пожеланиями,
Нора Маркус Лернер
(вдова Дэвида С. Лернера, выпускника Северо-Западного '12)*

Йель покосился на письмо. «Получены непосредственно от самих художников» – это внушало некоторое подозрение. Художники, указанные в письме, по большей части не относились к тем, кто впаривал свои картины американским туристам на перекрестках. И это может вылиться в бюрократический кошмар. На установление подлинности каждого из этих произведений – без письменных свидетельств, без каталогизации – могут уйти годы. Этой даме придется удостовериться в подлинности, чтобы получить оценку для налоговых вычетов, и тогда она либо увидит, что это хлам, либо поймет, какими сокровищами обладает, и передумает расставаться с ними. Когда Йель работал последний месяц в Художественном институте, один человек решил подарить им картину Джаспера Джонса (цифры, сваленные в восхитительной мешанине основных цветов), пока не узнал реальную стоимость, и тогда дочь убедила его завещать картину ей. Йель отвечал за развитие, а не художественную коллекцию, или, во всяком случае, работа галериста не входила в его *обязанности*, но он успел влюбиться в ту картину. Поделом ему. Фермеры не должны давать своим животным имена. Но что им, в сущности, двигало, когда он устраивался на эту работу, как не желание создать что-то свое? Он должен был быть в восторге.

Трусишка в глубине его надеялся, что он приедет в округ Дор и поймет, что имеет дело с явными фальшивками, и Северо-Западный откажется от такого дара. В каком-то смысле это лучше, чем обнаружить правдоподобного Ван Гога и пережить сердечный приступ. Хотя на самом деле, что бы он там ни нашел, для него мало что изменится. Он должен будет выказать всяческое почтение этой женщине, даже если ее коллекция окажется вырезками из альбома по искусству, просто чтобы не обидеть потенциального спонсора.

Остальные бумаги в папке мало что проясняли. Там были другие письма, гораздо более скучные, с обсуждением времени встречи, и кто-то из сотрудников Сесилии подготовил досье на Лернеров. Дэвид Лернер был умеренно успешен и делал при жизни умеренные пожертвования Северо-Западному, но ничто не давало основания считать, что Лернеры могли владеть произведениями искусства на сумму в несколько миллионов долларов. Хотя, никогда не знаешь, откуда люди берут деньги или где их прячут. Йель научился не задавать лишних вопросов. И разве Фиона и Нико не выросли на Северном побережье? Там водились деньги, пусть даже Нико и Фиона вечно были на мели, и Йель ни разу не слышал, чтобы они упоминали каких-то миллионеров.

Внизу одной записки было нацарапано: «Сесилия, мы уже подключаем людей из Бригга?» Записке было две недели. Йель должен был бы негодовать, но он понимал, что двигало Сесилией. Он был новичком, сама галерея – относительно новой, а с ними связался потенциально крупный донатор. Хорошо хоть теперь она его подключила. Только какая-то его часть противилась этому. Возможно, он просто устал, но все, что он чувствовал, это мандраж, как перед посещением дантиста.

Он не знал, в каком настроении застанет Чарли. Может, он будет сама любезность и раскаяние, а может, продолжит дуться ни на что. А может, его вообще не окажется дома – уйдет с головой в работу, чтобы ускользнуть от необходимости как-то разрешить ситуацию.

Но не успел Йель открыть дверь, как услышал голоса. Камень с души: гости – это хорошо. За кофейным столиком сидели Чарли и два его сотрудника, Глория и Рафаэль, склонившись над газетной подшивкой. У Чарли вошло в привычку тихой сапой нагружать по понедель-

никам своих сотрудников сверхурочно, для вида зазывая их в гости отметить выход очередного номера. Он их кормил, а потом подсовывал работу, прямо в гостиной. Как издатель Чарли мог вообще не напрягаться, но он участвовал во всех решениях, от финансовой отчетности до рекламы. Он владел турагентством на Белмонт-стрит и не забывал рекламировать его в «Чикаго во весь голос» с самого основания газеты, три года назад. Чарли даже не особо увлекался путешествиями и интересовался ими лишь постольку-поскольку; он купил агентство в 1978-м у своего пожилого любовника, который был без ума от него и собирался уйти на покой. Чарли заглядывал туда в последнее время не чаще раза в неделю, чтобы убедиться, что контора не сгорела, и пообщаться с клиентом-другим, требовавшим его личного участия. Он мог без проблем доверить всю работу в турагентстве сотрудникам, но вот редакторы и журналисты нуждались в его постоянном надзоре, так он считал. Это их бесило.

Йель махнул им рукой, взял себе пиво и исчез в спальне, чтобы собраться в дорогу. Он не сразу обратил внимание на кровать: Чарли выложил даже «M&M's» в виде слова «ПРОСТИ». Букву «П» – из коричневых, «О» – из жёлтых и так далее. Йель усмехнулся и съел три оранжевых драже из буквы «И». Извинения Чарли всегда отличались оригинальностью и вкусом. Самое большее, на что был способен Йель, это жалкая записка.

Йель возился со свитерами, когда его позвала в гостиную Глория. Глория была миниатюрной лесбиянкой с пирсингом вдоль мочек обеих ушей. Она протянула ему старый выпуск газеты, с фотографиями накачанных красавцев, рекламировавших бар, видеопрокат или эскорт.

– Пролистай, – сказала она. – Скажи, когда увидишь женщину. Или, если уж на то пошло, кого-либо, кроме белых молодых парней.

В разделе рекламы Йелю не улыбнулась удача. Но на фотографии хэллоуинской вечеринки в Берлине он увидел двух трансвеститов.

– Не думаю, что это считается, – сказала она.

– Слушайте, – сказал Чарли, заводясь. – В рекламе больше всего картинок, как ни крути, и мы не можем просить купальню показывать – что? Уборщицу?

– Ну да, – сказал Рафаэль, – но «Прожженные»...

Слова повисли в воздухе.

«Прожженные» – это была новая газета, основанная тремя сотрудницами, ушедшими от Чарли в прошлом году, негодуя, что «Чикаго во весь голос» отводит лесбийским темам лишь четыре последних полосы, выделяя их цветом. Йель вынужден был согласиться – это казалось старомодным, как и *розовые* заголовки – тем не менее, лесбиянок, оставшихся с Чарли, устраивал такой формат, в обмен на редакционный контроль. Новая газета выглядела дешево и имела небольшой охват, но Чарли все равно сделал ответный шаг. Фото с тех же вечеринок, но более активная позиция, больше редакционных статей, театральных и кинообзоров.

– У «Прожженных», – сказал Чарли, – нет такой проблемы, потому что они не могут продать рекламу, чтобы держаться на плаву.

Йель взял горсть крекеров из пакета на столике, и Рафаэль покорно кивнул. После того, как уволились те три сотрудницы, его назначили главредом, но он еще не научился повышать голос на Чарли, и это портило дело. Забавно, что при этом Рафаэль не отличался скромностью. О нем было известно, что, сильно напившись, он мог запросто укубить вас за лицо. Он начинал как обозреватель ночной жизни – молодой и миловидный, с пышной шевелюрой, он работал танцором, однако показал себя превосходным редактором, и, несмотря на его почтительность к Чарли и сокращение штата, газета переживала сейчас свои лучшие времена. И самые хипповые.

Йель сказал с набитым ртом:

– Глория, я почти никогда не вижу на полосах фотографий из лесбийских баров. Может, добавишь материала по этой теме?

– Мы не настолько любим позировать, как вы, ребята! – сказала она, а когда Чарли всплеснул руками в раздражении, рассмеялась.

– Вот что я тебе скажу, – сказал Чарли. – Мы сделаем новую рекламу моего турагентства на четверть полосы и дадим фото с двумя женщинами. Пусть шагают с одним чемоданом на двоих, что-то вроде того.

Глория довольно кивнула и сказала Йелю:

– На него трудно долго злиться, ты знаешь.

– И так всю жизнь.

Йель умудрился вернуться в спальню и закончить сборы. Он взял голубые топсайдеры Нико на удачу. Собрал в горсть «M&M's» и ссыпал в карман блейзера, на завтра.

Набрал номер Фионы с телефона у кровати. Он хотел главным образом убедиться, что она не забыла поесть и добралась домой без проблем. Он беспокоился о ней. У Фионы по большому счету не осталось родных людей. Она была близка с Терренсом, но Терренс скоро умрет, и Йель даже боялся подумать, что тогда может с нею случиться, мерещились всякие кошмары: наркотики и бульвары, подпольные аборт и проблемные мужчины.

Заодно он спросит об этой двоюродной бабке, поблагодарит за участие. А еще им двигало эгоистическое побуждение – перевести разговор на вчерашний вечер и спросить, почему Фиона так сказала о нем и Тедди. Но он мог представить, как все было. Она напилась, была растеряна, подавлена. Это не со зла. Он простил ее. И скажет ей это, если она возьмет трубку. Но она не взяла.

Он решал кроссворд, лежа в постели, когда вошел Чарли, наконец проводив гостей. Чарли взглянул на чемодан и ничего не сказал. Он пошел в ванную и долго не выходил, а когда вышел, произнес обреченно:

– Уходишь от меня.

Йель сел, отложил карандаш.

– Боже правый, Чарли.

– А что я должен думать?

– Что я уезжаю на сутки. По работе. Какого черта я бы ушел от тебя?

Чарли почесал голову и, опустив глаза, тронул ногой чемодан.

– Потому что я так ужасно себя повел.

– Иди в постель, – сказал Йель, и Чарли прилег поверх покрывала. – Ты раньше никогда так не чудил.

Когда они только сошлись, несколько месяцев просто встречались без обязательств. Йель еще не освоился в Чикаго, и Чарли испытывал порочное удовольствие, шокируя Йеля возможностями, доступными в большом городе, невиданными в Энн-Арборе²⁰. Он взял его с собой в «Единорога» – так Йель впервые оказался в купальне. Чарли от души смеялся над зажатостью Йеля, над тем, как он скрещивал руки на животе, над его вопросами о том, законно ли это. Вскоре они уже ласкались в углу, в тусклом красном свете, а затем поехали к Чарли. В другой раз Чарли взял его в «Бистро» и указал парней на танцполе, с которыми Йель мог бы как-нибудь «чпокнуться». Чарли в то время уснащал речь британскими словечками, зная, что Йель это обожает. «Я себя чувствую в выпуске новостей, – сказал Йель в тот вечер. – Знаешь, на тему „Кто такие геи?“», где всегда задним фоном видеоряд в духе диско? Мы попали в гей-ский видеоряд». А Чарли сказал: «Ну, ты все запрешь, если будешь стоять столбом с таким стремным видом». Йель помнил, как после «Funkytown»²¹ Чарли сказал: «Смотри!» Дискошары по углам танцпола вспыхнули, и вдруг мужчины в одних брюках, похожие на спортивных

---

²⁰ Энн-Арбор – небольшой университетский город недалеко от Детройта, штат Мичиган.

²¹ Песня диско-группы Lipps Inc. 1980 года.

моделей, стали переливаться голубым, и розовым, и зеленым. Свет растекался по их потным телам, вырисовывал плечи. «Вон тот, – сказал Чарли, указывая на переливчатого танцора. – Дай ему свой номер, *давай*».

Даже притом, что Йель в то время хотел только одного – остаться наедине с Чарли, сама идея такого заведения, как «Бистро», привела его в восторг. В Энн-Арборе был один открытый бар для геев, но там не было ничего подобного, никакого *диско*, ощущения счастья, разлитого в воздухе. Бар в Энн-Арборе был грязным, с унылым музыкальным автоматом и засохшей геранью на окнах, чтобы с улицы ничего не разглядеть. Там геи чувствовали себя словно в укрытии, и всякое счастье казалось краденым. А здесь гремела музыка, работали три бара, светилась пара неоновых губ и множество зеркальных шаров. Здесь все било через край. Еще пять лет назад таких заведений на Халстед-стрит было немного – бары только начинали возникать; люди осторожно осваивали их; и Бойстаун (никто еще не называл его так) только образовывался – так что с этого места у реки началась любовь Йеля к городу ветров.

В «Бистро» Йель признал за собой право радоваться жизни. Пусть даже он просто стоял у стены, с выпивкой в руке. В этом городе, заявляло «Бистро», непременно случится что-то хорошее. Чикаго раскрывал ему одну за другой заманчивые улицы и лакомые уголки. Город вплетал его в свой узор, вливал пиво ему в рот и музыку – в уши. Он признал его своим.

Той осенью отношения Йеля и Чарли перешли в серьезную фазу – Йель во хмелю прошептал на ухо Чарли, что влюблен, а Чарли прошептал в ответ: «Пусть это будут не просто слова», с этого момента все начало развиваться – и следующий год Чарли то и дело волновался, что Йель еще не вкусил городской жизни, не нагулялся, и что однажды он проснется и решит наверстать упущенное. Чарли говорил: «Когда-нибудь ты оглянешься и задумаешься, на что потратил юность». Йелю исполнилось двадцать шесть, и Чарли с чего-то решил, что относится едва ли не к прошлому поколению, хотя был старше всего на пять лет. Но Чарли начал взрослую жизнь на удивление рано, в Лондоне. Йель же начал все понимать про себя лишь на втором курсе Мичиганского университета.

Постепенно все вошло в норму. Йель привык к отношениям, настолько, что Тедди, считая себя большим остряком, называл его лесбиянкой и спрашивал, как жизнь в коммуне. Он оставался с каждым из двух своих первых любовников по году. Он ненавидел драмы – не только печальное окончание отношений, но и бурные завязки, самокопания, нервозность. Он устал знакомиться с парнями в барах, и он бы скорее лизнул тротуар, чем искал одноразового секса на парковке у пляжа. Ему нравилось придерживаться с кем-то четких планов. Нравилось ходить в кино, чтобы смотреть кино. И вместе покупать продукты. Два года все шло как по маслу.

А затем, когда вирус добрался до Чикаго – замедленные цунами с обоих побережий – Чарли неожиданно, необъяснимо принялся переживать, не из-за СПИДа, а из-за того, что Йель бросит его ради кого-то другого. В прошлом мае, еще до того, как он осознал всю степень риска, Йель согласился на недельное паломничество с Джулианом и Тедди в отель «Мэдисон» – Чарли отказался составить им компанию, поскольку не мог оставить свою газету даже на три дня. Они обследовали город и танцевали в барах отеля, а большую часть субботнего вечера Йель провел, слушая по радио бейсбольную трансляцию матча «Кабсов», но, когда они вернулись, Чарли допрашивал его час о том, кто где спал и сколько выпил и обо всем, что делал Джулиан, после чего почти не разговаривал с Йелем неделю. Теперь он заявлял, что понял, что ничего такого не было, но сама мысль, что Йель мог быть с Джулианом, или Тедди, или с ними обоими, не давала ему покоя. На самом деле, Чарли в основном ревновал к Джулиану. Джулиан был любителем флирта, из тех, кто предлагает тебе куснуть пирожное с его вилки. А вся история с Тедди была странной, кроме вчерашнего вечера, такого раньше с Чарли не случалось.

Йель перекатился к Чарли и решил воспользоваться советом Билла Линдси насчет разговора с Сесилией Пирс. Он высказал это в виде вопроса:

– Думаешь, возможно такое, что из-за всех этих болезней, похорон и так далее мы стали чувствовать себя более уязвимыми? Потому что раньше ты так себя не вел. И я никогда не давал тебе повода для беспокойства.

Чарли ответил, глядя в окно.

– Я скажу тебе что-то ужасное, Йель. И я не хочу, чтобы ты меня осуждал.

Но Йель так и не дождался его слов.

– Окей.

– Дело в том, что самая эгоистичная часть меня счастлива оттого, что есть эта болезнь. Потому что я знаю, что пока ее не вылечат, ты будешь со мной.

– Трындец какой-то, Чарли.

– Я знаю.

– Нет, это реальный трындец, Чарли. Не могу поверить, что ты сказал это.

Он почувствовал, как у него пульсирует вена на горле. Ему хотелось вплотную приблизиться к лицу Чарли и наорать.

Но Чарли стал дрожать.

– Я знаю.

– Иди сюда, – он подкатил к себе Чарли, как бревно. – Не знаю, что с тобой творится, но я никого не ищу, – Йель поцеловал его в лоб, в глаза и подбородок. – Мы все в большом стрессе.

– Это великодушно.

– Ты боишься чего-то одного, а потом вдруг боишься вообще всего.

2015

Приближаясь в такси к центру города, Фиона осознала, что еще слишком рано. Она ожидала, что застрянет в пробках, но сейчас было всего 7:22, а она договорилась с Ричардом на девять. Она попросила водителя остановиться и показать ей на бумажной карте, где она находится – не хотела расходовать батарею своего телефона, пока не убедится, что ее зарядка будет работать с переходником, который она купила в аэропорту Чикаго – и, выйдя из машины, твердым шагом направилась по широкому тротуару, хотя совсем не была уверена, что движется в правильную сторону.

На углу она снова сверилась с картой (зарывшись в нее лицом и поставив рядом чемодан, словно образцовая туристка) и прикинула, что идти придется мили три. Шагая по улице, она внимательно глядела по сторонам – из окна такси так бы не получилось. Лучше уж провести это время так, чем отсиживать задницу у Ричарда, в ожидании, когда откроется контора частного детектива, чтобы позвонить ему. (Частный детектив! Как она дошла до этого?) Она заказала билет на первый дешевый рейс, а из-за спешных сборов и поисков сиделки для собаки вся эта затея походила на гонку, но что значил еще один час? Видео было двухлетней давности. И все же идти пешком казалось непростительной задержкой. Ей нужно было попасть туда и что-то *сделать*.

Если бы она увидела Сену, ей стало бы легче. Она бы просто пошла вдоль реки на запад. Фиона помнила оба острова по школьной поездке; они останавливались у Нотр-Дама, на большем острове, и кто-то из учеников читал из путеводителя кошмарную статистику самоубийств.

Она прошла мимо мужчины с маленьким сыном на плечах. Мальчик держал фигурку База Лайтера²² перед самыми очками отца.

То, что она будет жить на самой середине реки, было знаком судьбы, ведь разве Клэр на видео была не на мосту? Невозможно было сказать, на каком – видео было расплывчатым, на заднем фоне почти ничего не видно – и все же, изучив фото мостов в интернете, Фиона отбросила несколько вариантов. Это был мост с висячими замками по всей решетке, но теперь, вероятно, почти все мосты были такими.

Она прошла мимо букинистов, открывавших свои зеленые стойки с книжками в мягких обложках и ретропорнографией. Она останавливалась на каждом из мостов, пытаясь понять, не похож ли он на мост Клэр, и удостовериться, что она не застыла там волшебным образом. Погода была шикарная, но Фиона этого не замечала. И, боже правый, она была в Париже. *Париж!* Но она не чувствовала особого трепета. Ее дочь все еще могла быть (а могла и не быть) связана с «Совместной осанной» и, вероятно, была под пятой у Курта Пирса. Ее дочь могла быть (а могла и не быть) матерью маленькой девочки на видео, девочки со светлыми кудряшками, как у Фионы. Все это поражало ее сильнее, чем тот факт, что она в Париже. Париж – это просто город. Оказаться здесь мог кто угодно. А вот кто бы мог представить, что окажется здесь, потому что твоя дочь связалась с сектой? Кто мог вообразить, что поедет в Париж, чтобы найти беглянку, которая не хотела быть найденной?

Возможно, это была безнадежная затея. Часто ли ей удавалось достучаться до Клэр?

Недавно она вспоминала один случай, который произошел, когда Клэр было семь лет и они все отдыхали на пляже во Флориде – она еще была замужем за Дэмианом, хотя уже довольно условно – и она объявила, что пора идти и что Клэр уже дали дополнительное время, чтобы доделать песочный замок. Клэр расплакалась, и вместо того, чтобы оставить ее одну, вместо того, чтобы позволить ей сделать по-своему, Фиона решила обнять ее. Клэр оттолкнула ее, побежала к воде и бросилась в набежавшую волну, в сарафане. «Дай ей выплакаться», –

---

²² Один из главных героев мультсериала «История игрушек».

сказал Дэмиан, но в двадцати метрах от них Клэр, лежавшая на песке, прекратила рыдать и пошла в океан, по бедра, по пояс. «Она не остановится» – сказала Фиона, а Дэмиан рассмеялся и сказал: «Она прямо как Вирджиния Вулф»²³. Но это была не шутка, и Фиона поднялась и побежала, зная, что звать Клэр было не лучшей идеей, поскольку, услышав ее голос, Клэр могла броситься в волны. Когда Фиона добежала до дочери и схватила сзади, она сама была в воде по грудь; ноги Клэр уже давно не касались песка. И это был лишь один из многих подобных случаев. Иногда Клэр выкидывала что-нибудь и похуже. Но тот случай, как потом оказалось, обозначил определенную веху: Клэр впервые в жизни оторвалась от континента.

Фиона перешла на *Иль-Сен-Луи* и прошла мимо лавки с мороженым, и запах вафельных рожков заставил ее почувствовать лютый голод, и мимо магазинов, продававших яркие кожаные сумочки, и вино, и венецианские маски. И наконец она увидела дом Ричарда: три каменных этажа над обувным магазином. Рядом с одним из пяти черных звонков значилось «Кампо/Тибо». Было 8:45 – почти вовремя, почти порядок. Она позвонила, и через минуту дверь открыл не Ричард, а худой молодой человек в мотоциклетной куртке.

– Вы прибыли! – сказал он. – Я Серж, партнер Ришара. *Ри-шаррра*. Я веду вас наверх, okay? Вы посидите. Ришар принимает душ, потом будет с нами.

Серж легко подхватил ее чемодан, словно пустой, и она последовала за ним по темной лестнице.

Квартира была роскошной и просторной, но светильники, и окна, и кованая ограда за остекленными дверями выглядели изысканно-старинными, а отделка стен – рельефные вьюнки и даже оправа выключателей – смягчалась бесконечными слоями краски. Фиона вспомнила дом Ричарда в Линкольн-парке, елейные персиковые и розовые тона. Здесь было совсем другое: ясные монохромные картины на фоне серой мебели, словно сошедшей со страниц архитектурного журнала. Серж показал ей, где она будет жить – комнату, заставленную книжными стеллажами, с белой кроватью и единственным растением – потом отвел на кухню и налил апельсиновый сок. Она услышала, что Ричард закончил свой душ, и Серж крикнул ему, что Фиона приехала. Ричард ответил что-то, чего она не разобрала и лишь затем поняла, что он говорил по-французски.

Через минуту возник он сам, прервав разглагольствования Сержа о виде из окна. Он аккуратно зачесал влажные волосы – остатки былой шевелюры, а отутюженная рубашка казалась слишком большой, словно он ссохся. Он воскликнул: «Фиона Маркус во плоти!» – и, схватив ее за плечи, приложился воздушным поцелуем к обеим щекам, и хотя ее фамилия давно была другой, она не стала его поправлять. Имя ее юности было ей подарком, врученным человеком, связанным для нее с тем временем, когда она была беззаботна и полна оптимизма. Правда, оно было связано для нее и с последующими годами, когда умер Нико, и с друзьями Нико, ставшими ее единственными друзьями, умиравшими один за другим, и попарно, а стоило отвлечься на секунду, и внушающими ужас гроздьями. И все же, все же она скучала по тем временам, и вернулась бы туда не раздумывая.

– Так вот, фокус в том, дорогая моя, чтобы продержаться на ногах весь день. Никакого сна. Кофеин, но только если ты и так его обычно пьешь. И никакого вина, ни капли, пока не восстановишь водный баланс в организме.

– Он эксперт, – сказал Серж. – До того, как я встретил Ришара, я не пересекал Атлантику.

– А теперь сколько раз? – спросил Ричард. – Двадцать?

---

²³ *Вирджиния Вулф* – известная английская писательница, покончила жизнь самоубийством в 1941 году, зайдя в реку с камнями в карманах.

– *Alors, beaucoup de temps*²⁴, – сказала Фиона, перейдя на французский без всякой причины, а затем у нее мелькнула мысль, что она только что сказала «много погоды». Она почувствовала себя разморенной и глупой, и ей захотелось прилечь, вопреки совету Ричарда.

– Ты упомянул кофе, – сказала она.

И вскоре они уже развалились в серых креслах Ричарда. Ей хотелось поскорее вскрыть пластиковый футляр переходника, поставить на зарядку телефон и позвонить детективу, даже если оставалось еще семь минут до назначенного времени, но она заставила себя сидеть смирно и благодарить их за то, что они приютили ее, за теплый прием. На самом деле, ей нравилась эта легкая передышка, приятно было снова почувствовать себя двадцатилетней Фионией Маркус, которую опекает Ричард Кампо. Это придало сил.

Серж сделал ей латте, прямо на кухне, в кофемашине, словно снятой из кабины пилота, и Фиона прихлебывала густую пену.

– Расскажи мне все об этом парне, что с ним творилось, когда он был молодым, ага? – сказал он. – Желательно что-нибудь скандальное!

На это Ричард подошел к низкой полке рядом с окнами и достал фотоальбом, очевидно служивший ему до переезда в Париж и продолжавший служить в новом веке. Он сел на длинную кушетку, между Фионией и Сержем, и начал листать. Как странно было видеть снимки Ричарда Кампо в домашнем фотоальбоме, пожелтевшие полароиды и отпечатанные кодаки. Он в те годы занимался и более серьезной работой, но те, другие фотографии хранились не в дешевых целлофановых кармашках.

– Нико должен быть где-то здесь, – сказал Ричард и, видимо, нашел нужное фото, потому что передал альбом Сержу, постукивая пальцем. – О, как же я был в него влюблен!

– Ты был влюблен в каждого, – сказала Фиона.

– Так и было. Влюблен во всех этих мальчишек. Они были моложе и такими *открытыми*, не то, что мое поколение. Я им завидовал. Они жили, не таясь, с восемнадцати, двадцати лет. Они не тратили впустую свои жизни.

– Ты, очевидно, тоже, – сказала Фиона.

Он протянул ей открытый альбом.

– Я постоянно наверстывал потерянное время.

Там был Нико, вьющиеся русые волосы и длинные зубы, загорелое лицо в веснушках, он смотрел мимо объектива и смеялся. Какая-то шутка застыла навечно. У Фионы было такое фото, но увеличенное и обрезанное. На этом стояла оранжевая метка с датой: 6/6/82. За три года до болезни. И здесь было видно не только Нико, но и еще двух мужчин по краям. Одним был Джулиан Эймс. Прекрасный Джулиан Эймс. Другого она не знала или не помнила, но, всмотревшись в его лицо, она увидела над левой бровью продолговатое лиловое пятнышко. «Господи», – сказала она, но Ричард увлеченно объяснял Сержу, каким был Чикаго в начале восьмидесятых, каким маленьким был тогда Бойстаун и как мало он походил на современный, нечто среднее между голубым гетто и голубой меккой. Рассказывал, что ничего подобного не было ни в Сан-Франциско, ни в Нью-Йорке. Она попробовала стереть это пятнышко, подумав, что оно могло быть на целлофане, но оно не стиралось. Она устала на этих смертельно больных мужчин, еще ни о чем не догадывавшихся, на это пятнышко, которое тем летом было всего лишь сыпью. Она передала альбом обратно Ричарду, и тот продолжил свой рассказ. Фиона делала вид, что смотрит на страницы, которые он переворачивал, но в действительности она сдалась усталости после перелета, у нее все плыло перед глазами. Это было слишком.

– Это Эшер Гласс, – сказал Ричард. – Большой был активист, заводной парень. До чего прекрасный *голос*, сильный, громкий, адвокатский голос. А какие плечи! От фигуры глаз не оторвать. Крепкий, как кирпичная будка, так мы говорили. Не думаю, что можно подобрать

---

²⁴ Да уж, много раз (*франц.*).

французский перевод. Кто это такой, понятия не имею. Но красавчик. Это Хирам как-то там, владевший магазином грампластинок на Белмонт-стрит. Белмонт – это что-то вроде... даже не знаю. С чем сравнить?

– Весь Париж? – рассмеялся Серж.

– *Нет*, дорогой, как одна из улиц в Ле-Марэ²⁵. Мы не были такими уж провинциалами. Это Дастин Джианопулос. Тедди Нэплс. Худыш-малыш, как видишь. Вечно был в движении. Этого я тоже не помню. Похож на ламантина.

– Я не знаю такого слова, – сказал Серж.

– Морская корова, вроде моржа, – сказала Фиона, не глядя на фотографию.

– Это Терренс, приятель Нико. Йель Тишман и Чарли Кин. Легендарная пара. Посмотри, какие красавчики. А это Рафаэль Пенья. Помнишь его?

Вопрос, очевидно, был обращен к Фионе, и она заставила себя кивнуть.

Она сказала, как бы Сержу, но на самом деле Ричарду, неожиданно резким для самой себя голосом:

– Они все умерли.

– Неправда! – сказал Ричард. – Не все. Может, половина. Никогда не надо преувеличивать.

– Это очень по-американски, – сказал Серж Ричарду. – Вы преувеличиваете.

– Не слушай ее. Они не все мертвы.

– Мне нужен острый нож, – сказала Фиона.

Она не сразу поняла, насколько не к месту прозвучала эта фраза, и только когда мужчины засмеялись, сообразила, что еще не упоминала про переходник в упаковке. Она все объяснила им, и Серж вышел из комнаты и вернулся с массивными ножницами. Он быстро вскрыл пластик, и вскоре ее телефон благополучно заряжался.

– Я не сказал тебе две вещи, – сказал Ричард. – Одна – это просто пустяк, а другая сушая ерунда.

– Совсем *не* ерунда, – сказал Серж. – Очень большое дело.

– Но оно не должно затронуть тебя. Когда я писал тебе, я не упомянул, что ближайшие несколько недель у меня тут будет настоящий цирк. Будет идти моя выставка.

– В Центре Помпиду, – пояснил Серж. – Чертовски большое дело.

– Но все уже готово, моя работа сделана, кроме, ну знаешь, мое участие потребуется накануне открытия. Дам несколько интервью, и кое-кто из журналистов так любезен, что придет ко мне прямо сюда. Так что просто *не обращай, не обращай, не обращай* внимания.

– Но ты же пойдешь на вернисаж! – сказал Серж. – Если ты еще будешь здесь.

– Предпросмотр, – пояснил Ричард. – Для прессы и VIP-персон. Они хотели два вечера, но я им сказал, что я старый.

– Шестнадцатое, – сказал Серж, больше недели в запасе, Фиона не заглядывала так далеко. – И большая вечеринка на два вечера!

– Я... да, конечно, – сказала она, постаравшись придать голосу уклончивую интонацию.

– Другая вещь – это пустяк. На этой улице снимают какой-то фильм. Американский, романтическую комедию, полагаю. По крайней мере, обещали обойтись без взрывов и автомобильных погонь. Задействуют этот квартал и два следующих. Я даже не знаю, когда они начнут, но уже скоро. Боюсь, тут будет шурум-бурум.

– Возможно, будет интересно, – сказала Фиона.

---

²⁵ *Le Marais* – модный район Парижа со множеством бутиков, галерей и гей-баров. Там же находится Европейский дом фотографии.

Она подумала о том, как Клэр когда-то хотела быть режиссером и цитировала на память целые сцены из «Энни Холл»²⁶ или «Улики»²⁷. Может, все теперь изменилось, но прежняя Клэр хотела бы увидеть, как снимают фильм, оказаться за ограждением, когда режиссер скажет: «Камера, мотор».

– Это связано с третьей вещью, – сказал Серж.

– Есть еще третья вещь?

– О, это сюрприз, молчок! Поверь, – сказал Ричард, хотя Фиона не думала, что на ее лице обозначилось недоверие, – сюрприз хороший. Очень хороший сюрприз. Послушай, милая, я рад, что ты приехала. Знаю, обстоятельства не самые блестящие, но я чертовски рад видеть тебя.

– Я тоже рада тебя видеть.

На самом деле, она еще никогда не видела Ричарда таким, таким однозначно старым. Такое ощущение, что в жизни каждого случается момент, когда он резко переходит в ряд стариков, и очевидно, что такой момент наступил для Ричарда где-то после их последней встречи.

Было 9:07. Фиона уселась на пол рядом с телефоном на зарядке и набрала номер детектива. Ответила женщина, затараторив по-французски, и Фиона запаниковала.

– Аллю, – сказала она, и женщина затараторила еще быстрее.

Фиона сунула телефон Сержу, точно горячую картошку.

– Allô? – сказал Серж и объяснил, что звонит от имени Фионы Маркус («Бланшар», – поправила она) и что она здесь и готова встретиться.

По крайней мере, Фионе показалось, что он говорил это.

– Bien²⁸, – сказал он, а затем прикрыл рукой трубку и сказал шепотом: – Во сколько?

Фиона беспомощно пожала плечами, и Серж сказал что-то, чего она не поняла, и закончил разговор.

– Через полчаса, Café Bonaparte.

– Ох.

Это была хорошая новость, просто потрясающая, но Фиона не чувствовала, что готова к этому, она еще не успела переодеться или хотя бы взглянуть на себя в зеркало – она не рассчитывала встречаться с этим детективом раньше вечера и понятия не имела, где это кафе.

– Не волнуйся. Я везу тебя на моем мотоцикле.

---

²⁶ *Annie Hall* – фильм реж. Вуди Аллена, 1977 года.

²⁷ *Clue* – фильм реж. Джонатана Линна, 1985 года.

²⁸ Хорошо (*франц.*).

1985

Когда Йель добрался до галереи, запыхавшись, Сесилия и ее золотая «мазда» уже ждали его. Моросил дождик, а он не взял зонт.

– Я взяла кофе, – сказала она.

И вот он сидит, промокший, на пассажирском месте, держа горячий стаканчик из «Макдоналдса», и пытается согреть руки, а она ведет машину, направляясь на север.

– Первое, что вам нужно знать, – сказала Сесилия, – это что внучка Норы хочет участвовать в процессе, как и ее адвокат. Но они не подключили специалистов по финансовому планированию, что можно считать либо даром небес, либо очень плохим признаком.

Йель задумался, какое место во всей этой истории у Фионы. Вероятно, эта внучка приходилась ей кузиной. Нет, внучатой сестрой. Он ничего не путает?

– У меня здесь музыка под подлокотником.

Йель нашел несколько классических кассет и сборников, и две части «Величайших хитов» Билли Джоэла, и решил поставить первую часть. Она началась с середины «She's Always a Woman»²⁹.

– Значит, возможно, это все впустую, – сказал он.

– Ну, у нас всегда все может оказаться впустую. Есть люди, на которых мы потратили годы, потратили, честно говоря, много денег, а в итоге они все отдали какому-нибудь фонду стерилизации кошек.

– Окей, тогда я скажу. Художники, которых она назвала в этом письме – они очень сомнительны. Особенно Модильяни. Это прямо такой маячок. Каждый думает, у него Модильяни, и все ошибаются.

– Хम्म.

Она убрала руку с руля и потерла серьгу у себя в ухе.

– Но хорошие подделки стоят недешево. Поддельщики обращаются к тем, кто готов сорить деньгами.

Он не хотел, чтобы Сесилия злилась всю поездку. Более того, он понял, что не хочет, чтобы она развернула машину. Примирительный секс с Чарли был хорош, пусть и не оправдывал их ссору, но ему не хотелось возвращаться домой прямо сейчас. Ему хотелось вернуться завтра вечером, уставшим, с интересными рассказами, и чтобы Чарли тоже был уставшим и сказал бы: «Давай закажем еду». А Йель сказал бы: «Ты читаешь мои мысли». И они сидели бы на диване, поедая одноразовыми палочками китайскую еду, и смотрели бы вечерние передачи по телевизору. Если бы Йель вернулся сегодня, ничего бы этого не было.

Они въехали на территорию Висконсина и миновали «Марсианский сырный замок»³⁰, а затем коричневый знак перед лесным массивом, сообщавший: «Зона отдыха Бонга»³¹.

– Уверен, местные ребята все время крадут этот знак, – сказал Йель.

– Что вы хотите сказать?

Она явно успела его прочитать; она смотрела прямо на него.

– Ну, чтобы повесить у себя в подвале. Стоп-знаки обычно воруют для этого. Знак с бонгом наверняка не пропустят.

– Не улавливаю.

– О... Это просто словечко такое.

²⁹ «Она всегда женщина» (англ.) – песня Билли Джоэла 1985 года.

³⁰ «Mars Cheese Castle» – специализированный продуктовый магазин с баром в городе Кеноша, штат Висконсин.

³¹ «Bong Recreation Area» – на сленге слово «bong» (обозначение звука гонга и т. п. (англ.); в данном случае – фамилия) означает кальян для марихуаны.

– Хммм.

Они купили йогурты и чипсы на бензозаправке, и Йель пересел за руль. Он редко водил с тех пор, как переехал в город, но научился еще в школе, даже подрабатывал два лета доставщиком пиццы на отцовской машине, и, как только он освоил сцепление, мышцы сами все вспомнили. Сесилия раскрыла папку у себя на коленях и сказала:

– Мы надеемся, что это обычный завещательный дар. Она не делала годовых отчислений с 1970 года, да и те пожертвования были скромные. В идеале это может означать, что она просто скряга. Иногда такие люди оказываются крупнейшими дарителями, по понятным причинам. Если она не очень в курсе своего финансового состояния, нам бы лучше стремиться к доле в процентах, а не к конкретной денежной сумме. Такие люди склонны недооценивать, сколько они имеют. Она думает, у нее пять миллионов, и оставляет нам один, тогда как на деле у нее семь с половиной, и двадцать процентов – это много больше.

– Но она только... – Йель не договорил, вспомнив, что ему надо лишь задавать вопросы. – Почему вы так считаете, письмо ведь касалось только произведений искусства?

– Возможно, это просто то, что у нее на уме. Может, она пообещала деньги семье, но не хочет разделять коллекцию.

Было похоже, что Сесилия видела в этом лишь незначительное неудобство. Вероятно, она могла похвастаться богатым опытом по урезанию кусков пирога законных наследников. Йель вдруг подумал, что в числе наследниц этой старушки могла быть Фиона. Разве Фиона не говорила, что Нора нежно любила Нико? Не значит ли это, что и к Фионе она питает особую теплоту?

Пока они ехали, Йель узнал, что Сесилия побывала замужем и живет с одиннадцатилетним сыном в маленькой квартирке на Дэвис-стрит, а также имеет ученую степень Скидмор-колледжа. А вот про его жизнь она ничего даже не спросила.

Когда они достигли бухты Стерджен-Бэй, у подножия возвышенности округа Дор, Сесилия развернула огромную карту Висконсина и указала гладким, лакированным ногтем два маршрута, огибавшие по краям полуостров.

– Похоже, они сходятся снова в Систер-Бэй, куда мы как раз направляемся.

– Что у них там такое? – спросил Йель. – Что за достопримечательность?

– Думаю, маяки. Молодожены.

– Как красиво.

Она вскинула голову и посмотрела мимо Йеля из окошка, словно только что сообразила, где находится.

– Да. Очень.

– Так кто на встрече будет играть первую скрипку – вы?

– Если не возражаете.

Вообще-то, Йель возражал. Письмо было адресовано ему. Но с иерархией не поспоришь. К тому же, он был рад уже тому, что дарение включало не только произведения искусства, если вдруг они окажутся поддельными.

Он выбрал западный маршрут, и Сесилия направила его на местную дорогу ZZ.

– Интересно, они говорят «двойной зет», – сказала она, – или просто «зет»?

– Или «зи-зи», – сказал Йель. – Как «ZZ Top».

Сесилия рассмеялась, по-настоящему – маленькое чудо. Но затем, когда она уставилась в окошко со своей стороны, он увидел, как напряглись ее плечи и вытянулось лицо. Никаких дорогих особняков. Они недавно миновали несколько внушительных поместий, но сейчас ехали мимо скромных фермерских домиков, маленьких участков, разбросанных среди полей. Очень живописно на самом деле, но миллионами здесь не пахло.

Они остановились перед белым домом с крыльцом, забранным сеткой по фасаду, и единственным стрельчатым окном наверху. Висячие горшки с цветами, аккуратные цементные сту-

пени, ведущие к двери. Рядом с ветхим гаражом на одну машину, не примыкавшим к дому, стояли два старых «фольксвагена».

Сесилия поправила прическу, глядя в зеркальце заднего вида.

– Мы в полете, – сказала она.

– Может, у нее маразм? – сказал Йель. – Может, она живет в иллюзорной реальности?

Не успели они подойти к двери, как на ступени вышла молодая женщина. Она им помачала, но лицо было нерадостным.

Сесилия обменялась с ней рукопожатием. Это была Дэбра, внучка, и она извинилась, что адвокат еще не приехал, хотя Нора была готова принять их. Дэбра не походила ни на Фиону, ни на Нико. Черные волосы, темные круги под глазами, кожа, как ни странно, одновременно смуглая и бледная. Может, это был неудачный макияж, неправильно подобранная пудра?

Они прошли за ней через сетчатое крыльцо и очутились в гостиной, напомнившей Йелю дом, где он брал уроки игры на пианино в детстве. И в том, и в этом доме каждый дюйм на полках и подоконниках был занят тщательно подобранными *объектами*: стеклянными статуэтками, и морскими раковинами, и растениями, и фотографиями в рамках. Потертые книги, на камине – ящик с пластинками. Потертый диван. Здесь мог жить профессор колледжа или терапевт на пенсии, кто-то с относительным достатком, не придававший значения интерьерным изыскам. Но это точно не был дом крупного коллекционера искусства.

В дверях напротив возникла Нора, опираясь на ходунки – это наверняка была она, хотя женщина выглядела лет на семьдесят пять, а досье сообщало, что ей девяносто. Она заговорила после долгого молчания, и ее губы задвигались раньше, чем прозвучали слова:

– Я так рада, что вы смогли ко мне выбраться.

Ее голос, вопреки ожиданию, был твердым, а речь беглой, и пока она говорила, Йель понял, что ее угнетает не умственное или нервное расстройство, а что-то другое.

– Дэбра сейчас принесет нам чаю, – сказала она, – и Стэнли, это мой адвокат, Стэнли должен вот-вот подойти. И мы можем познакомиться!

Она присела, с помощью Дэбры, в кресло, сохранявшее коричневый цвет в складках, а на открытых местах выцветшее до серовато-желтого. Все это время она пристально смотрела на Йеля, только на него, и он стал беспокоиться, не он ли заставил ее остановиться в дверях, замешкаться. Возможно, Фиона ее просветила, объяснила, как Йель попал в мир Нико. Йель вдруг вспомнил, что на нем туфли Нико, и ему стало неловко при мысли, что она могла узнать их.

Йель с Сесилией сели на низкий синий диван, и прогнувшиеся под их тяжестью подушки подтолкнули их к середине. Йель прилагал усилия, чтобы удержаться на месте и не сползти к Сесилии, а она, в свою очередь, вцепилась в подлокотник. Она молчала с тех пор, как они вошли, и он чувствовал ее негодование.

– Я с радостью принесу чай, – сказала Дэбра, – но не могли бы вы воздержаться от обсуждения в мое отсутствие?

Йель заверил ее, и Нора за спиной внучки, словно ребенок за спиной вредной училки, закатила глаза.

На Норе был розовый спортивный костюм, велюровый, и мокасины, разошедшиеся по швам. Йель подумал, не стрижка ли ее молодила. Ее белые волосы не были уложены в классические для старушек короткие кудряшки, а спадали ровным, плавным каре. Сложением она напоминала Фиону, такая же миниатюрная и изящная. Иногда, глядя на старого человека, невозможно представить его молодым, а в лицах некоторых сохраняется что-то от двадцати пяти лет. Нора же относилась к другому типу, обретавшему, вероятно, к старости свои детские лица. Йель смотрел на Нору и видел пятилетнюю голубоглазую девочку, озорную и не по годам смышленную. Возможно, дело было в ее улыбке и в том, как она подпирала щеки всеми пальцами.

Сесилия сидела точно статуя, так что Йель решил нарушить тишину.

– Вы двоюродная бабушка Фионы, – сказал он.

Нора просияла.

– Разве можно не любить ее? Мой брат Хью, это он ее дед. Ее и Нико, – сказала она. – Мы с Нико были в семье художниками. А все остальные такие практичные, все до одного. Что ж, мы еще надеемся на Фиону. Посмотрим, что будет. Вас это не беспокоит немножко? Вот Нико был истинный художник.

– Мы были близкими друзьями, – сказал Йель.

Он не хотел давать волю чувствам. Что бы подумала Сесилия, если бы он расплакался здесь, на этой кушетке? Эта старушка не сильно напоминала Нико, но она была прекрасна, и Нико был прекрасен – и разве этого было мало?

Нора пришла ему на помощь.

– Расскажите мне о галерее.

Она кашлянула в скомканную салфетку, которую держала все это время в руке.

Йель повернулся к Сесилии, и та пожала плечами. И хотя Йель не питал особых иллюзий насчет собрания Норы – единственными изображениями в рамках, которые он видел в комнате, были фотографии и студийные семейные фотопортреты – он начал говорить.

– Мы открылись пять лет назад. На данный момент мы проводим только сменные выставки, как наши собственные, так и от галерей, подобных нашей, но мы начинаем собирать постоянную экспозицию. Это моя работа.

– Оу! – сказала Нора обеспокоенно и нетерпеливо. – Я не знала, что у вас *Kunsthalle*³².

Йеля удивило это слово, а Сесилия выглядела смущенной, раздраженной.

– Это просто значит сменные выставки, – сказал он Сесилии, хотя, пожалуй, ему не стоило создавать впечатление ее некомпетентности, а Норе он сказал: – Но мы выстраиваем постоянную экспозицию. За нами университет мирового уровня, плюс потенциал донаторов из числа успешных выпускников, и Чикаго – один из мировых центров искусства.

Он говорил как робот, собирающий пожертвования для галереи, а не как человек, который в канун прошлого Нового года танцевал медляк с внучатым племянником этой женщины, не как человек, который стоял у постели Нико в больнице и уверял, что они с Чарли, что бы ни случилось, позаботятся о Фионе. Нора моргнула, ожидая продолжения.

– Мы уже владеем достаточным объемом литографий и рисунков. Я так понимаю, часть ваших работ – это наброски.

Он остановился, потому что вошла Дэбра с подносом, уставленным необычайно старомодным чайным сервизом: тонкие, обколотые чашечки в мелкий цветочек и заварочный чайник, от которого шел пар.

Нора взглянула на Сесилию и сказала:

– А вы его ассистентка?

Йелю стало так неловко за Сесилию, что он чуть не ответил сам, но это бы только усугубило ситуацию. Так что он принялся разливать всем чай, пока Сесилия объясняла свою роль и под конец сказала:

– Думаю, я могла бы дать вам более развернутые сведения о возможностях отложенного пожертвования.

– Дэбра, – сказала Нора, – не будешь ли так добра выйти встретить Стэнли? Он всегда проскакивает поворот, и ему приходится возвращаться.

Дэбра набросила пальто поверх мешковатого свитера. Она была почти хорошенькой, в своей неряшливой манере, и слишком молодой, чтобы выглядеть такой уставшей. Она, веро-

---

³² Выставочный зал (нем.).

ятно, была ровесницей Йеля, чуть за тридцать, но в ней сохранилось очарование хмурого подростка.

Как только Дэбра вышла, Нора нагнулась к ним.

– Должна сказать вам, моей внучке это не по нраву. Она себе надумала, что, если мы возьмем и продадим картины, ей никогда не придется работать. Ума не приложу, когда она успела так избаловаться. А сейчас мой сын – ее отец – завел новую жену, моложе Дэбры, и у них уже два малыша, тоже донельзя избалованных. Не по нутру мне думать, что проблема в моем сыне, но получается, он общий фактор?

В ее голосе появилась одышка, словно она выжимала слова из тюбика.

Йеля интересовал миллион тем – семья Норы, финансовое положение, сами картины, их подлинность, вмняемость Норы – но он приехал не затем, чтобы досаждать ей.

– Я принес пару буклетов из галереи, – сказал он.

И развернул один на кофейном столике.

– Ох, милый, – сказала Нора, – у меня, кажется, нет очков для чтения. Ты бы сам мне рассказал. Студенты к вам ходят? На примете у них ваша галерея?

– Более того, – сказал Йель, – у нас бывают и аспиранты, и специалисты по искусству имеют возможности...

Но тут донеслись голоса с крыльца. Йель и Сесилия встали, чтобы поприветствовать адвоката. Стэнли был высоким, седовласым человеком с лицом диктора новостей и кустистыми бровями.

– Дражайшая моя! – сказал он Норе.

У него был звучный голос. Легко можно было представить, как он сообщает слушателям, что акции падают или что на Синайском полуострове погибли пятнадцать человек.

Йель заранее напрягся, когда их представили друг другу, и не зря. Стэнли хлопнул его по спине и сказал:

– Серьезно! Ты там был? Это что-то: Йель в Йеле³³. Или ты из Гарварда? Йель идет в Гарвард!

– Мичиганский университет, – сказал Йель.

– Должно быть, разочаровал родителей!

– Это потомственное имя.

Вообще-то, Йеля назвали в честь тети Яэль³⁴, и ему было лет шесть, когда он усвоил, что лучше никому не говорить об этом.

Следующим делом Стэнли повернулся к Сесилии, театрально смерив ее взглядом с головы до ног, и Сесилия проворно вступила в разговор, пока он не отвесил ей какой-нибудь комплимент.

– Сесилия Пирс, начальница отдела отложенных пожертвований при Северо-Западном университете. Мы рады, что вы смогли приехать.

Стэнли, как они узнали, проживал в Стерджен-Бэй и был давним другом семьи. Когда он взял чашку, она показалась наперстком в его большой руке. Узнав, что он специализируется по завещаниям, Сесилия сникла. Йель понимал, что единственное, на что она еще могла надеяться, так это на то, что они будут иметь дело с адвокатом по делам о разводе или с каким-нибудь стервятником³⁵.

Но, едва они снова уселись, Стэнли разбил вдребезги эту последнюю надежду Сесилии, но все еще не Йеля.

---

³³ *Yale* – имя; также название известного университета из Лиги плюща, наряду с Гарвардом и Стэнфордом.

³⁴ *Yael* – женское еврейское имя.

³⁵ Адвокат, защищающий жертв несчастных случаев и получающий гонорар только в случае победы.

– Наша мисс Нора, – сказал он, – творит *bono pro bono*³⁶.

– Стэнли! – Нора вспыхнула, польщенная.

Йель почувствовал, что скользнул вниз к середине дивана, когда Сесилия перестала держаться за свой подлокотник, признав поражение.

– Я бы хотел поговорить о предметах искусства, – сказал Йель.

Дэбра опередила свою бабушку, сказав:

– Прежде всего, здесь у нас ничего нет. Все в банковском сейфе.

– Это хорошо. Очень умно.

– И она не хочет проводить оценку.

В ее голосе слышался гнев. Ну еще бы. Бабушка, предпочитающая услуги бесплатного юриста, вряд ли оставит в наследство что-то кроме безделушек и, может быть, этого домика. И при этом от Дэбры, предположительно, уплывет целое состояние в виде произведений искусства.

– Окей. И проверка подлинности также не проводилась?

– Мне не нужна никакая проверка! – сказала Нора. – Я получила их от самих художников. Я дважды жила в Париже, не помню, указала ли я это в письме, с 1912-го по 1914-й – я была тогда совсем подростком – и потом еще после войны, до 1925-го. Войнушку я пересидела, – она хохотнула. – И, представьте себе, я училась в художественном институте и была хорошенькой, и мне не составляло таких уж трудов бывать у этих художников. После войны я стала им позировать, втайне от родителей – для них это был бы *скандал*, на это смотрели как на проституцию – и большинство этих картин я получила в оплату за свою работу. Есть еще несколько других, которые я не указала в письме, несколько работ, они могут ничего не стоить. Плюс еще множество тех, что я раздавала за все эти годы. Например, кто-то из художников умирал, и я отсылала эскиз его вдове, такого рода вещи, – она сделала паузу и перевела дыхание. – Они не *все* были гениями, и мне не приходилось выбирать, что взять. Но кое-кто уже тогда сделал себе имя. О, я была их настоящей поклонницей! Так вот, они все подписаны, почти все. Это было мое условие. А они не всегда хотели ставить подпись, особенно на быстрых эскизах. Но такова была моя цена.

Йель был как минимум заинтригован. Нора могла служить фасадом хитрой аферы (и не такое случалось) или просто бредила, но она не была жертвой аферистов. Множество подобных случаев развивались следующим образом: ты сидел и ждал, пока какой-нибудь миллионер выяснит, что де Кирико, которым он хвастал годами, – всего лишь дешевая подделка.

– Они застрахованы? – спросил он.

– На чисто условную сумму, – встряла Дэбра.

Она сидела со своей чашкой и не пила, буравя взглядом кофейный столик.

– Но разве вы не можете провести оценку сами? – сказала Нора. – В музее? – и вдруг добавила: – Боже правый, только посмотрите!

За окнами начался ливень.

Йель сказал мягко:

– Если бы музеям было позволено самим проводить оценку своих экспонатов, в каждом была бы сотня Пикассо. Но послушайте, если мы получим основание верить, что эти произведения соответствуют вашим словам, мы могли бы оказать *финансовую* поддержку с оценкой. Мы не можем оплатить ее напрямую, но мы могли бы постараться найти другого донатора, который смог бы сделать это.

Он не был уверен в надежности такого варианта, но в данных обстоятельствах это было лучшее, что он мог предложить.

---

³⁶ *Pro bono* – термин для оказания бесплатных услуг адвокатами, обычно малоимущим клиентам (*лат*); игру слов можно перевести как «творит общественное благо на общественных началах», то есть используя бесплатного адвоката.

– *Если эти произведения соответствуют моим словам!* – Нора странно посмотрела на него.

– Я не сомневаюсь в ваших словах, – он взглянул на лица Дэбры и Стэнли и убедился, что они серьезны и не пытаются подыгрывать старушке. – Я стараюсь сдерживать восторг, потому что это будет невероятный дар, не только для университета, но и для всего художественного мира – и я не хочу, чтобы у меня тут случился инфаркт.

Это было правдой.

Сесилия что-то сказала, но Йель ушел в свои мысли, пытаясь понять, не это ли соображение вело его по жизни – страх разбить свое сердце. Или, скорее, необходимость защищать то, что еще осталось от него и убывало с каждым расставанием, каждой неудачей, каждой смертью, с каждым днем на этой земле. Не поэтому ли, как, наверное, сказал бы какой-нибудь психотерапевт, он выбрал Чарли, предпочтя его всем мужчинам Чикаго? Йель мог разбить сердце Чарли – он делал это почти ежедневно – но Чарли, при всем его собственничестве, никогда бы не разбил сердце Йелю.

Ливень, казалось, собирался разнести дом на кусочки.

– Давайте предположим, – сказал Стэнли, – у нас все получится. Вы можете гарантировать, что эти произведения будут выставляться достойным образом? Вы не передумаете и не продадите их?

Йель заверил его, что картины будут в сменной экспозиции. И если они сумеют расширить пространство, картины смогут попасть в постоянную экспозицию.

– И вот еще что, – произнесла Нора, подавшись вперед и взглянув в глаза Йелю, словно собиралась сказать ему самое главное. – Я не хотела бы, чтобы вы выбрали любимчиков. Я хочу, чтобы выставлялась вся коллекция.

– Это не совсем от меня...

– Среди них есть пара неизвестных вещей, и особенно одна, Ранко Новака. Его работа меня покорила по личным мотивам. Это *хорошая работа*, не подумайте, что она ужасна, но у него нет *имени*. Я не хочу, чтобы вы выставляли Сутина, а Ранко убрали в запасник, – она наставила на него палец. – Тебе знаком Фудзита?

Йель честно кивнул. Он знал об искусстве намного больше среднего финансиста – ценный кадр. Он даже придумал шутку про себя и много раз ее рассказывал, о том, что ему надо было сказать отцу хотя бы одну правду – либо о том, что он гей, либо о том, что он решил изучать искусство, и он признался, что гей, потому что это казалось меньшим из зол. В действительности, когда Йель ехал домой на зимние каникулы на втором курсе, он всю дорогу думал о том, как скажет отцу, что переводится из финансов на историю искусства – и в первый же вечер к ним домой позвонил его дружок и принял отца, взявшего трубку, за Йеля («Я по тебе скучаю, малыш», и отец сказал: «Это как это?», на что Марк в своей манере просветил его), так что каникулы прошли в состоянии холодной войны – они с отцом избегали друг друга, заглядывая на кухню по очереди, доедая друг за другом спагетти. Йель планировал рассказать отцу об одном профессоре, с которым он собирался провести независимое исследование следующей осенью, о том, что финансы его совсем не увлекают, о том, как, получив ученую степень, он сможет преподавать, или писать книги, или реставрировать живопись, а может, даже работать в аукционном доме. Он планировал объяснить, что это «Св. Иероним» Караваджо вызвал у него волну мурашек по рукам, и весь остальной мир куда-то отодвинулся – больше всего его поразил, как ни странно, свет Караваджо, а не его знаменитые тени. Но Марк все испортил; у Йеля не хватило духу выложить отцу еще и это. Твой сын не просто гей, он к тому же влюблен в искусство. Он вернулся в школу в январе и солгал в учебной части, что вдруг передумал. Но между занятиями по финансам он слушал курс за курсом по искусству, сидя на задних рядах лекционных залов, освещаемых только слайдами Мане, или Гойи, или Хоакина Сорольи.

– Я в восторге, что ты его знаешь, потому что ни Стэнли, ни Дэбра о нем понятия не имеют. В тот же миг, как Фиона сказала о тебе, я поняла, что тому быть. Я навещала Нико, ты понимаешь. Я видела его соседей и этих мальчишек, и не могу тебе сказать, как это мне напомнило всех моих парижских друзей – мы там были чужаками. Отщепенцами.

Йель подумал, поняла ли что-нибудь Сесилия. Он сидел неподвижно и не смотрел на нее.

– Я не говорю, что Нико с друзьями – это Париж, не пойми меня неправильно, но все эти ребята, стекающиеся туда отовсюду, это все то же! Мы никогда не думали, что это какое-то *движение*, когда я была молода, но сейчас об этом говорят как об *Эколь де Пари*³⁷, а на самом деле имеют в виду весь этот сброд, который принесло туда в одно и то же время. Все, родившиеся в каком-нибудь богом забытом местечке, вдруг словно попали в рай.

Йель воспользовался тем, что она закончила фразу, чтобы сменить тему.

– Я бы с радостью взглянул на эти картины.

– Ох, – Нора театрально вздохнула. – Тут Дэбра напортила, верно? Мы собирались поехать в банк с ее «Полароидом», но в нем чего-то не хватало.

– Вот что бывает, – сказала Дэбра, – когда все сувенирные магазины закрывают на зиму. У меня была пленка, но кончились батарейки для вспышки.

– Я мог бы найти в Стерджен-Бэй, – сказал Стэнли, и Дэбра не выразила восторга.

– Вот что мы сделаем, – сказала Нора. – Я пришлю вам почтой несколько полароидных фотографий. Знаю, по фотографии мало что скажешь, но вы составите представление.

Поскольку никто из них не предложил отправиться в банк под дождем, Йель решил тоже промолчать. Ему не хотелось, чтобы Дэбра и Стэнли решили, что он слишком давит, и настроили Нору против него. Его целью было заручиться ее доверием, а не потрогать эти картины.

– Я в ответ пришлю вам фотографии галереи, – сказал Йель. – И позвольте я еще раз назову свой адрес, чтобы посылка попала прямо ко мне, – он взглянул на Сесилию, но она уже давно не участвовала в происходящем, и вручил свои визитки Норе и Стэнли. – Там мой личный номер.

Они оставили Стэнли образцы заявлений для пожертвования и завещания движимого имущества и вышли под дождь без зонтов. Сесилия прикрывала голову папкой, пока они бежали к машине; похоже, она не волновалась, что папка промокнет. Дэбра, смотревшая на них с крыльца, не помахала на прощание.

– Она определенно без ума от *тебя*, – сказала Сесилия.

Она пыталась включить дворники.

– С этим можно работать.

Ему не хотелось объяснять ей про Нико, про то, что отношение Норы к нему никак не связано с галереей.

– Просто катастрофа.

Дворники дернулись, послав каскады воды по краям ветрового стекла.

– В самом деле?

– Скажи, что ты просто ей подыгрывал.

– Я не уверен.

– Что-то в этой женщине или в этом доме дает тебе основание думать, что ее Модильяни настоящий?

– То есть... вообще-то, да. Я изменил первое мнение. Думаю, вероятность вполне неплохая.

---

³⁷ *École de Paris* (Парижская школа (*франц.*)) – общее название различных движений в искусстве, существовавших в Париже в 1900–1940-е годы.

– Что ж. Удачи тебе. Если сумеешь обойти эту внучку. И ее отца, если уж на то пошло. Когда завещания составляют так поздно, их всегда оспаривают. «О, она была в маразме! Адвокат воспользовался случаем!» Но удачи тебе.

Когда Сесилия выехала на местную дорогу ZZ, Йель осознал, что она не умела проигрывать. Вероятно, это и помогало ей добиваться успеха в работе – ее захватывали амбиции, как и Чарли. И Йель восхищался этим качеством в людях. С Чарли его познакомил Нико, в баре, и когда Чарли отвернулся, чтобы поприветствовать кого-то, Нико прошептал: «Он станет первым голубым мэром. Через двадцать лет». Чарли мастерски организовывал людей, зажигал в них огонь, добиваясь, чтобы его газету читали – и все потому, что он чрезвычайно тяжело переживал потери. Когда случалась неудача, он не спал до пяти утра, названивал людям и царапал что-то в блокнотах, пока не вырабатывал новый план действий. Принять это было трудно, но Йель уже не мог представить свою жизнь без жужжания будильника Чарли в самом ее центре.

– Мне хотелось взять ножницы, – сказала Сесилия, – и подровнять брови этому мужику. Адвокату.

Для такого сильного дождя она ехала слишком быстро. Йель, вместо того чтобы попросить ее сбавить скорость, сказал:

– Умираю с голоду.

Это была правда; часы уже показывали три, а они ничего не ели после перекуса на бензозаправке.

Они остановились в ресторане, предлагавшем пятничную жареную рыбу и комнаты наверху. Войдя, они увидели на столах скатерти вразнобой и длинную деревянную барную стойку.

– После еды мы снова тронемся в путь, – сказала Сесилия, – или будем заливать неудачу алкоголем?

Йелю даже не пришлось задумываться.

– Уверен, у них есть номера.

Завтра они смогут вернуться домой при ясной погоде.

Сесилия села за стойку и заказала мартини; Йель выбрал пиво и сказал, что отойдет на минутку. В холле не было таксофонов, но владелец заведения разрешил ему воспользоваться внутренним телефоном.

Чарли взял трубку после десятого гудка.

– Мы остаемся на ночь, – сказал Йель.

– Где ты, еще раз? – спросил Чарли.

– Висконсин. На косе.

– С кем ты там?

– Господи, Чарли. С женщиной, похожей на старшую сестру принцессы Дианы.

– Окей, – сказал Чарли. – Я по тебе скучаю. Ты последнее время то и дело испаряешься.

– Очень остроумно.

– Слушай, я собираюсь вечером в «Найлс».

Йель уже давно перестал вникать, в какие протесты вписывается Чарли, но этот вроде был из-за бара, который постоянно атаковала полиция. Йель сразу сказал Чарли, когда они только сошлись, что он не будет участвовать в чем-то подобном; его нервная система была достаточно хрупкой и без угрозы быть отделанным дубинкой или надыхаться слезоточивого газа.

– Береги себя, – сказал он.

– Я буду неотразим со сломанным носом. Признай это.

Он вернулся в бар, где бармен рассказывал Сесилии, как здесь бывал Аль Капоне, как гангстеры перегоняли по замерзшему озеру из Канады машины, груженные алкоголем. Сесилия допила свой мартини, и бармен хохотнул.

– Я умею их делать, – сказал он. – Теперь у меня еще вишневым в ассортименте, называю его «Округ Дор, фирменный». Не желаете попробовать?

Она желала.

Они так засиделись, что зал стал потихоньку заполняться публикой. Семьями, и фермерами, и припозднившимися отпускниками. Сесилия напилась и ковыряла заказанный мясной пирог, говоря, что он слишком жирный. Йель предложил ей своей рыбы с картошкой фри, но она отказалась. Когда она заказала себе третий martini, Йель неодобрительно попросил еще хлеба.

– Я не хочу хлеба, – сказала она. – Что мне нужно, это авокадо с каким-нибудь домашним сыром. Это *диетическая* пища. Ты когда-нибудь ел авокадо?

– Да.

– Ну конечно. То есть, ни на что не намекаю.

– Не в курсе, на что это может намекать.

Он огляделся, но никто их не слушал.

– Ну, *ты* понимаешь, – сказала она. – Вы, ребята, более продвинуты. Подожди: прадвинуты или продвинуты? Продвинуты. Но послушай, – она положила два пальца ему на бедро, рядом со складкой штанов, отмечавшей промежность, – что я хочу знать, неужели вы больше совсем не оттягиваетесь?

Йель растерялся. Бармен, проходивший мимо, подмигнул ему. Похоже, они составляли вполне достоверную пару, пусть даже Сесилия была старше на несколько лет. Амбициозная карьеристка и ее молодой еврейский дружок. Йель сказал шепотом, надеясь на ее понимание:

– Ты обо мне лично или о геях вообще?

– Видишь? Ты *сам* признался, ты гей!

Не слишком громко, слава богу. Руку она не убрала; но, может, в этом не было ничего сексуального.

– Да.

– Но, о чем это я хотела... я говорила, что геи – то есть извини, что обобщаю, но я так думала, и я оказалась *права* – что геи лучше всех умели веселиться. Я вам завидовала. А теперь вы все такие серьезные и сидите по домам, из-за этой дурацкой *болезни*. Однажды меня пригласили на Бэтон-шоу. «Бэтон-клуб»³⁸? Ну, *знаешь*. И это было потрясающе.

Их по-прежнему никто не слушал. У окна истерила маленькая девочка, бросив на пол сырный тост.

– Я бы сказал, – ответил Йель, – у нас было лет десять, когда мы действительно веселились. Слушай, если ты знаешь тех, кто сбавляет обороты, я рад. Таких немного.

Сесилия надавила пальцами сильнее и подалась к нему. Он беспокоился, что она сейчас свалится со стула.

– Но разве тебе не *хочется* повеселиться?

Он аккуратно убрал ее руку и положил ей на колени.

– Думаю, мы по-разному представляем себе веселье.

Это, похоже, задело ее, но она быстро пришла в себя.

– Что я хочу сказать, – прошептала она, – это что у меня К-О-К-С в сумочке.

Она указала на бледно-желтую сумку под барным стулом.

– Что у тебя?

Возможно, он неправильно расслышал. Она даже не поняла шутку про бонг.

– К-О-К-А-И-Н. Когда поднимемся наверх, можем подурочиться.

У Йеля пронеслось в голове множество мыслей, и главная из них – что утром Сесилия будет в ужасе от своего поведения. Ему было так неловко за нее, что хотелось согласиться и

---

³⁸ *Baton Club* – знаменитый чикагский ночной клуб, известный своими шоу трансвеститов.

занюхнуть дорожку прямо здесь, на стойке бара. Но в последнее время его сердце выдерживало не больше одной чашки кофе в день. А траву он не курил наверно год.

Он посмотрел на нее самым добрым взглядом, на какой только был способен, и сказал:

– Мы закажем тебе большой стакан воды, и ты съешь немного хлеба. Спать можешь допоздна, а когда будешь готова, я поведу машину до самого Чикаго.

– О, ты думаешь, я *напилась*.

– Да.

– Да я в порядке.

Он пододвинул к ней хлеб и воду.

Сесилия могла потом припомнить ему это, попытаться подставить его с будущими завещательными дарами галереи, но это было маловероятно – теперь и у него был на нее компромат. Он не собирался шантажировать ее, ничего подобного, но это могло выровнять их весовую категорию.

– Когда проснешься, – сказал он, – не волнуйся на этот счет. Поездка была хорошей, верно?

– Еще бы, – сказала она. – Для тебя.

Утром Йель заказал оладьи и кофе. Прошлым вечером, провожая Сесилию до комнаты, он оставил записку, на случай если она не вспомнит их план, он положил листок на комод: «Я буду внизу, спускайся, когда будешь готова».

Он читал «Адвоката округа Дор» и «Трибуну», и в последней нашел две статьи, о которых стоило сказать Чарли: в одной обсуждалось, не отменить ли Счастливый час,³⁹ вторая была редакционной статьей о ничтожных тратах Конгресса на СПИД. Уже то, что люди говорили об этом, что «Трибуна» уделяла этому внимание, казалось маленьким чудом. Чарли был прав; он сказал, что им требовалось одно – смерть знаменитости. И вот, *пожалуйста*, жертвой СПИДа пал Рок Хадсон⁴⁰, не посмевавший признаться в своей ориентации даже на смертном ложе, и не прошло пяти лет после начала эпидемии, как появился хоть какой-то отклик в СМИ. Но этого было мало. Чарли как-то поклялся, что, если Рейган в кои-то веки снизойдет до речи о СПИДе, он пожертвует пять долларов республиканцам. («А в сопроводительной записке, – сказал Чарли, – напишу: „Я облизал конверт своим большим гейским языком”».) Но теперь хотя бы Йель слышал какие-то разговоры в надземке. Он слышал, как два подростка шутили на запретную тему в холле отеля, где он встречался с донатором. («Как сделать фрукт овощем?»⁴¹) Он слышал, как одна женщина спрашивала другую, не опасно ли ей и дальше стричься у голубого парикмахера. Нелепо, конечно, но это было лучше ощущения, словно ты живешь в какой-то параллельной вселенной, где никто не слышит твоего крика о помощи. Теперь же люди как будто слышали, просто им было все равно. Но разве это не прогресс?

Сесилия показалась в 10:30, одетая в отглаженные слаксы и свитер, с макияжем и уложенными волосами.

– Погода намного лучше! – сказала она.

– Ты в порядке?

– Я отлично! Представь себе, даже без похмелья. На самом деле я не так уж напилась. Мило, что ты обо мне беспокоился.

Он вел машину, а Сесилия сидела, приложив голову к окошку с пассажирской стороны. Он старался объезжать выбоины, поворачивать плавно. Они почти не разговаривали, не считая обсуждения стратегии на случай, если картины окажутся подлинными. Йель возьмет на себя

---

³⁹ Часы скидок во второй половине дня, в основном на алкогольные напитки и закуски.

⁴⁰ Рок Хадсон (1925–1985) – американский кино- и телеактер, игравший лирических героев-любовников.

⁴¹ Игра слов: фрукт обозначает гомосексуала, а овощ – человека в коме.

Нору и ее семью, пока не придет время оформлять завещательный дар, и тогда, если будет нужно, к нему подключится Сесилия.

Йель взглянул на желтую сумку в ногах Сесилии, в которой, как он знал, лежал пакетик кокаина – если только она не приняла его этим утром, что было по ней не заметно. Если их остановит полиция и машину обыщут, их обоих арестуют. При мысли об этом он даже сбавил скорость.

Он сунул руку в карман блейзера, вытащил горсть «M&M's» и предложил Сесилии. Она взяла одно драже.

- Ты был знаком с ее племянником, – сказала она.
- Внучатым племянником. Он был моим первым настоящим другом в городе.
- Надеюсь, – сказала она, – это не замутняет твое восприятие.

2015

Фиона не отдавала себе отчета, что у нее в голове уже сложился некий образ частного детектива, пока они с Сержем не оказались с ним лицом к лицу, за круглым столиком в «Café Вонапарте». Глядя на этого миниатюрного тихого человека, она осознала, что рисовала себе неловкого типа в плаще, потливого жандарма в отставке, который в конце концов оказался бы гением. Но Арно («Можете звать меня Арнольд», – предложил он на безупречном британском английском, словно считал ее неспособной произнести простой звук «О») был словно свежезаточенный карандаш – на маленьком смуглом лице выделялся острый нос. Не то чтобы она хотела себе киношного детектива. Это был не киношный случай. Если Клэр действительно в Париже, найти ее не должно составить труда. Другое дело – уговорить ее на встречу.

Арно взял чек, который она протянула ему, и убрал в нагрудный карман. Он склонился над своим фруктовым салатом и быстро задавал вопрос за вопросом, пока ел.

– Как ее французский? Вашей дочери?

Фиона взглянула на свой сырный омлет; она перед этим была так голодна, но теперь не могла заставить себя взять в рот еду.

– Она учила его в старшей школе.

– *Лисэ*⁴², – пояснил Серж.

Серж, который привез сюда Фиону (она сидела на мотоцикле, обхватив его за талию и закрыв глаза), решил остаться и заказал эспрессо, и теперь, похоже, чувствовал потребность оправдать свое присутствие.

Когда Клэр была в шестом классе, Фиона попробовала применить к ней тот же довод, что когда-то испытала на себе: «Ты ведь немного кубинка, сама знаешь. Не думаешь, что испанский...» А Клэр сказала: «Но я и француженка. А еще моя ДНК на девяносто девять процентов совпадает с мышинной. Мне что теперь, учиться *пиццать*?»

Теперь же Фиона сказала:

– Но я не знаю, давно ли она здесь. Возможно, три года.

– Три года – это когда она ушла из секты?

– Да, – сказала Фиона, – но...

Она не знала, что еще сказать. Что-то о том, что из секты никогда нельзя по-настоящему уйти. О том, что сперва была просто эта секта, а потом возникла личная секта Клэр – ее поклонение Курту Пирсу. Один лидер и одна последовательница.

– И вы полагаете, она сейчас в Париже.

– Ну...

И неожиданно она не смогла вспомнить, почему она была так уверена, что видео было снято в Париже. Была ли на заднем фоне Эйфелева башня? Нет, но это видео было о Париже. Как же она устала. Стоило ей повернуть голову, и зрение размывалось.

– Вы смотрели видео? – спросила она.

Она послала ему ссылку, когда они первый раз списались на этой неделе.

Он кивнул, достал тонкий ноутбук из сумки у себя в ногах, открыл его одним плавным движением и запустил видео. То, что во французском кафе был вай-фай, показалось Фионе неправильным. В ее сознании Париж застыл в 1920-х. Это всегда был Париж тети Норы, сплошь роковая любовь и туберкулезные художники.

– Метка на третьей минуте, – сказала она.

Десять дней назад соседка Клэр по колледжу, Лина, прислала ей ссылку на ролик с Ютьюба со словами: «Кто-то прислал мне это, спрашивая, не Клэр ли там, на третьей минуте.

⁴² *Lusée* – лицей (франц.).

Я не уверена – думаешь, правда?» Но тупой компьютер Фионы не мог промотать видео, так что ей пришлось сидеть и смотреть все эти минуты «полезных советов любителям семейного отдыха» для туристов зажиточного среднего класса, собирающихся вытащить детей во Францию. Карусели, горячий шоколад в ресторане «Анджелина», лодочки на пруду в *Жардэн-дю-Люксамбур*⁴³. А затем возникла стриженная под мальчика ведущая и стала пятиться по мосту, рассказывая о художниках, «запечатлевающих этот вид, чтобы вы могли взять его домой». И там, позади ведущей – теперь на экране Арно – сидела женщина на складной табуретке, шурясь на маленький холст, неловко касаясь его кисточкой, словно по указке. Была ли она похожа на Клэр? Да. Но чуть полнее, а ее волосы были схвачены стильным платком. «Как знать, – воскликнула ведущая, – и может даже в сопровождении своих *enfants!*» Эти слова относились к девочке, совсем еще крохе, которая возилась с какой-то маленькой красной игрушкой у ног женщины.

– Это она? – спросил Арно и коснулся лица Клэр на экране.

– Да.

Не следовало говорить, что она почти уверена, как и то, что ей снились кошмары с женщинами на мостах – они оборачивались, показывая ей разложившиеся лица, морды животных, просто чужие лица. Если он собирался искать ее, Фиона хотела, чтобы он верил, что может найти ее.

– Платок не похож на хиджаб.

– Да, но эта секта была не такой.

– Я знаю этот мост, – сказал он.

– Это *Пон-дез-Ар*⁴⁴?

– Что? Нет, нет. *Пон-де-Ляришевише*⁴⁵. Прямо возле Нотр-Дама. Видите, едут машины? На *Пон-дез-Ар* машин нет.

Фиона едва сдерживалась, чтобы не вскочить, оседлать мотоцикл Сержа и стремглав помчаться туда.

– Обычно художники не сидят на этом мосту. Я подозреваю, – он взглянул на Сержа, как бы ища поддержки, – что ее попросили сесть туда для съемок.

– Но она могла жить неподалеку, – сказала Фиона. – Или киношники могли знать ее!

Арно кивнул с мрачным видом.

– Маленькая американская продакшен-компания из Сиэтла. Может, она там живет? Может, она работает в съемочной группе, и они попросили ее попозировать на мосту.

И хотя такая вероятность была – Клэр *любила* киносъемки – Фиона решила оставить ее на потом.

– Гораздо вероятней, – сказала она, – что она рисует, чем снимает фильмы. Ее секта – они отрицали технический прогресс. В общем, я не знаю.

– Но она ушла из секты.

Арно закрыл ноутбук и взял вилку, так что Фиона почувствовала, что от нее ожидают подробного рассказа обо всем, что она обозначила в переписке лишь в общих чертах.

– На самом деле, я сама познакомила ее с этим парнем, – сказала она, – Куртом. Он старше, можно сказать, друг семьи. Сейчас ему должен быть сорок один.

– У меня есть фотографии, – сказал Арно, поднося клубнику ко рту.

– Я не хотела, чтобы так получилось, просто она проводила лето в Колорадо, работала официанткой и путешествовала по окрестностям, а он жил там. Это было в две тысячи одиннадцатом, сразу после ее первого года в колледже. И не успела я глазом моргнуть, как она уже

⁴³ *Jardin du Luxembourg* – Люксембургский сад (франц.).

⁴⁴ *Pont des Arts* – мост Искусств (франц.).

⁴⁵ *Pont de l'Archevêché* – Архиепископский мост (франц.).

влюбилась, и вот она уже не хочет возвращаться к учебе осенью, хочет остаться в Болдере и работать на каком-то ранчо. А потом от нее никаких писем, нет и нет, и телефона там нет, и интернета, только почтовый адрес, и в итоге я сама ей пишу и говорю, что собираюсь в гости, а она говорит, мне нельзя. Вот тогда я запаниковала.

Это был далеко не первый раз, когда Клэр отстранялась от нее. Однажды, еще в старших классах школы, дочь целый семестр не разговаривала ни с ней, ни с отцом. И был еще случай – Фиона и Дэмиан тогда первый раз разошлись, Клэр было девять – когда она убежала в церковь на той же улице. До этого Клэр в жизни не заходила в церковь, не считая одной свадьбы, но Фиона всегда говорила ей, что, если когда-нибудь она попадет в неприятности и ей понадобится помощь, можно пойти в церковь и попросить. Но когда Клэр пропала, Фиона совсем забыла об этом.

Когда наконец ей позвонил секретарь Епископальной церкви, Клэр отсутствовала уже пять часов, и Фиона с Дэмианом прочесывали улицы в патрульной машине. Это была неделя после теракта одиннадцатого сентября, и люди все еще смотрели с тревогой на полицейские машины. Но, как ни странно, Фионе становилось легче при мысли, что ее личная проблема вписывалась во всеобщую трагедию. Они нашли Клэр в здании при церкви, она пила шоколадное молоко в компании двух женщин, окинувших Фиону с Дэмианом злобным взглядом. Что такого Клэр наговорила этим женщинам о них, о разводе, Фиона так и не узнала. Она сунула им двадцатку, схватила Клэр за руку и вывела на улицу, а полисмен с Дэмианом остались, чтобы выяснить детали.

Только уложив Клэр в постель той ночью, Фиона присела на диван, на котором раньше спал Дэмиан, и сказала, взглянув на него: «Как по-твоему, почему она убежала?» Она старалась говорить спокойно, но у нее уже был ответ.

Он хохотнул и сказал: «Может, это наследственное. То есть почему ты и твой брат убежали?»

«Я *ушла из дома*, – сказала она, – когда мне было восемнадцать. А Нико выгнали, и не смей больше вспоминать о нем».

Дэмиан поднял руки, как бы сдаваясь или извиняясь.

«И мои родители, – сказала она, – моя мама показала альбом с рисунками брата *священнику*. Это было... Окей, я не буду говорить с тобой об этом. *Как думаешь, Дэмиан, может, она услышала, что ты наговорил мне?*»

И Дэмиан опустил взгляд на ковер, потому что все несомненно упиралось в тот разговор. Прошлым вечером он привез Клэр и остался поговорить – на самом деле, поругаться – и Клэр еще не спала, когда он кричал на Фиону, чего почти никогда не делал. Он возмущался, что она изменяла ему с разведенным мужчиной, но главное, что у этого мужчины было двое детей, и что Фиона тем летом провела с ними выходные в Мичигане. Мало того, что она обманывала *его*, но она, похоже, решила найти замену всей их семье.

«Я поговорю с ней», – сказал Дэмиан.

И – ужасная глупость – она позволила ему пойти к Клэр одному. Может, она решила, что только он мог забрать свои слова назад. Но она должна была пойти к дочери сама. Почему она не сделала этого?

Фиона не стала выкладывать всего этого Арно, но рассказала ему о своей поездке в Болдер в 2011 году. Стояла зима, Клэр уже несколько месяцев не возвращалась к учебе, и Фиона, оглядываясь на то время, ругала себя, что тянула так долго. Но тогда это казалось ей правильным – дать Клэр почувствовать себя свободной. Дэмиан в то время жил в Портленде, и она разговаривала с ним, только когда возникали проблемы с Клэр. В тот раз они дошли до разговора только в январе – о том, что никто из них давно не видел от дочери ни строчки, что Клэр обналачила чек, который Дэмиан со своей новой женой послали ей на Рождество, но не написала ему ни слова благодарности. Переживая в одиночку, Фиона могла утешать себя, что Клэр

просто такая, что надо дать ей время и она сама поймет, что без учебы никуда. Но, слушая, как Дэмиан, который никогда не был склонен к панике, говорит, что ему это не нравится, что здесь что-то не так, она вдруг ощутила, что здесь *действительно* что-то не так. Фиона вылетела на следующей неделе. Она арендовала машину в Денвере и выехала из Болдера, ориентируясь по GPS.

Очевидно, она заехала не туда. Это было не ранчо. Узкая, ухабистая дорога, шедшая зигзагами через лес, привела ее в какой-то зачуханный палаточный лагерь: вагончики и хижинки вокруг обветшалого желтого дома, и никакого озера или другой природной достопримечательности, которая могла бы объяснить стечение такого количества людей.

Фионе захотелось уехать, изучить этот район по хорошей карте, выяснить, где на самом деле находится это ранчо, но она не могла уехать, не постучав в дверь, не убедившись, что ее дочь не держат здесь насильно. Она позвонила Дэмиану, чтобы иметь свидетеля на случай, если произойдет что-то ужасное, и – с ним на линии, прижав телефон к груди – приблизилась к двери.

– Мужчина, открывший дверь, – рассказывала она теперь Арно, – он выглядел, как у них принято. Я тогда не знала этого. Борода, длинные волосы, деревянные башмаки. Они во многом похожи на хиппи, особенно мужчины, – Фиона отметила, что мужчины смотрелись лучше бедных женщин, ходивших в длинных платьях с рукавами и без макияжа. – Так что, когда выяснилось, что Клэр там, когда они позвали ее к двери, я так и подумала, что это коммуна хиппи. Полагаю, таких коммун сейчас уже нет.

Она рассказала Арно, как Клэр при виде ее попятилась, потом подошла и обняла ее так, как обнимают своего бывшего при случайной встрече – и когда у обоих уже новые партнеры. Дэмиан все еще был на связи, но Фиона не могла остановиться и рассказать ему обо всем. Клэр схватила пальто и вышла поговорить с ней на дороге, и вскоре к ней подошел Курт и стоял рядом, как телохранитель.

– Он казался таким собственником, – сказала она, – держал руку у нее на спине.

Как Фиона могла забыть, какой он высокий? Она поразилась этому, когда первый раз увидела его подростком, возвышавшимся над своей матерью. В нем, наверное, было шесть с половиной футов⁴⁶, а теперь у него появилось брюшко. Лицо его загорело и обветрилось, а светлые волосы рассыпались по плечам.

– Они не стали врать о том, что это за место. Они сказали, это особое сообщество, под названием «Совместная осанна», так что... ну, сразу понятно, это не просто экологическая ферма, да?

Фиона не помнила подробно тот разговор. Она была смущена и расстроена, и, хотя она расспрашивала их о людях, с которыми они живут, больше чем их ответы, ее волновало, как Клэр держится: ее тупой взгляд и дергавшаяся ступня. Она помнила, как сказала, запинаясь: «В Чикаго тоже есть разные церкви». И Курт ответил, качая головой: «Современная христианская церковь – это Вавилонская блудница».

Клэр не ушла с ней, даже не села в машину, чтобы пообедать в городке, не взяла телефон, чтобы поговорить с отцом, и не отходила ни на шаг от Курта Пирса.

Курт сказал: «Вообще-то, это вторжение». Спокойно, словно он был здесь единственным голосом здравого смысла.

А Клэр сказала: «Мам, мы в порядке. Ты не волновалась обо мне в колледже, а мне было там *мерзко*. Здесь я гораздо счастливее».

«Я волновалась о тебе в колледже. Но там я хотя бы знала, что происходит».

«Нет, не знала».

---

⁴⁶ 195 см.

Фиона могла лишь догадываться, с чем именно Клэр наотрез не соглашалась. С крыльца большого дома на них выжидающе смотрели трое взрослых и ребенок.

Фиона понимала, что бесполезно давить на дочь, принуждать ее к чему-то.

Она сказала: «Я вернусь утром. Привезу пирожков».

«Пожалуйста, не надо».

Когда она приехала на следующий день, дорогу на подходе к лагерю преграждал завал из бревен. На завал опирался человек с хвостом до самой талии, и, когда Фиона подъехала, он покрутил в воздухе пальцем, показывая, чтобы она разворачивалась. И она послушалась его, потому что к ней уже вылетел Дэмиан и в конце концов лучше было вернуться сюда с ним.

За следующую бессонную неделю, расспрашивая людей в Болдере и прочесывая интернет, они выяснили то, что Фиона теперь рассказывала Арно: «Совместная осанна» была малым ответвлением и без того закрытой секты из Денвера, и в дочерней секте запреты были еще строже, чем в головной. Ее последователи вроде как проповедовали иудео-христианские ценности, но кроме того практиковали астрологию, вегетарианство, отрицали технический прогресс и отличались патриархальностью. Они верили, что церкви нужно вернуться к первоначальной чистоте, описанной в некоторых главах деяний апостолов, что после апостола Павла наступило моральное разложение. Они называли Иисуса «Иешуа» и не отмечали никаких праздников, кроме Пасхи. У них не было личных денег, они вели общее хозяйство за счет почти непрерывного труда женщин и детей. Мужчины продавали мед и салатные приправы на фермерских рынках и периодически подрабатывали на стройках в городке, отдавая все заработки в общий кошелек.

Фиона и Дэмиан обратились в полицию, но не обнаружилось состава преступления. Дэмиан напомнил ей о том, что она и так знала: чем больше они будут преследовать Клэр, тем больше та будет отгораживаться от них. Они сделали еще одну попытку, на этот раз отправившись к лагерю в патрульной машине с полисменом, проникшимся их бедой – Фиона не сомневалась, что Дэмиан, как и она, вспоминал их отчаянную поездку по Чикаго за девять лет до того – и в итоге их встретил перед завалом тот же человек, что и в прошлый раз, и обрушил на копа впечатляющий поток юридической терминологии. Нет, у них не было ордера.

Фиона с Дэмианом сидели в баре аэропорта Денвера с мешками под глазами и оба плакали, потом прекращали и снова плакали. Должно быть, со стороны они походили на любовников, расстающихся в последний раз. Он был с обручальным кольцом, она – без. Фиона сказала: «Нам нужно остаться». Но у них были более продуктивные способы потратить время и деньги. Дэмиан свяжется с адвокатами. Фиона – с друзьями Клэр по школе и колледжу, даже предложит им билет на самолет за свой счет. Она найдет Сесилию Пирс и убедит ее попытаться образумить ее сына.

Арно кивал, слушая все это, но ничего не записывал. Фиона волновалась, что он спросит ее, почему она не отказалась покинуть Болдер, почему она не стала лупить кулаками в дверь хижины. Просто она не верила, что Клэр задержится в этом окружении надолго. А еще какая-то часть ее желала, чтобы дочь усвоила что-то на собственной шкуре и от кого-то, кроме нее. Единственный раз в жизни ей вдруг захотелось, чтобы Клэр приползла побитой домой, а не убегала от Фионы *из* дома, заявляя, что ей причинили боль. Во всяком случае, к такой версии Фиона пришла со своим психотерапевтом. Но, возможно, все было сложнее. Возможно, дело было в нежелании вести заранее проигранные битвы. После кровавой бани ее молодости, когда умирали или уходили от нее все, кого она любила. После того, как сама ее любовь стала ядом.

Фиона писала дочери письма почти каждый день, говоря, что та всегда может вернуться домой, что никто не будет ее осуждать. Через несколько недель письма стали возвращаться к ней, нераспечатанными.

А потом, по прошествии почти года – года разговоров с полицией и адвокатами, и с людьми из групп поддержки жертв сект – Дэмиан с Фионой снова приехали в лагерь. Они взяли с собой телохранителя, нанятого в Болдере. Никакой патрульной машины, никакой полиции. Они не собирались похищать Клэр, просто хотели настоять на разговоре. Им открыла дверь женщина, покрытая экземой, и сказала, что Клэр и Курт ушли месяц назад. И она не представляла, куда; и никто не знал.

Дэмиан пошел на болдерский фермерский рынок, где был прилавок у членов «Осанны», и сказал им с беззаботным видом, что он договорился в прошлый раз об одной сделке с парнем по имени Курт. Не здесь ли сегодня Курт? Один из них сказал, что брата Курта с ними больше нет. А другой закатил глаза.

И Фиона подумала: «Что ж, по крайней мере, они отсюда выбрались. Пусть даже она по-прежнему с ним». Она подумала, что, возможно, вскоре Клэр свяжется с ней. Но напрасно. Они наняли детектива в Чикаго, и он с радостью взял их деньги, но его поиски ни к чему не привели. Они обращались в службу розыска пропавших людей, но взрослый, который просто не хочет общаться с тобой, не считается пропавшим.

Вместо того, чтобы спросить, почему Фиона ничего больше не сделала, Арно спросил:

– Это было типично для вашей дочери? Она увлекалась религией?

– Нет, – сказала Фиона. – Это самое странное. Она всегда была бунтаркой. Она бросила группу скаутов, бросила оркестр, ни с кем не встречалась дольше пары месяцев. До Курта.

– У нее есть причина избегать вас?

Фиона всадила вилку в омлет и вытащила, глядя, как между зубцов стекает сыр.

– У нас бывали разногласия, но ничего особо страшного.

Она могла бы пуститься в разъяснения об их головомойках, о том, что Клэр всегда была ближе к отцу, чем к ней, но после развода отделилась от них обоих, о своем чувстве вины и самокопаниях, не отпускаявших ее с тех пор – но все это только запутало бы детектива.

– Просто некоторые люди проблемные уже с самого рождения, – сказала она. – Горькая правда, но это так.

Она неважно себя чувствовала. Ее мучила жажда, но вода, которую ей принесли, была газированной, а она этого не выносила. Она сделала крохотный глоток, но это было хуже, чем совсем не пить.

– Этот приятель ее бьет? – спросил Серж.

И хотя вопрос был закономерный, Фионе не понравилось, что он вмешивается не в свое дело.

– Я так не думаю. Нам попадались в интернете публикации, что члены «Осанны» бьют своих *детей*. Для дисциплины. И я уверена, этим дело не ограничивается. Но я давно знаю Курта. С тех пор, как он был мальчишкой. Он ладит с животными, понимаете? Не думаю, что можно бить женщин и нравиться животным. Животные почуяли бы это.

Арно медленно кивнул.

– Давайте предположим, она оставила секту, когда узнала, что беременна.

Фиону это впечатлило. Они с Дэмианом пришли к такому же заключению, но только через много дней после того, как просмотрели это видео, после бессонных пьяных ночей в разных городах, после обсуждения планов действия и выстраивания теорий по телефону. За последние пятнадцать лет между ними еще не было таких хороших отношений, но какое теперь это имело значение? Периодически она слышала в телефоне голос жены Дэмиана, и тогда он говорил: «Карен думает, нам нужно попробовать то-то и то-то», но все ее советы всегда были бесполезными.

У Карен недавно обнаружили рак груди, в операбельной стадии, и ей назначили облучение на следующую неделю – поэтому, а еще потому, что Дэмиану надо было преподавать, его сейчас и не было с ней.

– А семья приятеля? – сказал Арно. – Он связывался с ними?

– Я знаю только его мать, – сказала она. – Она не особо... она не хочет иметь с ним ничего общего.

У нее была тяжесть в груди, а голову наполнял серый шум. Она почувствовала руку Сержа на своей руке и увидела омлет необычайно близко. Она упала на стол.

– Она прилетела только этим утром, – доносились слова Сержа.

– Она ничего не поела, – сказал Арно.

– Я отвезу ее домой.

– Я вас слышу, – сказала она. – Я здесь.

– Я подгоню свой мотоцикл.

– Нет! – сказала она. – Мы не закончили!

Арно сложил свою салфетку аккуратным треугольником и засунул под край тарелки.

– Нет, мы закончили. Теперь мое дело – наблюдать.

1985

Несколько недель после поминок Нико ни у кого не было желания развлекаться. Кому ни позвонишь – каждый везет еду Терренсу, или ты сам везешь еду Терренсу. Или люди болели, обычными болезнями, вроде простуды, из-за похолодания. Ребята, у которых были семьи, улетели отмечать с ними День благодарения, изображая натуралов перед племянниками и племянницами, убеждая бабушек и дедушек, что они встречаются с кем-нибудь – ничего особенного, просто приятные девушки. А когда отцы припирали их к стенке в гаражах или прихожих, заверяли, что нет, они не подхватят эту новую заразу. Чарли со своей мамой, как британцы, не отмечали этот праздник, несмотря на увещевания Йеля, что это день всех иммигрантов. Британских иммигрантов в особенности! В итоге Йель приготовил курицу Корниш для себя, Чарли и гостей – Эшера Гласса, Терренса и Фионы. Тедди и Джулиан обещали заглянуть на десерт.

Первым прибыл Эшер и, вручив каравай, который испек сам (еще теплый, обернутый полотенцем), помахал картонным желтым конвертом в сторону Йеля.

– Не давай мне совать это им до конца вечера, – сказал он. – Держи подальше от меня. Пока у меня в руке не будет кофе, окей?

Йель ничего не понял, но положил конверт на холодильник и нашел нож для хлеба. Эшер говорил с нью-йоркским акцентом, и то, как он произносил отдельные слова – *кофе*, к примеру – вызывало у Йеля желание повторять их за ним.

Чарли, не спрашивая, налил Эшеру джин с тоником.

– Ты действительно вышел из игры, – сказал он. – Твердо решил?

Клиника Говарда Брауна, где оба они состояли в совете директоров, наконец-то, после долгих обсуждений, решила, что в следующем месяце начнет предлагать тест НТЛV–III, который врачи разработали еще весной. Эшер возразил, во всеуслышание. По словам Чарли, он всадил в стол шариковую ручку, высказывая свою точку зрения, и ручка треснула и потекла, так что, когда Эшер в итоге выкатился кубарем из комнаты, у него были синие руки.

Йель втайне много лет сходил с ума по Эшеру. Это чувство имело свои особенности: оно разгоралось в основном когда Эшер злился на что-то, когда он кричал как оглашенный. (Самой нелепой из первых влюбленностей Йеля был Кларенс Дэрроу⁴⁷, как он показан в пьесе «Пожнешь бурю», которую проходили в десятом классе. Целых две недели Йелю пришлось молчать на уроках – боялся, что его щеки покраснеют, если он станет обсуждать пьесу.) Занятно, но, когда Чарли начинал распалиться по какому-то поводу, Йелю хотелось заткнуть уши ватой. Кроме того, привлекательность Эшера вспыхивала с новой силой, когда его темные волосы лохматились, как сейчас, делая его похожим на молодого, неряшливого Марлона Брандо. Коренастей и грубее, но тем не менее.

Эшер вел юридическую практику из своей квартиры на Алдайн-стрит, и довольно быстро перешел от дел о равных жилищных правах к завещаниям и тяжбам по страховкам. С друзьями он общался исключительно в дневное время, не участвуя в скитаниях по барам. Его личная жизнь, надо заметить, была тайной, и Йель никогда не мог понять, подходил ли Эшер к сексу с той же горячностью, что проявлял в работе, или, напротив, растратив всю свою страстность в дневных битвах, он просто вызывал раз в неделю кого-нибудь из службы эскорта. В последнее время он много говорил о разнице между активизмом и правозащитой, и Йель не мог вспомнить, в пользу чего склонялся Эшер, или же он хотел, чтобы все занимались и тем, и другим. Плечи у него были точно бочки, а ресницы – длинными и темными, и Йель прилагал героические усилия, чтобы не пялиться на его губы, когда он говорил.

---

⁴⁷ Кларенс Сьюард Дэрроу (1857–1938) – американский юрист, один из руководителей Американского союза гражданских свобод, защищал преследуемых по политическим мотивам, борцов за права рабочего класса и афроамериканцев.

Голос Эшера уже начал греметь, и Йель разволновался, что его услышит Терренс, если вдруг ему уже кто-то открыл дверь внизу и впустил в прихожую.

– Слушайте. У нас у всех смертный приговор. Так? Ни вы, ни я не знаем, каков наш срок. День или пятьдесят лет. Хотите сузить диапазон? Хотите тронуться умом? Это все, что дает вам тест. То есть покажите мне препарат для чудесного излечения, и я пройду чертов тест и всем буду советовать. А так что? Хотите пополнить базу данных правительства?

– Мою позицию ты знаешь, – сказал Чарли.

– Знаю, и *послушай*, – руки Эшера рубили воздух, джин выплескивался из бокала, Йель оперся о раковину, глядя на эти руки, как на фейерверк. – Если ты за безопасный секс, тест тут не поможет. Половина этих ребят получают ложное чувство безопасности, а другая половина узнает, что они умирают. Они в депрессии, и что, блин, по-вашему, они делают, когда напиваются? Они не бегут в магазин резинок.

Чарли все еще прикалывался по поводу «магазина резинок», придумывая ему названия типа «Все для члена» или «Здоровый малыш», когда в дверь позвонили Терренс и Фиона. За то время, что они поднимались наверх, Эшер прокашлялся и искусно перевел свой праведный гнев на отсутствие приличной китайской еды в Чикаго. Йель стал возражать ему, что нужно лишь прогуляться в Чайна-таун и поесть куриных лапок.

Вошли Терренс с Фионой, держась за руки.

Терренс вручил Чарли бутылку вина и произнес своим максимально «белым» голосом:

– Мы с женой застряли в *ужаснейшей* пробке по пути из Шебойгана. Слава богу, мы подлатаем эту инфраструктуру – ну, вы знаете, просачивание благ⁴⁸ и все такое, боже, храни США.

Эти двое, пережившие утрату Нико тяжелее прочих, неплохо держались, но много ли можно сказать по внешнему виду? Светлые локоны Фионы всегда придавали ей энергичность, живость, сглаживая всякую усталость. А Терренс – он похудел, но по нему никак нельзя было сказать, что он болен, если не знать. И что хорошего принесло ему это знание? Возможно, он стал меньше пить. Возможно, он стал больше спать. Хорошо, если так.

– Тот конверт, – сказал шепотом Эшер Йелю. – Только после кофе.

Йель весь вечер был как на иголках, не в силах ни на чем сосредоточиться. Отчасти виной тому был поздний ноябрь – Йель всегда становился раздражительным, когда солнце тускнело, переходя в зимнюю спячку – и, возможно, отчасти дело было в присутствии Эшера, хотя обычно такая взбудораженность была ему приятна. Может, это объяснялось тем, что скоро появится Тедди, и это будет их первая встреча после поминок Нико, когда фантом Йеля уединился наверху с фантомом Тедди.

И вдобавок его тревожило ожидание полароидов от Норы – как только он загорелся этим проектом, все застопорилось. Он написал ей душевную записку и послал копию адвокату. Затем, как и обещал, послал отдельным письмом несколько фотографий галерейных интерьеров. В ответ – ни слова. Он накосячил – думал, что в папке с бумагами указан телефонный номер Норы, но Сесилия сказала, что она его не записывала, они общались только по переписке. В отделе информации также не знали ее номера. Он написал адвокату Норы, интересуясь, нет ли от нее новостей, намекая, что хотел бы узнать ее номер. Стэнли ответил, что не видит оснований беспокоить Нору и что она обязательно свяжется с ним. Про номер ни слова. Йель позвонил Стэнли, чей номер был указан в шапке письма, но трубку взяла секретарша и сказала, что Стэнли по возрасту частично отошел от дел и работает не каждый день и нет, она не в курсе, когда он появится, но передаст ему, что Йель звонил. Йель позвонил еще раз, и снова ответила секретарша, пообещав повторить его просьбу. Он боялся показаться напо-

---

⁴⁸ «Теория просачивания благ сверху вниз», основанная на утверждении, что, когда богатые богатеют, бедные от этого также выигрывают, была популярной доктриной у республиканцев в 1980-х.

ристым, боялся, что адвокат скажет Норе, что у него плохое предчувствие насчет этих ребят из Северо-Западного.

Так что, когда все принялись за главное блюдо и стали обсуждать Live Aid⁴⁹, к которому Эшер имел какие-то малопонятные претензии, Йель завел с Фионой разговор насчет Норы.

– Разве она не *прелесть*? – сказала Фиона. – Я хочу стать как она, когда вырасту. Она крутила романы со столькими художниками! Серьезно.

– Ты могла бы хоть сейчас выбежать на улицу и заниматься сексом с художниками.

– О, ты понимаешь, *о чем я*. Она вела такую *жизнь*, понимаешь? Она единственная из всей семьи, кто не отказался от Нико. Посылала ему чеки на пятьдесят долларов каждый месяц.

Фиона сказала, что Нико даже не нужно было признаваться ей в своей ориентации; Нора и так все понимала. Но номера ее Фиона, увы, не знала. Она виделась с ней на свадьбе родных в Висконсине в августе, и, пока они сидели, разговаривая об искусстве, о Париже, Фиона как раз рассказала ей о работе Йеля и сказала, что Норе нужно поскорее написать ему. А недавно Нора *позвонила* ей и сказала, как ей понравился Йель.

– Она тебя точно *любит*, – сказала она, – потому что это единственный раз, когда она мне звонила.

Может, отец Фионы знает ее номер? Она пообещала попробовать узнать. Но Йель понимал, что рассчитывать на нее не стоит.

За столом Терренс говорил о своей новой практике медитации, кристаллах, кассетах для снятия стресса, а Эшер смеялся, качая головой.

– Слушай, – сказал Терренс, – ты все рассуждаешь, как спасти мир. А я же стараюсь купить себе несколько дополнительных месяцев. Если мне придется *есть* эти чертовы кристаллы, я это сделаю.

– Могу подсказать тебе пару мест, – сказал Эшер, – куда засунуть эти кристаллы.

Фиона заехала ему по руке, довольно сильно, так что Эшер поморщился, и велела ему вести себя прилично.

Фиона единственная вызвалась помочь Йелю убрать посуду – она хотя бы подержала открытыми распашные двери, отделявшие крохотную кухню от столовой. Остальные переместились в гостиную, чтобы Терренс мог досмотреть матч «Ковбоев»⁵⁰.

Под шум воды Йель спросил, понизив голос:

– Слушай, это ты сказала Чарли, что я пошел наверх с Тедди? После поминок.

– Ой! О боже, Йель, я все хотела извиниться, – она попятилась к столу и, подтянувшись, села на него, болтая ногами. – Знаешь, как бывает, когда на пьяную голову какие-то мысли вдруг возникают, и ты в них веришь? Я напилась, а он не мог найти тебя, и я видела, как ты пошел наверх, и кто-то сказал, что видел, как наверх шел Тедди, и я стала говорить: «Йель наверху с Тедди», потому что думала, что помогу ему. Похоже, не помогла.

– Я так и подумал, – сказал Йель. – Именно так я и подумал. Тедди там вообще не было. Он ушел, когда началось слайд-шоу.

– Ох, Йель, я не хотела создавать тебе проблем. Я потом слышала, что Чарли был... о боже.

– Это неважно, – сказал он. – Это наименее важное из всего, что было в тот вечер.

Йель продолжил оттирать тарелки, а Фиона присоединилась к остальным в гостиной. Если он не перемоеет посуду сейчас, пока Чарли развлекает гостей и изображает, будто понимает американский футбол, тогда Чарли сам возьмется мыть всю посуду.

Когда Йель наконец вошел в гостиную, разговор внезапно смолк.

⁴⁹ *Live Aid* – международный благотворительный музыкальный фестиваль в поддержку борьбы со СПИДом, прошедший 13 июля 1985 года в Лондоне.

⁵⁰ *Dallas Cowboys* – команда по американскому футболу из Техаса.

– Что? – сказал он.

– Потом тебе скажу, – сказал Чарли.

– Нет, что?

– «Ковбои» выигрывают, – сказал Терренс.

Эшер попытался выпить из бокала, но тот был пуст.

– Просто скажите ему, – сказала Фиона.

Чарли погладил диван, закусил губу и уставился в телевизор.

– Думаю, я видел твою маму.

– Ох.

– То есть точно видел. Она была медсестрой, в... это была реклама тайленола⁵¹. Она что-то говорила. Не много.

– Мы не знали, что твоя мама кинозвезда, – сказал Эшер.

У Йеля зашумело в голове.

– Она не звезда.

Такого не случалось уже пару лет, такой подставы. Какое-то время назад крутили рекламу кофе, где она изображала официантку. И еще она играла секретаршу в одной серии «Саймон и Саймон»⁵². Он это ненавидел – Чарли наверняка сказал им об этом, иначе почему бы они так смотрели на него? – ненавидел всем нутром унижение от того, что ему было позволено видеть свою мать те же две секунды, что и всем остальным людям в стране. Ненавидел, что ему хотелось смотреть на нее и он не мог безразлично отвести взгляд. Ненавидел сожаление о том, что не увидел ее сейчас, ненавидел, что они все видели ее, а он нет, ненавидел, что они его жалели, ненавидел, что так сильно ненавидит все это.

Когда Йелю было семь, отец взял его в кино на «Завтрак у Тиффани» – и Йель, зная, что его мама актриса и что актрисы меняют внешность для ролей, убедил себя, что это его мама играет Холли Голайтли. Он хотел, чтобы это она пела «Moon River», ведь эта песня была так похожа на те, что она могла петь ему, когда была рядом. Довольно скоро он вырос из этой фантазии, но еще много лет, когда его мучила бессонница, он представлял, как Одри Хэпберн поет ему.

– Приятно знать, что она жива, – сказал он.

Он вытащил свой блокнот с нижней полки кофейного столика. Тем утром он набрасывал заявку на Годовой бюджет. Он взял ручку и стал обводить кругами слова, хотя в этом не было никакого смысла.

– Ты окей? – спросила Фиона.

Он кивнул, и, когда реклама кончилась и вернулся футбол, Чарли накрутил прядь Йеля себе на палец. Эшер взял «Телегид» и стал листать его, словно они собирались переключить канал.

А затем позвонили в дверь, слава богу.

Тедди пришел один.

– У Джулиана *срочная репетиция*, что бы это ни значило, – сказал он. – Он приносит извинения. О боже, какой *изумительный запах*.

Тедди всегда говорил так возбужденно, словно только что нюхнул кокаина на пару с героином, но это просто была его манера.

– Так он совсем не придет? – спросил Чарли. – Что именно он сказал?

– Надеюсь, – сказал Эшер, – эта «срочная репетиция» того стоит.

---

⁵¹ Популярное средство от простуды и боли.

⁵² *Simon & Simon* – американский телесериал о двух братьях-детективах.

Тедди держался нормально, он бросил пальто на спинку дивана, обнял всех. Ну разумеется. Он не знал о том, что на поминках случилось нечто необычное. Это все равно как заниматься с кем-то сексом во сне и встретить его на следующий день. Тебе кажется, словно он *должен* знать; ведь он там был, в твоём сне, и разве можно после такого держаться как ни в чем не бывало? Очень даже можно, так всегда и случается

У Тедди были волнистые золотистые волосы, коротко подстриженные. Его кожа всегда сохраняла медовый загар, даже среди зимы, из-за чего он выглядел как бронзовая статуя или Гермес на рисунке из детской книги античных мифов. Его верхнюю губу пересекал посередине шрам от оперированной в младенчестве волчьей пасти, едва заметная линия, которая могла бы портить его лицо, но в действительности делала его неотразимым для всех любителей изящных юношей. К которым Йель не относился. У Тедди была подростковая фигура, не выше пяти футов, четырех дюймов⁵³.

Чарли подавал на стол трайфл⁵⁴ собственного приготовления, избегая смотреть на Тедди и Йеля. Он казался рассеянным: неправильно посчитал миски, а потом оставил на кухне большую ложку. Йель хотел успокоить его, помассировать шею, но ему не хотелось привлечь внимание гостей к состоянию Чарли. Не хотелось ему, чтобы на этой теме заикнулся и сам Чарли, который уже поклялся, что понимает теперь на сто процентов, что на поминках ничего такого не произошло.

Трайфл был одним из немногих коронных блюд Чарли, и он гордился тем, что хорошенько пропитал его хересом. Йель по опыту уже знал, что каждую порцию можно смело приравнивать к выпивке.

– Ух, – сказал Тедди Фионе, когда они приступили к десерту, – ты достаточно взрослая для такой штуки?

Она приняла обиженный вид.

– Мне полный двадцать один год⁵⁵, – сказала она. – С третьего сентября.

– Ты меня не приглашала на вечеринку!

– Она была только для воспитанных.

Йель полагал, что она вообще не отмечала, в суматохе этого жуткого лета. На ее двадцатый день рождения они устроили вечеринку с танцами у Нико, в свете стробоскопа. А этот день рождения она провела, вероятно, в больничной комнате ожидания.

– У меня только десять минут, – сказал Тедди. – Меня ждет целый ужин с моим научным руководителем.

– А это твой *аперитив*? – сказал Эшер.

Вместо ответа Тедди всунул перевернутую ложку в рот и вынул драматическим жестом.

– Это мой нейтрализатор вкуса! – сказал он. – Я уже поел у мамы. Так что все думают об этой затее «Говарда Брауна»⁵⁶? – и добавил после того, как повисло напряженное молчание. – Они проводят тестирование.

– Уверен, все здесь в курсе про это, – сказал Терренс.

– То есть, знаете, я по-прежнему против тестирования, но, может, эти действительно могут быть анонимными. То есть, если я хочу *реальной* анонимности, я пройду тестирование в Кливленде или типа того.

– Тедди, – сказала Фиона, – сегодня День благодарения. Не стоит...

– Конечно, – сказал Эшер, – они дадут всем анонимное чувство ложной безопасности.

Терренс смотрел на свой десерт, разглаживая взбитые сливки.

---

⁵³ 162 см.

⁵⁴ Английский десерт из джема, заварного крема, взбитых сливок, миндаля и фруктов, пропитанных вином.

⁵⁵ В США алкоголь можно употреблять только с 21 года.

⁵⁶ *Howard Brown Health Center* – организация в Чикаго, оказывающая медицинскую помощь ЛГБТ-сообществу.

– Эшер хочет, – сказал Чарли, – чтобы все на ходу умирали от язвы. Спиваясь от стресса, – Йель пнул его под столом, но Чарли продолжал говорить. – Значит ли это, что теперь ты пройдешь тестирование?

– Черт, нет. Я даже не думаю, что эти тесты работают. Откуда нам знать, что это все не часть правительственного заговора, которое для начала замутило этот вирус? Я только говорю, что...

– Хватит! – Фиона стукнула бокалом об стол.

Тедди открыл рот, но передумал.

– Так-то, – сказал Терренс. – Эй, как называется черный парень, изучающий камни?

Все молчали, кроме Фионы – она захихикала.

Затем сказала:

– Я не знаю. Как?

– Геолог, расисты хреновы.

И после этого, когда все отсмеялись, разговор, слава богу, разделился на три непринужденных направления.

Йель встал, чтобы поставить новую пластинку.

Тедди извинился, взял свою куртку и отбыл.

– Не пора пить кофе? – спросил Йель.

Он обращался к Эшеру, поскольку тот буквально просил конверт. Эшер кивнул и встал, и взял конверт с холодильника, но никто не сделал шага в сторону кофейника.

– Давайте добавим торжественности, – сказал Эшер. – Устроим маленькую церемонию.

Он достал бумаги, попросил у Чарли ручку.

Терренс сказал Фионе:

– Мне преклонить колено?

Йель взглянул на Чарли, пытаясь понять, понимает ли он, что происходит. Чарли произнес одними губами:

– Доверенность.

Это было разумно. Родители Нико ужасно схалтурили с медицинским уходом за ним – поместили в больницу, которая даже не хотела его принимать – а после заявили свои права на проведение похорон. Как понимал Йель, Терренс не хотел, чтобы медицинские решения за него принимала его семья. Терренс много лет не виделся с матерью, и не бывал в родительском доме в Морган-парке, на Южной стороне, с окончания школы. Но, так или иначе, он слишком много взваливал на Фиону. Она ведь была совсем ребенком.

– Мы заполнили пункты об ограничениях, но просмотри. И тебе нужно расписаться под одним из трех вариантов, – сказал Эшер, указывая на бумагу.

Он снял колпачок с шариковой ручки и передал Терренсу.

– Мне нужно первое, да? «Отказываюсь от продления жизни»?

Эшер прочистил горло.

– Это то, о чем мы говорили. Но просмотри все пункты.

Терренс долго читал страницу.

– О! – сказала Фиона и словно задумалась о том, что бы сказать, чтобы заполнить молчание. – Поведаю вам чудесную историю!

Она рассказала, как одна трехлетняя девочка в семье, где она подрабатывала няней, слышала по ночам лвов и волков из зоопарка Линкольн-парка через окно спальни и полагала, до недавнего времени, что эти создания бродят по городу ночью. Фиона, с разрешения матери, взяла девочку на прогулку поздним вечером, чтобы показать ей животных в клетках.

– Я когда-то слонялся по зоопарку, – сказал Чарли.

Терренсу это показалось смешным. Он отложил в сторону ручку.

– Это правда! Помните Мартина? Там я с ним и познакомился. Ну, *около* зоопарка.

Когда Йель только познакомился с Чарли, тот встречался с огромным бородатым мужчиной по имени Мартин, барабанщиком в одной ужасной группе Новой волны. Как Чарли мог сменить подобного типа на Йеля – скромных пропорций и благоразумного – оставалось для Йеля загадкой. За то лето, когда он проводил время с ними двумя, стало ясно, что это Мартин держался за Чарли. Он клал руку ему на плечо, когда показывался Йель, и не убирал ее как можно дольше. К тому времени, как Чарли впервые позвал Йеля выпить, в раздевалке бассейна Халл-хауса, Йель понял, что Чарли свободен. По крайней мере в душевном плане, если не формально.

Это было забавно: Йель плавал в Халл-хаусе именно потому, что там не было тусовки; из друзей ему там встречался только Эшер, выбравший это место, вероятно, по той же причине. Оно было промозглым и ничуть не сексуальным. Спустя какое-то время там стал показываться и Чарли.

В тот день Йель и Чарли были мокрыми после плавания, и Йель был рад, что румянец, проступивший у него на теле, можно было приписать спортивной нагрузке. Позже он узнал, что Чарли ненавидит плавать, так что он глотал хлорную воду только ради того, чтобы пересечься с Йелем на краю бассейна. Они уже были друзьями, но теперь уединенность раздевалки – пусть даже в самом невинном значении – придавала их встречам что-то новое. (Позже, когда их спрашивали, как они сошлись, им было неловко признавать, что это случилось в типичных декорациях порнофильма). После выпивки они направились домой к Чарли, и вскоре Мартин стал далеким воспоминанием, лишь иногда сердито мелькавшим в барах за спиной Йеля. Но именно из-за габаритов Мартина Йель чувствовал себя рядом с Чарли меньше, чем мог бы. Чарли возвышался над ним на пять дюймов⁵⁷ – пять дюймов, и пять лет, и пять пунктов IQ, шутил Йель – но мог бы с таким же успехом возвышаться на два фута.

Эшер спросил Терренса, есть ли у него вопросы, и Терренс наконец покачал головой и поставил свои инициалы на бумагах. На последней странице он расписался полной подписью с особым щегольством, отставив локоть.

Эшер сказал Фионе:

– Нам нужно знать, действительно ли ты уверена.

– Я уверена!

– Если что пойдет не так, – сказал он, – если кто оспорит это, я с ними разберусь. Окей? Но, послушай, ты должна сознавать, чего можно ожидать, если объявится его семья.

– Вот когда (и если) объявится, тогда мы и разберемся, – сказала она.

– Верно, – Эшер старался быть тактичным и говорил медленно. – Но надо понимать, что в этом «мы» Терренса может и не быть, если он к тому времени окажется без сознания.

Йель долил вина в бокал Терренса. Он бы хотел, чтобы Эшер замолчал. Чего больше всего боялся Терренс, как знал Йель, это такого течения болезни, которое могло бы сделать его овощем или, хуже того для Терренса, заставить его шататься по городу, точно зомби. Все знали, как друг Джулиана, Дастин Джианопулос, незадолго до смерти вошел среди бела дня в книжный магазин в одних шортах, из-под которых по ногам стекал понос, и в таком виде он стоял перед кассой, покупая пачку журналов, безумный и потерянный. И, поскольку это было осенью 82-го и никто еще не знал об эпидемии, все решили, что он был под наркотой. Йель и Чарли вместе с остальными смеялись над этой историей, пока не услышали через две недели, что Дастин умер от пневмонии.

– Я абсолютный ветеран, Эшер, – сказала Фиона.

Она подписала оба экземпляра документа, а затем взмахнула бумагами перед лицом, словно собираясь поцеловать их, оставив отпечаток губ.

---

⁵⁷ 10 см.

– Не надо, – сказал Эшер.

– Шучу! Уф...

Она рассмеялась, засунув ручку за ухо.

Эшер спросил Йеля и Чарли, поставят ли они подписи как свидетели; да, конечно.

– А вы двое об этом не думали? – спросил он их после.

Он уже давно донимал их с этой темой, но они не сделали этого сразу, а после того, как прошли тест, вроде как и срочность пропала.

– Да, надо бы, – сказал Йель. – В другой раз, окей?

Терренс затих. Фиона открыла очередную бутылку вина, и Йель уже сбился со счета, сколько они все выпили, но был уверен, что она пила больше всех. У нее из пальцев выскользнула ложка, звякнув о пустую чашку. Фиона рассмеялась, и все остальные тоже, кроме Йеля.

Он спросил, как она доберется домой, а она навела на него палец и сказала, прищурившись:

– Полечу, как фея.

До самого декабря Чарли оказался с головой завален работой и пил столько кофе, что Йель опасался за его здоровье. Он угодил в плановую комиссию по предрождественскому сбору средств в поддержку новой горячей линии «Говарда Брауна» для жертв СПИДа и отвечал за всю информационную поддержку. Они организовывали негласный аукцион и лотерею в верхнем зале ресторана «Энн Сатер» на Белмонт-стрит, что было прогрессом после лекций-квартирников кто-сколько-может. Йель очень этого ждал. Ему нравилось Рождество, которое он начал отмечать только после знакомства с Чарли, и ему хотелось снова со всеми увидеться.

Однажды вечером Йель с Чарли сидели в глубине вьетнамского ресторана на окраине города, кутаясь в свитера, и Йель спросил:

– Почему ты не подключишь Ричарда, чтобы он сделал фоторепортаж с вечеринки? Для газеты. Типа профессионально и со вкусом, а не просто фотки. Чья-нибудь рука на бокале, такого рода вещи.

Чарли засунул свои палочки в рисовую лапшу и взглянул на Йеля.

– Боже правый, – сказал он. – Да.

Йелю полегчало, словно он сравнял счет, что-то восполнил. Чарли закусил губу, что означало на их языке: «Подожди, пока придем домой».

Но, когда они пришли домой, Чарли устал и рухнул спать. Перед Днем благодарения у него подскочила температура, поначалу очень сильно, а потом еще долго держалась просто высокой. Год назад они бы оба запаниковали, увидев в этом предвестник беды. Что температура может быть просто температурой, кашель – просто кашлем, а сыпь – просто сыпью, это был дар, полученный ими благодаря тестированию. В этом Эшер ошибался; в некоторых случаях знание – это блаженство. Йель принес травяной чай Чарли в постель и сказал, что тот должен на день остаться дома.

– Боже, нет, – сказал Чарли. – Если они смогут сделать весь номер без меня, у них появятся идеи.

На следующий день, ближе к вечеру, позвонила Сесилия Пирс и вызвала Йеля выпить кофе в кафе «У Кларка», где была масса неоновых светов, отчего у Йеля всегда болела голова. В голосе Сесилии слышалось такое возбуждение, что Йель по пути к кафе стал параноить: что, если тогда, почти месяц назад, Сесилия после выпитого забыла, что случилось тем вечером, и сегодня у нее вдруг всплыли воспоминания, как она предлагала Йелю кокаин и клала руку ему на колено. Возможно, эту часть она вспомнила, а вот то, как Йель признался ей в своей ориентации и оставил спать одну в номере – нет.

Он пришел на пять минут раньше, но Сесилия уже ждала его, заказав ему стакан на вынос.

– Мне не сидится, – сказала она.

Йелю хотелось побыть в тепле, но Сесилия уже застегивала пальто, направляясь к двери. Он вышел за ней на тротуар и сумел направить ее в сторону кампуса, чтобы она не двинулась к холодному озеру. Сесилия не возражала. Перчатки у нее были в тон шляпе и шарфу – мягко-кремовыми, что придавало ей хрупкий вид.

– У нас тут проблема, – сказала она. – Ты ничего еще не слышал от нашей знакомой, Норы?

– Ни слова.

– Окей. Как и я. Я, честно, надеюсь, эта затея просто развеется, – она остановилась и взглянула пустым взглядом на витрину с безголовыми манекенами. – Есть один спонсор, вообще-то, попечитель, по имени Чак Донован. Выпуск 52-го. Он ежегодно отчисляет фонду десять тысяч, а еще у него оформлен завещательный дар на два миллиона. Не самый наш большой спонсор, но он нам нужен. Мы не можем разбрасываться такими людьми.

– Конечно, – сказал Йель.

Он чувствовал, что ему выносят предупреждение, но не мог представить, за что.

– Мне нужно ввести тебя в курс дела, – сказала она. – Этот человек – и я не сочиняю – однажды пожертвовал «Стейнвей» музыкальному факультету, а затем, поругавшись с тамошним деканом, пришел в здание и открыл табличку со своим именем. Маленькой такой отверточкой.

Йель стал смеяться – против воли – и Сесилия тоже. Хотя это явно не было смешно на момент происшествия, и когда ей пришлось выслушивать этого типа по телефону.

Она пошла дальше, и Йель стал догонять ее, лавируя между студентами.

– Ну вот, – сказала она. – Мне вчера позвонил Чак Донован, и он разговаривал с Фрэнком Лернером. Фрэнк – сын Норы. Он владелец дома.

– Отец Дэбры, – сказал Йель.

– Верно. Они оба в медицинском снабжении, и я так думаю, они приятели, например, в гольф играют вместе.

– Значит, – сказал он, – Фрэнк злится на нас и сказал ему об этом?

Его кофе был слишком горячим и обжигал язык. Вкуса ужина он не почувствует.

– Ха. Да. И не только. Произнес небольшую речь. Он сказал: «Вы можете получить картины этой женщины или мой завещательный дар, одно из двух», – очевидно, он *пообещал* Фрэнку – он сказал что-то о «слове джентльмена» – что он положит этому конец. Может, и обсуждать-то нечего, если она больше не свяжется с нами. И даже если картины настоящие, они никак не могут стоить два миллиона, верно?

Это был риторический вопрос, но Йель вдохнул побольше холодного воздуха и сказал:

– Ну, это зависит от картин. Но если это Модильяни и Сутин, и настоящие, законченные картины, и все в хорошем состоянии, тогда существует большая вероятность, что они будут стоить больше двух миллионов.

Сесилия шла на шаг впереди, и он не видел ее лица, но услышал, как она недовольно фыркнула.

– Это не то, что я хотела от тебя услышать.

– Я не собираюсь лгать тебе.

– Вот какое дело, Йель. До этого мы просто надеялись, что нам повезет, может, пришлось бы задействовать еще одного спонсора для установления подлинности, но теперь мы *выкладываем за эти картины* два миллиона долларов. Мы, по сути, покупаем их за два миллиона. Когда мы даже ни в чем не уверены.

– Верно, – сказал он. – Верно. Он серьезно настроен, этот Чак? Не думаешь, что он блефует? Я просто не улавливаю. У него нет личной выгоды в этом деле, так? Он просто хочет показать свою важность?

– Он всю жизнь только этим и занимается, – сказала она. Это самый трудный спонсор из всех, с кем я работала.

– А возможно ли, – сказал Йель осторожно, – что причина его участия в делах сына Норы в том, что он знает, что картины настоящие? Если бы это были фальшивки или какая-то мазня, он бы не стал вступать в игру, только чтобы помочь своему другу по гольфу.

– Чак Донован не эксперт по картинам, – сказала Сесилия. – Как и сын Норы, полагаю. И послушай, если бы речь шла о подтвержденном Рембрандте – это было бы другое дело. А я должна отвечать перед людьми. Ну, ты меня понимаешь.

– Да.

Солнце совсем зашло, и Йель жалел, что вышел без шапки.

– Если картины *настоящие*, – сказала она, – с какой стати – только без обид – она хочет отдать их *нам*?

– Хороший вопрос, – Йель действительно не понимал, почему Нора не хотела помочь семье или обратиться в Художественный институт. – Но давай представим, что мы посмотрим на картины и поймем, что это стоящая вещь. Возможно, намного дороже двух миллионов – и помни, что искусство имеет свойство возрастать в цене – тогда это будет стоящее дело, так?

Сесилия была не рада таким рассуждениям. Она ускорила шаг, глядя себе под ноги.

– А нельзя нам просто подождать, – сказала она, – пока не проведут проверку подлинности?

– Это может занять *годы*. Мы будем ждать, Нора умрет, ее сын сделает бог знает что, и мы останемся ни с чем.

– Я не твоя начальница, Йель. И технически не могу тебе указывать. Но Чак Донован осложняет жизнь многим людям, и тебе тоже может.

Между ними прошмыгнула женщина с золотистым ретривером, и собака обнюхала ногу Йеля, успев прихватить ртом край его брюк хаки, оставив влажный след. Женщина извинилась, и Йель взглянул на свои часы. Они с Чарли собирались в театр, но теперь придется поменять планы – было уже 5:05.

– Я тебя услышал, – сказал он. – И наверно, тебе еще стоит поговорить об этом с Биллом.

– О, с *Биллом*, – сказала она. – Билл только и знает, что задавать вопросы. Я всегда себя чувствую так, как будто я просто проблема, с которой ему приходится *разбираться*. Я обратилась к тебе потому, что это касается денег. И прошу тебя не подставлять меня. Окей? Мне нужно обеспечивать сына, и моя работа всегда под угрозой. В этом году особенно, по причинам, в которые я не буду вдаваться.

Что-то изменилось в ее голосе, и – было ли это осознанным продуманным манипулированием или нет – но Йель почувствовал, что она раскрывается перед ним. Что она в отчаянном положении.

– Порядок, – сказал он. – Не волнуйся. Я все понял. В конце концов, у меня есть начальник, и это Билл. Я поставлю его в известность. Если нам повезет, эти картины окажутся фальшивкой. И делу конец. Если же нет, вернемся к разговору позже.

– Я оставлю тебя здесь, мне надо купить продукты, – сказала она.

И вместо того, чтобы пожать ему руку, она стиснула его бицепс.

По пути обратно в галерею он шел навстречу ветру, который к тому же усилился. Йель наклонил голову и стал похож на разъяренного быка. Он не был уверен, что именно пообещал, да и было ли это обещанием. По большому счету, не более чем возможность дальнейшего диалога. Как это нелепо, когда тебя песочат и предостерегают насчет шкуры неубитого медведя. Он искренне сочувствовал Сесилии, но во рту у него было кисло, а кожу хлестал ветер.

У Йель и Чарли давно лежали билеты в «Виктори-гарденс», они хотели увидеть Джулиана в «Гамлете».

– Ну, – сказал Джулиан, приглашая их, – не могу сказать, что «Виктори-гарденс» очень интересное место, но главное будет на сцене. Как-нибудь вечером.

Постановкой занималась труппа «Дикий гвалт», они играли свои спектакли в разных театрах, в те вечера, когда там ничего не шло.

Это была последняя сценография Нико. Едва завершив наброски, он заболел, и компания воплотила его видение со всей возможной бережностью. В мир театра Нико ввел Джулиан, и он же познакомил его с труппой. Просто Нико был таким парнем, что всем хотелось что-то сделать для него. Он всегда так простодушно улыбался и выглядел таким польщенным любой услугой, которую ему оказывали.

Йель примчался домой из Эванстона и сменил свои заляпанные слаксы, но оказалось, что Чарли неожиданно расхотел идти в театр. Он лежал на кровати, уставившись в потолок.

– Видел отзыв в «Ридере»? – сказал он. – Они написали, спектакль «обескураживает».

– Это «Гамлет», – сказал Йель. – Он и должен обескураживать.

– Ты знаешь, сколько идет эта пьеса? Мы состаримся раньше, чем она кончится.

Йель сбросил шлепанцы и опять всунул ноги в туфли Нико. Они чуть растянулись, кожа как следует обхватывала его пальцы.

– О, – сказал Чарли, – кажется, звонил твой папа.

Отец всегда звонил Йелю в первых числах месяца – достаточно регулярно, чтобы Йель увидел в этом нечто механическое, пункт в его списке дел, вроде проверки батареек в датчиках дыма. Йель не видел в этом ничего обидного – просто его отец всегда мыслил так по-бухгалтерски. Но если трубку брал Чарли, Леон Тишман не просил ничего передать сыну, а только бормотал, что видимо ошибся номером. Пять лет назад, когда Йель только влюбился в Чарли и был готов трубить об этом на всю округу, он пытался сказать отцу, что нашел себе пару. Но отец в ответ произнес что-то вроде «*бон-бон-бон-бон-бон*», словно на линии возникли помехи, и повесил трубку.

– Да, как раз подошло время для его звонка, – сказал Йель.

– Ага, но он ничего не сказал. Как-то необычно. Только подышал мне в ухо.

– Возможно, это был твой тайный воздыхатель, – сказал Йель. – Он глубоко дышал?

Но Чарли не поддержал шутку.

– Может, это был кто-нибудь еще? – спросил он. – Потому что все же странно.

Йелю не понравилась направленность мыслей Чарли. Он мог бы высказать недовольство или развеять его опасения, но он сказал:

– Нико обещал доставать нас с того света.

Чарли перевернулся, уткнувшись лицом в подушку.

– Мне правда никуда не хочется сегодня, – промямлил он.

– Ладно тебе, вставай. Давай просто высидим первую половину, чтобы ты мог сказать, что видел декорации.

– Я действительно хочу их увидеть. Я просто не хочу смотреть эту пьесу.

– Что не так? *Джулиан*? Я чего-то не улавливаю. Мы не можем вот так растерять друзей только потому, что у тебя очередная паранойная фаза.

– Не начинай, – сказал Чарли.

Йель хотел было ответить, что начал как раз не он, но Чарли сел на кровати и выдвинул ящик комода, чтобы достать носки.

Все роли, в том числе Офелии и Гертруды, играли исключительно мужчины – и не только Розенкранц в исполнении Джулиана явно составлял пару с Гильденстерном, но и Гамлет с Гора-

цио. Йелю это показалось смешным, и слова «Что за мастерское творение – человек»⁵⁸ внезапно обрели новое значение, но Чарли тербил программку и не смеялся.

Декорации Нико были блеклыми и постапокалиптичными. Гамлет, очевидно, жил не в замке, а на бульваре – кругом пожарные лестницы и мусорные баки. В этом была своя странная красота, несколько в духе «Вестсайдской истории»⁵⁹. Йель подумал, что, если бы Нико видел это, он бы захотел добавить яркости, граффити, света.

Джулиан на сцене был, как и всегда, в своей стихии. Его темные волосы сияли, словно влажная краска.

В старших классах Йелю хотелось иметь актерскую жилку. Его не прельщала судьба маргинала, но он отчаянно хотел, чтобы ему было о чем поговорить с ребятами из этого мира, без тени стеснения певшими и танцевавшими сцены из «Парней и кукол»⁶⁰ и «Камелота»⁶¹. Но одна мысль о том, чтобы выйти на сцену, ужасала его сильнее стигматов. Он не смог бы и рта раскрыть.

Он упомянул об этом между делом своему психоаналитику в Мичиганском университете, и тот периодически высказывал предположение, что Йель не столько *гомосексуал*, сколько одинокий человек.

«Возможно ли, что эта страсть возникла у вас из-за матери? – спросил он. – Из-за страстного желания соединиться с нею через театр».

И Йель отмахнулся, сказал, что дело совсем не в этом. Но с тех пор его преследовала мысль, что все может быть даже проще – возможно, у него латентный театральный ген, который внешне никак не проявился, но периодически он чувствует его внутри себя.

На середине первого действия Йель заметил Эшера Гласса двумя рядами ближе к сцене. Софиты просвечивали его уши, делая их прозрачными, так что Йель видел узор вен.

Во время антракта они нашли Эшера в фойе, у прилавка с футболками и книгами, которые продавала труппа.

– Неплохо, да? – сказал Йель.

– Господи, не знаю. Не знаю, зачем я здесь. Не могу сосредоточиться, а ты?

– Я думаю, это нормально – отпустить свой ум в свободное плавание.

Эшер оглянулся с отсутствующим видом.

– Нет, я про *Тедди*. Я думаю о Тедди.

Чарли спросил тонким голосом:

– Он... что – болен?

Эшер выдал странный, отрывистый смешок.

– Кто-то сломал ему нос. Вчера вечером.

– Что?

– Впечатали его лицом в асфальт. Он был в кампусе в Лойоле. Он преподает на последнем курсе, верно? И он шел после урока, и кто-то взял и... – он схватил себя за волосы и дернул вперед. – На тротуаре. Его даже не ограбили.

– Так он...

– Он в порядке. Перевязка, два шва, и синяк под глазом. Он дома, если вы... но он окей. Дело больше в самом факте. Они понятия не имеют, кто это сделал. Один человек, пять. Студенты, панки, какой-нибудь говнюк, просто шлявшийся по кампусу.

– Ты виделся с ним после этого? – спросил Чарли.

---

⁵⁸ В оригинальной фразе «What a piece of work is a man» слово man означает не только «человек», но и «мужчина».

⁵⁹ *West Side Story* – мюзикл 1961 года, реж. Роберт Уайз и Джером Роббинс, адаптация «Ромео и Джульетты» У. Шекспира.

⁶⁰ *Guys and Dolls* – музыкальный фильм 1955 года, реж. Джозеф Манкевич.

⁶¹ *Camelot* – мюзикл 1967 года, реж. Джошуа Логан, по мотивам легенд о короле Артуре.

– Ну да. Да, я ходил помочь ему разобраться с копами. Вы знаете их настрой. Даже если кого-то поймают, говорят, это из-за гомофобии, говорят, ты положил им руку на штаны, да что угодно. Ты осветишь это в своей газете, так?

– В целом? – сказал Чарли. – Насилие?

– Нет, *это*. Ты напишешь о Тедди?

Чарли закусил губу.

– Смотря что скажет Тедди. И мой издатель.

– Ты это осветишь. Я завтра прослежу.

На этом антракт кончился.

Йель пытался смотреть спектакль, но видел, как лицо Тедди снова и снова впечатывается в асфальт, и, поскольку было множество способов проделать это, он не мог отделаться от прокручивания их всех: студенты, шедшие за ним из класса; подростки на мотоциклах, решившие сорвать злость. Тедди был таким маленьким. Йель закрыл глаза, физически выжимая из себя этот образ.

Он несколько раз взглянул на Чарли, пытаясь считать эмоции на его лице. Чарли барабанил пальцами по подлокотнику, но он так делал и в первом акте.

После спектакля Йель хотел поздравить Джулиана вместе с толпой поклонников – среди них были Эшер и несколько ребят из закусочной, где Джулиан работал, в том числе упитанный бухгалтер, его бывший – но Чарли нужно было работать.

– Можешь тут зависнуть, если хочешь, – сказал он.

Но Йель же не идиот.

Пятница была днем накануне хануки⁶², поэтому, когда Йель пришел на работу и Билл Линдси ухмыльнулся ему и сказал, что его ждет сюрприз на столе, Йель с ужасом представил, что там стоит менора⁶³. Билл проявлял нездоровый интерес к иудаизму, либо прикрывал таким образом свой нелепый флирт. Но вместо меноры Йель увидел на столе пухлый конверт с обратным адресом: Стерджен-Бэй, Висконсин. Он ощутил взрыв адреналина в бедрах, будто он в опасности и надо бежать наутек.

Билл за ним не проследовал, хотя мог бы с легкостью. Как мог бы и вскрыть конверт. Йель должен был признать: начальник уважал чужое право на моменты личного триумфа.

Йель еще не говорил Биллу о своем разговоре с Сесилией. Он надеялся замять эту проблему. Билл знал основные итоги их поездки на север, и знал, что Йель заинтригован этими картинами. Йель тщательно выбрал именно это слово – *заинтригован*, а не *взволнован*. Отчасти потому, что в его обязанности не входило устанавливать подлинность произведений искусства или оценивать их стоимость.

Он надорвал конверт и высыпал на стол пачку полароидов – не меньше десятка. Мешанина цветов, линий и бликов. Помимо фотографий, там было и письмо, но оно подождет. Он сел и закрыл глаза, взял наугад одно фото и поднес к окну. Это был Фудзита, точнее, *мог быть* Фудзита, напомнил он себе – во всяком случае, он моментально узнавался как таковой. Тем более что картина не была знакома Йелю – не копия некой известной работы. Молодая женщина в профиль, простой рисунок чернилами, отдельные детали – волосы, зеленое платье – покрашены акварелью. Произведение очаровательно незавершенное, но при этом замысел творца полностью раскрыт. В углу виднелась подпись японскими и латинскими буквами.

– Окей, – сказал он. – Окей.

---

⁶² Еврейский праздник в честь отвоевания у греко-сирийцев Иерусалимского храма в 164 г. до н. э. Символизирует победу света над тьмой. Отмечается в конце декабря.

⁶³ Еврейский семисвечник, символ хануки.

Это был один из редких случаев, когда он говорил с собой. Он покажет фотографии Биллу после обеда, но пока они были только его. Он распластал ладони на столе. Он не хотел возмещения на два миллиона долларов, не хотел никаких юридических баталий с семьей Норы, не хотел звонить Сесилии, не хотел рисковать из-за этого работой, не хотел даже сходить с ума от радости. И все же, если работы окажутся подлинными, это станет находкой всей его карьеры. В этот момент его работа выглядела воплощением того, как она представляется в самых смелых *мечтах*. Кем был Индиана Джонс в сравнении со средним профессором археологии, тем в этот миг был Йель среди обычных директоров по развитию скромной галереи.

Дальше пришел черед поразиться эскизам Модильяни. Пожалуй, слово «эскизы» здесь не годилось. Это были просто наброски, возможно, этюды для некой картины, возможно, как говорила Нора, рисунки, сделанные специально для оплаты работы модели. Все, по-видимому, были нарисованы синим мелком. Три из четырех имели подпись. Все ню. Если это были подлинники, если их подлинность будет доказана, они будут стоить намного больше эскизов, которые представлял себе Йель.

Он изучил еще три штриховых рисунка Фудзиты – женщину в халате, женщину с розой перед голой грудью, горку фруктов – плюс картину пустой спальни и небрежный карандашный этюд мужчины в куртке, по стилю не похожий ни на одного из тех художников, которых называла Нора. А затем Йель запустил руку в стопку и вынул восхитительно непристойного Сутина – боже, это была готовая картина, клубящаяся, вихрящаяся и дикая – так что он встал как ошпаренный и тут же сел из-за дрожи в коленях. На этой картине была, несомненно, та же женщина, что и у Фудзиты: блондинка, маленькие уши, маленькие груди, шаловливая улыбка. Предположительно, это была Нора. Хотя, стоило чуть скосить взгляд, и можно было узнать там Фиону. Он что, чокнулся? Но они действительно напоминали Фиону. А вот картины Модильяни были слишком абстрактны для Норы, сплошь жилы и заостренные овалы.

Среди этих полароидов был один, изображавший не картину, а коробку из-под обуви, полную бумаг, и, когда Йель изучил и упорядочил все остальные фотографии, он взглянул на письмо, напечатанное на бланке юридической фирмы, надеясь найти там объяснение.

Уважаемый мистер Тишман,

Поздравляю вас со всеми приближающимися праздниками! Будьте добры обратить внимание на прилагаемые к настоящему письму девятнадцать (19) полароидных фотографий, документирующих собрание Норы Маркус Лернер. Миссис Лернер хотела бы вам напомнить, что это работы следующих художников: Хаим Сутин, Амедео Модильяни, Жанна Эбютерн, Цугухару Фудзита, Жюль Паскин, Жан Метценже, Сергей Муханкин и Ранко Новак, созданные между 1910 и 1925 годами. Кроме того, на одной (1) фотографии показано собрание корреспонденции, личных фотографий и прочих памятных сувениров, полученных миссис Лернер во время ее пребывания в Париже.

Мы с миссис Лернер весьма рады вниманию галереи Бригга к настоящему собранию и с нетерпением ждем дальнейшего сотрудничества.

С теплыми пожеланиями,

Стэнли Тойнби, эск.

Йель прошел к кабинету Билла на нетвердых ногах, но того не оказалось на месте. Йель оставил записку в ящике на его двери: «У меня две новости: хорошая и плохая». Вернувшись к себе, он набросал письмо Норе – он отошлет его с разрешения Билла – выражая восторг по поводу фотографий и отмечая, что чем скорее они начнут совместную работу, тем скорее эти картины будут открыты для публики. Он добавил, что лучше всего на данный момент, если

она будет вести переписку в частном порядке; он надеялся, она догадается: это значит, что ее сыну не стоит об этом говорить. Затем он позвонил Фионе и оставил сообщение.

«Ты сделала мой год, – сказал он. – Ты и твоя падкая-на-художников тетя».

Звонить Сесилии он не стал. Как она сама заметила, она ему не начальница. Когда же вернулся Билл и стал ворковать над полароидами, словно над новорожденными котятами, Йель рассказал ему о Чаке Доноване, о его угрозах и двух миллионах долларов, а также о том, как он открутил памятную табличку со «Стейнвея». Билл надул щеки, но взгляда от фотографий не отвел.

– Это намного больше двух миллионов, Йель, – сказал он. – И это я еще *очень* сдержан. То есть взгляни на это. Только *взгляни*. Ты придумаешь, как разрулить с Сесилией, не сомневайся. Ты у меня кудесник.

По пути домой Йель купил цветы и яблочный пирог. В надземке он улыбался незнакомцам и не чувствовал холода.

2015

Фиона спала хорошо, хотя не помнила, во сколько Серж привез ее домой, но проснулась в три часа ночи. Она долго лежала, не шевелясь, не желая разбудить Ричарда. Ведь он был старик, как ни крути. Потом она снова заснула, и ей снилось, что она плавала в бассейне с ее соседом из самолета. У него было что-то для Клэр, и он просил Фиону отдать ей это, когда она найдет дочь. Медленным движением, словно фокусник, он вытащил из своих плавательных шорт оранжевый шарф Нико.

Когда Фиона наконец появилась на кухне, Ричард завтракал за столом, утреннее солнце освещало его компьютер и руки. Он быстро что-то печатал, проговаривая слова про себя.

– Пишу письма, – сказал он. – Ты когда-нибудь думала, что мы будем настолько завалены вот этим всем?

Она отрезала банан и спросила, не встал ли еще Серж. Ричард рассмеялся.

– Лучше спроси, *вернулся ли* он. Да, вернулся. Он повалился в кровать около четырех, – Ричард пояснил, что у Сержа несколько приятелей, но ничего серьезного. – Итальянцы, в основном. Он выбирает красавчиков.

Фиона решила, что не стоит спрашивать, как на это смотрит Ричард. Его, похоже, забавляла вся эта ситуация, молодость Сержа и его энергия. Ричард вальяжно вытянулся, лев в халате, король-солнце на своем троне. Он закрыл компьютер и сказал:

– Взгляни, какая шикарная погода, прямо для тебя. Хотелось бы мне, чтобы ты получила удовольствие от Парижа. В следующий раз так и будет. Не знаю, когда я умер, но это моя Вальхалла.

Он рассказал ей, что прошлым вечером киношники перекрыли Рю-де-Де-Пон для съемок. Она выглянула из окна. Толпы еще не было, как и кинозвезд, но появились грузовики. Сердитые водители давили на клаксоны, когда понимали, что не могут проехать. Ричард сказал, что ей, возможно, придется перейти мост, чтобы найти такси. Но она не хотела такси. Пусть даже ее ноги болели, ей хотелось опять ходить пешком. Ричард сказал, что не отпустит ее без Сержа. Он не хотел, чтобы она потерялась. (Он не хотел, чтобы она отрубилась, мог бы он сказать.)

Серж заставил себя, несмотря на протесты Фионы, надеть куртку и пошел с ней, то плетясь позади словно сомнамбула, то ускоряясь и обгоняя ее и решая, куда им идти. Она призывала видеть его затылок – его темные, небрежные волосы, его длинную и красную шею.

Вчера, когда она ехала с ним на мотоцикле от кафе, то настояла, чтобы он отвез ее на *Пон-де-Ляришевише* – широкий и почти пустой. Там позировали перед фотографом жених с невестой, но Клэр не было. Разумеется, этот мост, как и любой другой, будет *последним* местом, где они найдут ее. В жизни так не бывает.

Теперь они ходили по набережным, и Фиона показывала фотографию Клэр каждому художнику – тем, что рисуют на продажу виды размером с открытки, карикатуристам, даже клоуну в гриме, который сидел и ел сэндвич. Серж периодически отходил в сторону, чтобы написать кому-то сообщение или покурить, хотя ей бы не помешало его знание языка. «*Elle est artiste*»⁶⁴, – бормотала Фиона каждый раз, но ей бы хотелось объяснить более развернуто, что ее дочь не беременный подросток, не беспомощная беглянка. Все в ответ качали головами с озадаченным видом.

Серж привел ее в букинистический магазин «Шекспир и компания», который был ей знаком, но она с удивлением узнала, что на верхнем этаже сдаются комнаты, «для одиноких иностранцев», как объяснил Серж. Это звучало как бордель, но, поднявшись наверх, она увидела

---

⁶⁴ Она – художник (*франц.*).

маленькие койки. Они были для одиноких молодых людей, спящих по четыре часа за ночь, заливая похмелье кофе, после страстных амуров. Это не то место, где можно жить с партнером и ребенком. Будь у Фионы настроение получше, она бы влюбилась в этот магазинчик, с его скрипучими полами и шаткими туннелями из книг, но в текущей ситуации ей хотелось двигаться дальше.

Серж выглядывал из-за плеча Фионы, а она показала фотографию Клэр парню за кассой с длинными подкрученными «бруклинскими» усами и южным выговором. Он позвал девушку.

Фотография была сделана на первом курсе Клэр в колледже Макалистер, на родительских выходных. Клэр стояла, положив одну руку на битком набитый шкаф, чуть улыбаясь, сдерживая раздражение. Фиона выбрала это фото потому, что на нем Клэр больше всего была похожа на себя в том видео, с округлившимся лицом – той осенью она поправилась. Фиона вспомнила с болезненным чувством то облегчение, какое испытывала в тот год всякий раз, как отправляла Клэр обратно на учебу. Не потому, что хотела избавиться от нее, вовсе нет, просто она считала, что так они будут лучше ладить. Клэр могла жить своей жизнью, потом бы она возвращалась домой, и они ходили бы по магазинам, ужинали бы в ресторанах, снова сближаясь, и в скором времени они бы, возможно, распили бутылку вина и поговорили, как двое взрослых. Так было бы до последнего курса колледжа, а потом, когда бы Клэр переехала в другой город – Фиона всегда знала, что так будет – она бы навещала ее дважды в год. Но на рождественских каникулах Клэр объявила, что проведет лето в Колорадо. Она приехала домой на выходные в июне, после чего Фиона отвезла ее в аэропорт, и когда хотела выйти из машины, чтобы обнять дочь, Клэр сказала: «Нас сейчас обгудят». И, быстро чмокнув мать в щеку, ушла.

Вот и все. Вот и все, что было.

Девушка покачала головой.

– То есть она немного похожа на Валерию.

– Она чешка? – спросил парень.

Фиона сказала нет, и что с ней маленькая девочка.

– Дайте-ка я спрошу Кейт, – сказал парень. – Она знает всех ребятишек, которые здесь бывают.

И вот уже и Кейт, высокая британка, стоит здесь, уставившись на фотографию.

– Не могу сказать с уверенностью, – сказала Кейт.

– Она теперь старше, – сказала Фиона.

– Она выглядит как эта актриса из «Аферы по-американски»⁶⁵.

К кассе подошел человек, собираясь купить стопку книг в мягких обложках, так что они отошли в сторону, углубившись в магазин. Серж взял фото, держа за края.

– Должно быть, она скучает по тебе.

Фиона не знала, что на это сказать.

– Ты останешься на выставку Ричарда, так ведь? – сказал Серж. – Друзья так много значат для него.

– Я постараюсь.

– Нет, нет, обещай!

Серж улыбнулся такой внезапно ослепительной улыбкой, которая, должно быть, позволяла ему легко вальсировать по жизни, требуя чего угодно.

– Думаю, к тому времени я вам изрядно надоем.

– Тогда мы тебя выгоним и поселим в отель! Обещай.

– Окей, – сказала Фиона, – обещаю.

---

⁶⁵ *American Hustle* – фильм реж. Дэвида О. Расселла, 2013 года.

Она сомневалась, что сдержит обещание, но оно далось ей легко. Еще девять дней вдали от комиссионного магазина это, конечно, очень долго, но за девять дней она либо найдет Клэр, либо будет продолжать искать – и сможет ли она вернуться домой в любом из этих случаев?

Перед тем, как уйти, Фиона захватила с полки книжку на английском об истории Парижа, просто чтобы не уходить с пустыми руками, чувствуя спиной, как ее жалеют. Усатый продавец увлеченно втолковывал посетителю про американские DVD-плееры. Что-то о кадрах в секунду.

– Американцам вообще все равно! – сказал он. – Вот поэтому-то я и переехал в Париж. Он вскинул руки.

Фиона сдержала смех. Неужели это правда? Что кто-то может сменить страну вот так запросто? Все ее знакомые, покинувшие Америку, имели на то веские причины: работа, любовь, политика. Или ради учебы, как Нора. Клэр и Курт бежали от «Совместной осанны», хотя Фиона не исключала возможности, что Клэр могла убегать от *нее*, от какой-то субъективной детской травмы. Но что, если это было ничем иным, как спонтанным капризом? Сперва коммуна, затем Париж, а дальше овцеферма в Болгарии? Что, если Фиона просто не сумела, учитывая, насколько рассеянна она была в первые годы после рождения Клэр, привить ей достаточно крепкую связь с реальностью?

Продавец взглянул на цену. Три евро. Он сказал, что дарит ей книгу.

Когда ранним вечером они вернулись к Ричарду, съемки уже начались.

Трудно было понять, что там происходит; люди столпились, словно на параде. Дальше по улице склонился кран, и огромные прожектора на треногах лили свет.

Фиона оставила Сержа и протиснулась – одно из преимуществ низкого роста: никто не переживает, что ты закрываешь ему вид – и вскоре она была в первом ряду, держа руки на деревянном барьере.

Съемки шли через квартал, на углу, перед малиновым фасадом ресторана, но ближе толпу не подпускали. Фиона разглядела кучу стульев, и лестниц, и людей – и женщину, говорившую с мужчиной перед рестораном. Он обнял ее, и она ушла. Через несколько шагов она остановилась и вернулась, после чего они повторили все это. Каждый раз перед ней бежали двое мужчин, держа белые отражающие щиты. Следом ехала камера на колесиках.

– Я знаю, кто этот *парень*, – прошептала по-английски женщина рядом с Фионой, – как же его, Дермотт Макдермотт. Но о ней впервые слышу.

Мужчина, с которым она была, громко рассмеялся.

– Дермотт Макдермотт. Обожаю.

Мимо спешно прошла охрана.

– У нас будут неприятности, – прошептала женщина.

Вообще-то отовсюду доносилось тихое бормотание, которое, конечно же, заглушат, если оно попадет в фильм.

Фиона рассматривала толпу по другую сторону улицы. Никого, похожего на Клэр. Никого с маленькой девочкой. Никого, похожего на Курта. Но толпа постоянно двигалась.

Перед тем, как бросить колледж, Клэр говорила об изучении массовых коммуникаций. В средней школе она ходила по субботам в «Музыкальную шкатулку» и просиживала там три фильма подряд. Под конец выпускного класса у нее появился парень, который хотел быть сценаристом, и Клэр намеревалась снимать фильмы. Фионе тот парень совсем не понравился – длинные ногти, бегающий взгляд – хотя с годами он бы, конечно, взялся за ум! Насколько лучшим вариантом он мог оказаться по сравнению с Куртом Пирсом.

На момент, когда Курт вошел в магазин Фионы и сказал ей, что собирается заняться помощью голодающим в городе и им не помешает держать связь, она уже несколько лет не общалась ни с ним, ни с Сесилией. После этого он периодически приглашал ее на разные меро-

приятия, хотя соглашалась она нечасто. И она понятия не имела, что все это время он боролся с наркозависимостью и крал деньги у Сесилии, и даже у некоторых благотворительных организаций, с которыми так самозабвенно работал. Она не знала, что Сесилия дала ему последний шанс, а потом еще один, прежде чем полностью отказалась от него. Все это открылось только после того, как она познакомила его с дочерью, после того, как он испоганил ей жизнь.

Когда над улицей пролетал самолет, съемки приостановили. Фиона вспомнила, как Джулиан Эймс однажды сказал ей, что он лучше будет голодать, играя в живом театре до конца своих дней, чем получать миллионы в кино. Он сказал, что киношная работа отупляет. Джулиан оплачивал жилье, работая в той закусочной с синими стенами на Бродвее, в той самой, где Терренс усадил Фиону и сказал, что Нико болен. Джулиан в тот день не работал – она бы запомнила, если бы он был за стойкой, когда она разревелась, хватая одну салфетку за другой – но в ее воображении он стоял у кассы. Его рука навсегда застыла на коробке для чаевых. Его глаза навсегда пересекла темная прядь волос.

Актриса снова сыграла свою сцену, а Фиона снова просканировала толпу.

Она подумала, что нужно вернуться к Сержу, дать ему знать, что с ней все в порядке. И начала выбираться обратно, протискиваясь сквозь толпу, когда почувствовала, как кто-то касается ее затылка. Она развернулась и увидела, что ей улыбается высокий мужчина. Похоже, он рассчитывал, что она должна узнать его, но она не узнавала.

– Я *знал*, что встречу вас, – сказал он театральным шепотом и добавил, видя ее смущение: – Джейк. Из самолета.

– Оу! – она отступила назад. – Приятно видеть вас, Джейк.

Он казался трезвым, но его борода и волосы, как и дубовый запах одежды, наводили на мысль, что он провел прошлую ночь под деревом.

Ее вдруг охватила злость. Если законы вероятности были готовы подбросить ей случайную встречу на парижских улицах, почему это должен быть ее сосед из самолета? Это как молния, бьющая в цель лишь однажды.

– Я просто бродил, – сказал он. – Мое дело ждет до вечера.

– Ваше дело.

Он что-то говорил об этом в самолете?

Она подумала, что эта встреча не такая уж случайная. Фиона говорила ему, где будет жить, а этот остров такой маленький. Она поискала глазами Сержа, но тот исчез. Она махнула Джейку рукой, приглашая следовать за собой, и они выбрались на боковую улицу – достаточно далеко, чтобы разговаривать в полный голос, но не настолько далеко, чтобы люди, в случае чего, не услышали ее крика.

– Так с вами все окей? – спросила она.

– Что? А, ну да. Ага. Нет, они нашли все мое добро в О'Харе⁶⁶. Уже выслали мне.

– Вот так просто?

Он пожал плечами.

– У меня бумажник-бумеранг. Я терял его раз двенадцать. И каждый раз кто-то его возвращает.

– Это... невероятно.

– Не так уж. Это такой четкий моральный тест для людей. Они видят бумажник и типа такие: «*Хороший я человек или плохой?*» Люди хотят верить, что они хорошие. Те же люди, которые вынесут что угодно с работы, да? Но бумажник они возвращают, у них от этого легчает на душе.

Он был прав. Но как он не боялся? Не боялся разбрасывать свои вещи по всей планете и верить, что они к нему вернуться.

⁶⁶ *O'Hare* – крупнейший аэропорт Чикаго, штат Иллинойс.

– Этот фильм – улет! – сказал он.

– Ты пришел сюда ради фильма, Джейк? – она не скрывала сарказма.

– Нет, – сказал он. – Я искал тебя. Не в смысле... не подумай чего плохого. Извини. Я хотел спросить кое-что.

Не будь он таким привлекательным, она бы уже убежала. Она бы схватила за руку первого встречного и сказала: «Это мой муж!» Но она просто стояла, запрокинув голову, чтобы видеть его лицо, и ждала.

– Я был ужасно зол на себя, – сказал он, – когда мы сошли с самолета и я ничего у тебя не спросил про Ричарда Кампо. Типа... не хочу показаться навязчивым, но я бы точно мог что-то с ним сделать. Я бы *так* легко зажег его своей идеей.

Фиона подняла руку, останавливая его.

– Похоже, я что-то пропустила, – сказала она.

– Извини. Не помню, что именно я говорил. Я пишу про культуру, в основном для туристических журналов. Читаете *National Geographic*? У меня там вышел материал прошлым летом, об этом... фестивале танцев мая в Гватемале.

– Окей.

Все вставало на свои места: пилот, уволенный за... пьянство? Или он сам решил, что такая жизнь не для него, что есть и получше способы повидать мир?

– Он дает тонны интервью, – сказала она. – Не знаю, значит ли это, что он согласится с большей легкостью или наоборот.

– Это будет на самом деле не об искусстве, вот в чем дело. Это будет о жизни здесь, ну, знаете, типа взгляд художника-экспата на город. Или *можно* об искусстве. Я не знаю, как он захочет.

Почему она вообще решила помочь ему? Может, здесь сработал тот же принцип, что и с бумажником – ей хотелось чувствовать себя хорошей. Может, дело было в его прекрасных глазах. А может, она просто растерялась. Она достала из сумочки телефон и сказала:

– Могу дать номер его пиарщика.

Под пиарщиком она имела в виду Сержа.

Джейк поправил рюкзак, почесал бороду.

– Это было бы феноменально, – сказал он.

Она держала телефон в руке, называя последние цифры номера Сержа, как вдруг телефон завибрировал.

– Вот же черт! – сказала она. – Я должна ответить!

Не в силах стоять на месте, она пошла быстрым шагом по улице.

У нее в ухе шипели помехи. Арно прочистил горло и сказал:

– Что ж, найти их было легко. Мистер и миссис Курт Пирс, и у меня есть адрес.

Она сунула левую руку в карман джинсов, чтобы унять дрожь.

– Вы уверены, что это они?

Мистер и миссис!

– Ха, да, его было легко найти, потому что его арестовали в прошлом году. Без тюрьмы, не волнуйтесь.

– Боже, за что?

– Мелкая кража, – сказал он прежде, чем она успела во всех красках представить избитую дочь или труп внучки. – Его просто... оштрафовали, вероятно, из-за кражи в магазине.

– Подождите, – сказала она, – постойте. Нет. Его бы депортировали, разве нет?

– А, да, – сказал Арно. – Да. Он гражданин Евросоюза. Его *могли бы* депортировать, но...

– С каких пор?

Арно не знал. Но разве отец Курта не был ирландцем или что-то типа того? Может, у него все это время было двойное гражданство? Может, это поможет объяснить их переезд во Францию?

По другую сторону переулка стоял Серж и махал ей. Он подбежал к ней и встал рядом, прислушиваясь.

– Вы с ним не *разговаривали*, нет?

– Что у меня есть, так это адрес в четвертом. Дешевый район, но не очень опасный. В Ле-Марэ. Вы знаете Ле-Марэ?

Фиона вспомнила, как Ричард говорил, что там живет много геев, а еще ей помнилось, что там живут то ли арабы, то ли еврей-ортодоксы. Но уж точно не все три варианта вместе, так не бывает ведь, да?

– Не очень, – сказала она.

– Я собираюсь установить слежку. Как в кино, окей? Просто буду следить.

– Мне с вами можно?

Он хохотнул.

– Не самая лучшая идея.

– Так когда, сегодня? Вы начнете этим вечером?

– Если не возникнет чего-то нового. Я сделаю фотографии.

– А мне что пока делать?

– Вы же в Париже. Ваш друг с мотоциклом, он может покатать вас, да? Наслаждайтесь красотами, – *наслаждайтесь, господи боже*. – Обещайте, что отдохнете. Вчера вы почти отключились в ваш омлет. Сохраняйте силы до нужного момента, окей? А пока мы ждем. Выпейте вина, отдохните, расслабьтесь.

Мысль об отдыхе показалась очень приятной. Она устала, она так устала.

1985

Прошла ханука, и озеро по берегам заиндевело. Мама Чарли не смогла прилететь на Рождество, поскольку ее новый ухажер пригласил ее в оперу. Она сказала, что прилетит потом, и Йель был этому только рад. Он обожал Терезу, но сейчас Чарли и так хватало стрессов.

Йель наткнулся на Тедди в банке. Синяк под глазом посветлел до лилового, но на носу еще белела полоска пластыря. Тедди заявлял, что это раскрепощает – знать, что он может пережить нападение. Но Йель на это не купился.

– Ты знал, – сказал Тедди, – что ты на самом деле видишь искры? Я всегда думал, это чисто мультяшный прием.

– Ну да, – сказал Йель. – То есть мне случалось получать.

Он встретил Фиону на улице, и она сказала, что ее родные наконец вычистили квартиру Нико и не заметили никакой пропажи.

– В основном потому, что не знали, что там вообще было, для начала. Кузены разобрали всю электронику, – сказала она. – Их только это волновало. Мама взяла его планшет для рисования, но она просто засунула его в коробку, и я не представляю, что она будет с ним делать. Папа был в *перчатках*. На нем были реальные резиновые перчатки.

Йель крепко обнял ее, подняв в воздух.

В комиссионном он встретил Джулиана, примерявшего ярко-желтые вельветовые штаны, которые оказались ему коротковаты, и тогда он дал их примерить Йелю.

– В них твоя задница будет как пара булочек, – сказал он. – В лучшем смысле, – он отошел назад, окидывая Йеля взглядом. – Хотя твой перед они не подчеркивают. А я слышал, *там есть что подчеркнуть*, – Йель почувствовал, как по всему его телу ниже шеи разливается краска. – Что, думаешь, Чарли умеет хранить секреты?

Джулиан купил жуткую куртку из белой кожи, с бахромой. Он рассказал Йелю, что вместе с другом-актером учит мужчин с саркомой Капоши⁶⁷ скрывать сыпь, используя сценический грим.

– Смотрятся очень ничего, – сказал он, – на расстоянии.

Серым днем, когда моросил дождь со снегом, Йель отправился на встречу с риэлтором, посмотреть дом на Брайар-стрит. Риэлтор встретила его на тротуаре и захлопала в ладоши, словно в предвкушении чего-то замечательного.

Заявленная цена составляла три годовых зарплаты Йеля. Лучше, чем он ожидал. Но все равно многовато, конечно, хотя это было ему по силам, если он не потеряет работу, если его зарплата будет повышаться по мере роста галереи, что как раз ожидалось. Сумма была примерно та же, какую Чарли выложил в прошлом году за отдельную фотонаборную машину для своей газеты. Грабительская сумма для агрегата размером с холодильник, но вполне разумная для дома. Та покупка разорила Чарли, но его сотрудникам больше не приходилось обращаться в наборную компанию, чтобы использовать чужую машину среди ночи, выметаясь к шести утра в зомбическом состоянии. Газета теоретически могла бы со временем компенсировать Чарли затраты, понемногу, с каждой рекламы бара; но он скорее повысит мизерные зарплаты сотрудников, чем вернет себе долг. Чарли никогда ничем себя не баловал, даже едой. Если бы не Йель, он бы питался одним чаем и растворимой лапшой.

Йель еще не говорил Чарли про этот дом. Чарли мог бы возмутиться стоимостью или хотя бы тем фактом, что большую часть оплатит Йель, но дом поможет Чарли в их отношениях чувствовать себя в большей безопасности. Так и будет, если они вместе станут домовладельцами. К тому же тогда они смогут завести собаку, как всегда хотел Чарли.

⁶⁷ Кожный синдром, характерный для СПИДа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.